

ДИАСПОРЫ КАЗАХСТАНА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

ДИАСПОРЫ КАЗАХСТАНА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Алматы 2018

ДИАСПОРЫ КАЗАХСТАНА:
ЕДИНСТВО
В МНОГООБРАЗИИ

Сборник статей
под ред., доктора исторических наук,
профессора Г.Н. Ким

Алматы
«Қазақ университеті»
2017

ББК 323/324/574

УДК 66.3(5Қаз.)

Д 44

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом (протокол №__ от _____)
и РИСО КазНУ им. аль-Фараби (протокол №__ от _____)*

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор кафедры
Дальнего Востока факультета востоковедения КазНУ им. аль-Фараби

Мен Дмитрий Вольбонович

доктор социологический наук, руководитель

Центра по изучению сферы межэтнических

и межконфессиональных отношений

Академии государственного управления при Президенте РК

Садвокасова Айгуль Какимбековна

Д 44 **Диаспоры** Казахстана: единство в многообразии: сборник статей: под редакцией д.и.н., профессора Кима Г.Н. – Алматы: Казак университеті, 2018. – 249 с.

ISBN 978-601-04-3289-5

Сборник включает в себя статьи исследователей, принимавших участие в проекте грантового финансирования МОН РК 2015-2017 гг. 2498/ГФ4 «Современная диаспорология и казахстанский опыт межэтнического согласия и толерантности», а также приглашенных авторов, в том числе и зарубежных. Сборник состоит из трех разделов. Первый раздел, «Теоретические аспекты диаспорологии», включает статьи о методологических основах диаспорных исследований, исторических и современных типологиях этнических диаспор и их функций. Второй раздел – статьи о диаспорах в историческом и современном пространственно-временном измерении. Заключительный, основной раздел, содержит статьи о единстве в многообразии диаспор Казахстана. В сборник включены глоссарий, индекс диаспоры и библиографии современных диаспорных исследований в Казахстане, ближнем и дальнем зарубежье. Книга рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего исследователей разных отраслей социально-гуманитарных наук, докторантов, магистрантов, студентов и всех интересующихся диаспорной проблематикой.

ББК 323/324/574

УДК 66.3(5Қаз.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора сборника д.и.н., профессора Ким Г.Н. ....

Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАСПОРОЛОГИИ .....

1. *Ким Г.Н.* Современная зарубежная и отечественная диаспорология .....
2. *Ким Г.Н.* Типология диаспор – .....
3. *Ким Г.Н.* Корейский национальный концепт евразийства и зарубежные корейцы .....

Раздел 2. ДИАСПОРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ .....

1. *Ем Н.Б.* Визуализация образования корейцев в Японии как гарантия этнической идентичности .....
2. *Калыш А.* Межэтнические браки в Казахстане .....
3. *Ким Г.Н.* Диаспора vs ирредента в пост-советской Центральной Азии .....
4. *Ракишева Б.И., Мажитова А.Б.* Традиции и обычаи этнических казахов, проживающих в Республике Алтай и Алтайском крае (социологический анализ) .....

Раздел 3. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДИАСПОРАХ КАЗАХСТАНА .....

1. *Ракишева Б.И.* Казахи в России, русские в Казахстане: Социально-демографический аспект .....
2. *Ким Г.Н.* Изменения в социальной и профессиональной структуре корейской диаспоры Казахстана .....
3. *Ермекебаев Ж.А., Исакиева З.С.* Этнография жизни чеченцев в Центральном Казахстане .....
4. *Махмутов З.А.* Этнические стереотипы как индикатор этнических и межэтнических процессов (на примере татар Казахстана) .....
5. *Маджун (Мусарова) Д.С.* Исламское образование у дунган Киргизстана и Казахстана: Прошлое и настоящее.....

Глоссарий.....

Индекс диаспоры .....

Библиография .....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роджер Брубейкер отметил, что с конца 1980-х годов наблюдается лавинообразный интерес к диаспорам. По его подсчетам термин «диаспора» и производные от него понятия встречались всего лишь один или два раза в год в названиях всех диссертаций в США 1970-х годов, примерно тринадцать раз в год в конце 1980-х годов, и почти 130 раз в 2001 году. Активное использование слова «диаспора» не ограничивается академической литературой. Поиск «Diaspora» в «Гугле» (Google.com) дает на сегодня свыше 150 млн. ссылок на английском языке, а на русском – свыше 3,8 миллиона, что во много раз больше по сравнению с данными пятилетней давности: 10,4 млн. – на английском языке и чуть более одного миллиона на русском. Это наглядный и яркий пример актуальности исследований диаспорной тематики на современном этапе.

Такое пристальное внимание к диаспорам обусловливается рядом причин. Во-первых, в силу того, что изменилась сама сущность понятия «диаспора» и появились новые критерии, по которым стали относить к диаспорам те или иные группы людей, образующих свою общность не только по принципу единства этнического происхождения. В последнее десятилетие произошло обвальное расширение круга политических, социально-экономических и этно-

культурных проблем, включающих в себя ключевую дефиницию – «диаспора». Дискуссии о проблемах диаспор активно ведутся учеными различных отраслей наук: истории, социологии, демографии, экономики, а также политиками, чиновниками, журналистами, лидерами общественных организаций, в том числе и этнических. Таким образом, они носят не только актуальный научный, но и весьма злободневный практический характер.

Во-вторых, актуальность исследования диаспор требует их всестороннего изучения, начиная с выявления их места в этносоциальной структуре общества, во всем комплексе межэтнических отношений, а также общении между представителями разных этносов в рамках полиэтнических государств.

В-третьих, диаспора является объектом внутренней политики и субъектом международных отношений, связующей нитью между внутренней и внешней политикой государства, поэтому в современный период в политической науке особый интерес представляют исследования проблемы воздействия диаспор на международные отношения.

И наконец, особую актуальность проблема диаспор приобрела в постсоветском пространстве. В СССР «диаспора» как явление была неизвестна. При этом вся история советской державы сопровождается массовыми миграциями населения, в том числе насильственными выселениями, депортациями, эвакуацией военных лет, освоением целины, строительством БАМа. Однако никто на всей огромной территории СССР не называл добровольных или вынужденных переселенцев «диаспорой», ибо идеология страны определялась концепцией «новой исторической общности – советского человека». После распада СССР несколько десятков миллионов людей бывших советских граждан оказались на положении диаспоры. Это придало явлению диаспоры, воспринимавшейся прежде как феномен, характерный для зарубежных стран, новую значимость и новое звучание. Особую остроту получили правовые и социальные аспекты этой темы, занявшие важное место в межгосударственных и межрегиональных отношениях.

Диаспорология – прежде всего исследовательское направление, однако она становится также учебной дисциплиной в разных специальностях: социологии, этнографии, истории, культурологи, демографии и т.п. При этом различают диаспорологию

частную и общую. Частная диаспорология исследует всю совокупность вопросов, связанных с какой-либо конкретной диаспорой. В общей диаспорологии речь идет преимущественно о теоретических и методологических аспектах диаспорологии, универсальных вопросах, возникающих одновременно с позиции различных научных или учебных дисциплин. Как для частной, так и для общей диаспорологии характерны комплексность, смежность и кросскультурность, которые сегодня свойственны и другим социальным и гуманитарным наукам.

Изучение диаспоры на какой-либо территории требует характеристики «материнского этноса», частью которого является диаспора, а также мотивов и последовательности переселений (миграционной цепочки) на территорию нынешнего проживания. Поэтому частная диаспорология тесно связана с частным страноведением, то есть со всеми аспектами, связанными как со страной-донором, из которой исходят эмигранты (в широком смысле слова), так и с государством-реципиентом, принимающим иммигрантов.

Для многонационального Казахстана сбалансированная национально-культурная политика выступает важнейшим инструментом поддержания социально-политической, экономической стабильности и общественного согласия. Такая политика невозможна без знания жизни многочисленных народов во всей полноте и реальных проявлениях, научной разработки программ культурного возрождения: языка, народных традиций, обрядов, обычаев. Казахстанская модель решения вопросов межэтнического и межконфессионального согласия основана на высокой степени толерантности казахов, общем историческом прошлом проживающих с ними народов, дружбе и совместном труде на благо дальнейшего развития и процветания родной страны.

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАСПОРОЛОГИИ

Ким Г.Н.

*Доктор исторических наук, профессор
директор Международного центра корееведения
КазНУ им. аль-Фараби,
профессор Университета Конгук (Республика Корея)*

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДИАСПОРОЛОГИЯ

Формирование диаспорологии как самостоятельной науки относится к концу XX века, в частности, ею занимались западные ученые, прежде всего американские. Наиболее полное отражение нашли процессы возникновения этнической диаспоры, ее сущностные проявления, основные черты, отличающие от других этнических сообществ; ее типологии, функционирование в новой среде проживания, социальная значимость, место и роль в странах-реципиентах и странах-донорах и т.д. Эти аспекты освещаются в различных направлениях социологии, антропологии, культурологии, в которых «диаспора» стала самостоятельным термином.

Исследования классических (мировых) типов диаспор, связанных с их сопоставлением и спецификацией, представлены в работах Х. Толояна, У. Сафрана, М. Дабага и К. Платта, Р. Кохейна, Мариенстраса, Э. Скиннера, М. Эсмана. Упомянутые авторы провели обширный научный анализ с целью определения сущностных характеристик этнических диаспор и конкретизации смысловых границ исследуемого феномена.

Р. Хеттлаге, У. Ханнерц, Т. Фаист, Р. Коэн, Р. Кохейн, Дж. Най, А. Бра в качестве важнейшей составляющей функциональной характеристики диаспор отмечают стремление групп иммигрантского происхождения к формированию этнических сетей коммуникаций. Эти сети охватывают и скрепляют людей, происходящих из одной страны по признаку крови.

Исследования одной из важных функций диаспоры, выполняющей трансмиссию своей этнической культуры в новую страну проживания, отражены в работах А. Ашкенази, Г. Шеффера, Р. Хеттлаге, Дж. Клиффорда, У. Ханнерца.

К. Окампо, М. Бернал, Дж. Найт, Е. Кохейн и другие исследователи значительное внимание уделяют вопросам структурного анализа диаспорной идентичности, ее трансформации в условиях страны пребывания, в результате которой она имеет не только сходство, но и различия с идентичностью этнического ядра.

Исследование политических аспектов жизнедеятельности диаспоры осуществляется в работах Г. Шеффера, Е. Шаина, М. Эсмана, Дж. Армстронга, Э. Бонасича, Р. Брубейкера, С. Вертовека, С. Хантингтона, С. Лаллука и др., которые считают, что «явление диаспоры имеет измерение, относящееся к сфере международных отношений». М. Эсман выделяет в этой связи следующие формы взаимодействия диаспоры, страны проживания и исторической родины. Во-первых, в форме обращения страны-донора за помощью к диаспоре, когда она способна влиять на события в стране-реципиенте и в стране «исхода». Во-вторых, в форме защиты и поддержки страны «исхода» своей диаспоры в иной стране.

Другим направлением исследований является определение критериев и содержания понятия диаспоры, его типологизации. В работах, посвященных данной проблематике, рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения классических, или исторических, диаспор и новых иммиграционных сообществ, критерии модельной или эталонной диаспоры, отнесение к числу общностей рассеяния разделенных народов и этнических групп. Р. Брубейкер ввел понятие «диаспоры катаклизма», рассматривая их как защитное объединение, связанное с перемещением границ. По классификации Дж. Армстронга диаспоры делятся на «мобилизованные» – те, которые обладают высоким политическим, экономическим, организационным потенциалом, и «пролетарские» – не имеющие навыков для «эффективного действия в своих коллективных интересах».

Еще одно направление исследований составляют работы по изучению процессов иммиграции и адаптации беженцев, этнических меньшинств в принимающих странах. Детальному анализу подверглись вопросы, связанные с выявлением предпосылок

иммиграции индивидов и общин с этнической родины, этапов и особенностей усвоения ими новых для них социальных норм, культурных ценностей принимающего общества.

За прошедшие два десятилетия за рубежом появился значительный массив публикаций в виде монографий, сборников статей, материалов конференций по актуальным проблемам отдельных этнических диаспор, начиная от классических: еврейской и армянской и, заканчивая новыми, такими как: японская, корейская, турецкая и т.д. Счет здесь идет даже не на сотни, а уже на тысячи наименований изданных работ и неопубликованных отчетов, магистерских и докторских диссертаций.

Параллельно с ними были изданы исследования, посвященные африканской, азиатской, арабской, кавказской, мусульманской и др. диаспорам, имеющим истоки не из одной конкретной страны, а из целого региона или континента. В них предприняты попытки найти характерные общие черты, объединяющие иммигрантов по общему историческому прошлому, принадлежности к одному культурно-языковому ареалу, расовому типу и одной религиозной вере.

Среди значительной массы книг справочно-информационного характера особо стоит отметить 2-томную «Энциклопедию диаспор», изданную под редакцией Мэлвина Эмбера, Карол К. Эмбер и Яна Скоггарда (Йельский университет). В масштабном проекте приняли участие около ста ведущих ученых-экспертов из разных стран, изучающих этнические диаспоры. В первом томе даны обзорные статьи по истории возникновения зарубежных диаспор, а также о взаимосвязи искусства и диаспоры, стратегии и идентичности диаспоры и типах диаспор. Второй том содержит 60 статей о конкретных этнических диаспорах, построенных по одной и той же структуре: Самоназвание и название диаспоры и материнского этноса; География расселения; История; Демография; Язык; Культура и диаспорная община: Экономическая деятельность; Гендерные роли и статус; Жилище и использование жилого пространства; Собственность и наследование; Брак, семья и домашнее хозяйство; Социализация и образование; Этнические организации и структура; Социальные слои; Политические объединения и их деятельность; Религиозные верования и практика; Обряды, обычаи и праздники; Искусство; Досуг и отдых; Культурные вариации; Связи со страной проживания, исто-

рической родиной и другими зарубежными диаспорными общинами; Идентичность (самосознание).

Такая общая структура позволяет наглядно видеть и сравнивать общее и особенное в демографических, социально-экономических, этнокультурных и иных жизненно важных диаспоральных параметрах.

Во многих университетских центрах Северной Америки, Европы и Азии действуют научные центры, специализирующиеся на диаспорной тематике. Каталоги учебных программ зарубежных университетов в Африке, Латинской Америки, Австралии и Океании стали включать курсы лекций по диаспорам для бакалавров и магистров. Возникли и действуют исследовательские институты и научные центры, разрабатывающие различные аспекты диаспорологии. Поскольку возникновение диаспоры связано с международными транснациональными перемещениями людей, зачастую центры связывают изучение миграций и диаспоры. Например, в Институте восточных и африканских исследований Лондонского университета в 2003 году началась междисциплинарная программа по подготовке магистров по специальности «Миграции и диаспорные исследования». В 2007 году она переросла в создание одноименного Центра, в котором научные проекты и учебные программы вышли за афро-азиатские рамки и охватили диаспоры в Европе, Америке и странах Карибского бассейна.

Лавинообразный исследовательский и прагматический интерес к иммигрантам и новым этнодиаспорным образованиям последних десятилетий вызвал появление новых специальных академических журналов, на страницах которых обсуждаются различные теоретические и конкретно-социологические, этнографические или политико-экономические вопросы, связанные с диаспоральным дискурсом. За этот короткий период создано множество обществ и ассоциаций, объединяющих не только людей по принадлежности к одной стране исхода, но и группы ученых, исследующих их историю, современность и перспективы дальнейшего развития в новой стране проживания. Ассоциации и центры диаспорных исследований ежегодно проводят научные симпозиумы, конференции и другие форумы, на которых апробируются полученные результаты, проводятся дискуссии по актуальным проблемам диаспорной парадигмы.

В советской науке диаспорам не уделялось должного внимания. В настоящее время, когда в постсоветском пространстве проявилась тенденция к актуализации и усилению значения этнического фактора в социальной жизни, этническая мозаичность населения страны стала предметом пристального научного анализа. Все исследования социологов, этнографов, философов, правоведов, политологов и психологов в основном группируются вокруг таких вопросов диаспоры, как определение ключевой дефиниции, критерии диаспоральности, типология и функции диаспор, перспективы развития и т.д. Существующие разработки диаспорологии можно разделить на следующие группы:

Первая группа – это труды теоретического и методологического плана, составляющие ныне основу для диаспорологических исследований. В российской научной литературе проблема диаспоры всегда шла на базе разрабатываемой теории этноса. Значительное число работ посвящено разработке теоретических схем, в рамках которых осуществляется научный подход к объяснению генезиса и значимости этничности и этнической идентичности. Разработку данного теоретического подхода связывают с проведенными в 1960-80-х годах исследованиями С.М. Широкогорова, Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, Ю.И. Семенова, В.И. Козлова и др.

На закате советской эпохи возникший бум этнического возрождения, связанный с горбачевской триадой «перестройка-гласность-демократизация», проявился в диаспорных исследованиях, львиную долю которых составили труды социологов и этнографов. И.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Т.А. Полоскова, В.А. Тишков, В.Д. Попков и др. в диаспорах интересовали вопросы политико-правового статуса, роли и места во внешне- и внутреннеполитической жизни государств.

Проблема исследования этнических диаспор приобрела особую остроту в последние десятилетия в связи с массовыми этническими миграциями, процессами глобализации, интенсификацией связей между группами мигрантов, актуализацией этничности и другими процессами, характерными для современности. С конца 1980-х гг. стало оформляться исследовательское направление, специально занимающееся проблемой диаспорального развития этнических общностей. Отличительной чертой этого направления является его междисциплинарный характер. Поэтому спектр

исследований диаспор очень широк, а оценки данного феномена неоднозначны.

Вторую группу составляют исследования, посвященные разработке различных аспектов и конкретных особенностей диаспоры как специфического этносоциального феномена. Первым теоретическим исследованием об источниках формирования, критериях самоорганизации диаспоры явилась работа Т.С. Иларионовой «Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры)». Как весьма содержательную следует отметить монографию З.И. Левина «Менталитет диаспоры», который в основу функционирования диаспоры положил принцип системного и социокультурного анализа. Наиболее продуктивными и яркими современными российскими учеными, исследующими диаспору, являются В.И. Дятлов, В.М. Шнирельман, Н.П. Космарская, Н.М. Лебедева, Ж.Т. Тощенко и др., внесшие значительный вклад в изучение типологии, функций и особенностей диаспор.

В последнее пятилетие ряд молодых российских ученых защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата в различных отраслях наук: исторических, политических, международных отношений и т.д. Особое внимание своей новизной подхода к диаспорной тематике, широтой использованных источников и основательностью рассуждений привлекли диссертационные исследования О.Н. Батановой, Л.В. Золотовой, А.С. Кима, М.А. Мыльниковой, А.В. Чепурина, М.А. Лобанова, В.К. Полуянова, И.Ю. Котина и др.

Третью группу составляют исследования этнокультурных, социально-экономических, правовых и международных аспектов функционирования этнических диаспор, среди которых одним в силу разных причин уделяется большее внимание, чем другим. К примеру, армянская диаспора и параметры ее влияния составляют особый объект научного интереса Э.Л. Мелконяна, В.П. Григоряна, А.Е. Тер-Саркисянца, Л.А. Абрамяна, А.М. Халмухамедова, С.В. Лурье и других. На еврейской диаспоре постсоветского пространства и мировом масштабе сфокусировали свои исследования М. Членов, А.И. Милитарев, А. Ашкенази, А.Д. Эпштейн, Д.В. Кузнецов, М. Куповецкий, А.С. Кац, Б.Н. Миронов, Р. Рывкин, И. Рывкина, В. Шапири, В. Червяков, Е. Носенко, В.С. Собкин, А. Синельников и др.

Четвертое направление составляют исследования по проблематике российской диаспоры в зарубежье. В рассматриваемых работах анализируется и характеризуется состояние русских общин и организаций в ближнем и дальнем зарубежье, политика взаимодействия российского государства с новыми русскими диаспорами. Внимание исследователей привлекает проблематика диаспоральных процессов на постсоветском пространстве в условиях политической и социальной трансформации.

Немаловажное значение имеют исследования ученых из национальных республик, посвященных изучению этнических групп в регионах России. Среди них можно отметить работы Е.Н. Фаттаховой, Л.В. Сагитовой, И.В. Шеда-Зориной, Р.В. Оплаканской, А.С. Муратова и др.

Особо следует отметить специальные печатные периодические издания, публикующие статьи о диаспорах. «Этнографическое обозрение» является правопреемником журнала «Советская этнография», где публиковались все значимые статьи по теории этноса, этническим процессам в Советском Союзе и за рубежом, традиционной материальной и духовной культуре. В последние годы в названиях статей в журнале все чаще и чаще встречается ключевое понятие «диаспора» и производные от него слова.

С 1999 года в Москве издается независимый печатный орган – журнал «Диаспоры», на страницах которого виднейшие отечественные и зарубежные ученые анализируют проблемы международных миграций и феномен этнических диаспор. К основным рубрикам относятся: диаспора как исследовательская проблема; метаморфозы идентичности; диаспоральная политика России; диаспорические дискуссии; дарисовки и наблюдения; этническая диаспора (русская, еврейская, китайская, немецкая, корейская и др.).

Журнал выходит четыре раза в год, причем в каждом номере, помимо материалов в основных рубриках, представляется какая-то тема: к примеру, язык в диаспоре, дилеммы диаспоральной идентичности, Россия и страны Балтии: обмен диаспорами, русские евреи: от Штетла до Мегалополиса, «Ветер с Востока» – Китайцы и корейцы в рассеянии и т.д.

В постсоветском пространстве появились диаспорные сайты в интернете, а также специальные электронные диаспорные журналы. К примеру, издательство «Планета диаспор» выпускает од-

ноименный журнал, освещающий жизнь народов бывшего СССР в сегодняшней России и русскоязычного населения за пределами Российской Федерации.

Весной 1996 года в Москве был создан Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), среди учредителей которого – правительство Москвы, институты Российской академии наук, МГИМО МИД РФ, МГУ и др. В штате Института на постоянной основе работают 20 специалистов-экспертов, в том числе 3 доктора и 10 кандидатов наук в различных областях. В нем действуют отделы Украины и Крыма; Молдавии и Приднестровья; Белоруссии; Казахстана и Средней Азии; Кавказа; экономической интеграции стран СНГ; сравнительного изучения законодательств стран СНГ; русской диаспоры и связей с соотечественниками. В структуру Института входит также пресс-центр и архив. Институт имеет филиалы в Ереване (2007) и Бишкеке. Институт выпускает информационно-аналитический бюллетень «Диаспора. Общественные организации соотечественников в странах СНГ и Прибалтики».

Среди стран и регионов, где сконцентрирована основная масса «заграничных» русских, особую роль играет Центральная Азия, на территории которой к моменту распада Советского Союза проживала вторая по численности после Украины русская община. В целом численность русского населения Центральной Азии по состоянию на 2007 г. можно оценить в 5,5 – 5,7 млн. чел. На сегодняшний день в Центральной Азии осталось около 60% русских, проживавших на ее территории к моменту распада СССР.

Новой России необходима и ее диаспора, и высокий имидж этой диаспоры в мире и в отдельных странах. Использование диаспорного потенциала в реализации национальных интересов Россией уже вполне назрел, однако основной проблемой ее взаимодействия с зарубежными общинами является отсутствие четко выраженной прагматической концепции.

Диаспорные исследования в Казахстане. Для многонационального Казахстана сбалансированная национально-культурная политика выступает важнейшим инструментом поддержания социально-политической, экономической стабильности и общественного согласия. Такая политика невозможна без знания жизни многочисленных народов во всей полноте и реальных прояв-

лениях, научной разработки программ культурного возрождения: языка, народных традиций, обрядов, обычаев. Казахская модель решения вопросов межэтнического и межконфессионального согласия основана на высокой степени толерантности казахов, общем историческом прошлом проживающих с ними народов, на дружбе и совместном труде на благо дальнейшего развития и процветания родной страны.

В казахстанской науке диаспоральная тема стала разрабатываться в первую в связи с исследованием неизвестных страниц истории казахов, оказавшихся в разных странах мира. Весомый вклад в изучение казахской диаспоры внесла Г.М. Мендикулова, которая выполнила ряд зарубежных грантовых проектов и совершила полевые экспедиции в страны, где проживают численно крупные казахские общины. Ее докторская диссертация была первой в Казахстане и посвящена истории зарубежных казахов, затем она издала три монографии и множество статей.

Сегодня историю казахов в Китае изучают доктор политических наук К. Л. Сыроежкин, профессор-оралман из Китая – доктор исторических наук Набижан Мухаметхан-улы. В КазНУ им. аль-Фараби докторант Б. Калшабаева работает над диссертацией о казахах в Узбекистане; Д. Ескекбаев – по этнографии казахов в России; С. Билалов, аспирант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН – о проблемах адаптации казахов-репатриантов в Казахстане.

В Институте философии и политологии МОИИ РК три года разрабатывалась тема «Казахская диаспора: проблемы и перспективы», исследования велись под руководством академика НАН РК А. Кошанова и члена-корреспондента НАН РК, директора института А.Н. Нысанбаева. В исследованиях принимали участие доктор исторических наук Зардыхан Кинаят-улы, Набижан Мухаметхан-улы, Г.М. Мендикулова и Минис Абильтай-улы.

Ранее, еще в конце 1980 – в первой половине 1990-гг. ряд казахстанских исследователей: Г.С. Баратова, В.С. Цой, Г.Н. Ким, Л.Э. Рис, А.Н. Фризен, В.Э. Кригер и др. защитили кандидатские диссертации по истории депортированных народов и других этнических групп. Но диаспорология так и не стала самостоятельным и институализированным научным направлением. Конъюнктурно созданный в 1990 г. Центр по изучению национальных и межнациональных отношений в Институте философии и права

НАН РК вскоре был расформирован, не оставив заметного следа в научном поле.

В Казахстане за последние десять лет вышло в свет намного больше книг и статей об отдельных народах, проживающих в республике, чем за предыдущие полвека. Этому есть причины. Во-первых, демократизация общества, предоставление доступа к секретным архивным документам, свобода творчества и печати дали возможность публиковать новые исследования. Во-вторых, исследования ученых были востребованы небывалым интересом к своему историческому прошлому, этнической культуре, древним обрядам и традициям, национальному языку. В-третьих, исторические родины в лице исследовательских центров и фондов, а также неправительственных организаций стимулировали интерес отечественных исследователей, предоставляли гранты и спонсировали научные разработки диаспорных вопросов. Немцы получали поддержку из Германии, поляки – из Польши, турки – из Турции, корейцы – из Южной Кореи и т.п.

Тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением.

В целом, степень разработанности диаспорной проблематики пока далека от завершения, ибо продолжают оставаться не до конца раскрытыми и спорными вопросы. Следует обратить внимание также на то, что в казахстанской науке последнего десятилетия мало диссертационных и монографических исследований по проблеме диаспоры. Диаспорология в многонациональном Казахстане должна стать одной из специальностей вузовской программы обучения. На историческом факультете или факультетах социологии и политологии следует создать профильную кафедру, а в Институте истории и этнографии, востоковедения или Казахстанском институте стратегических исследований (КИСИ) сформировать группу (отдел, сектор) диаспорологии с тем, чтобы готовить специалистов, способных в дальнейшем планомерно и системно исследовать вопросы, имеющие не только сугубо научное значение, но выход в практику внутренней политики, повседневной этнокультурной жизни и международных связей.

ТИПОЛОГИЯ ДИАСПОР

Типологизация диаспор – одна из важных в методологическом отношении проблем, решение которой дает возможность понять единство и многообразие изучаемых этнических общностей. Многие ученые пытались в той или иной степени выработать некую систему классификации диаспор. Однако на сегодняшний день отсутствует общепризнанная мировым научным сообществом система разделения исторических и современных диаспор по отдельным типам вследствие множества выдвинутых учеными в качестве оснований для классификации диаспоры типологизирующих признаков.

Одним из первых к этому вопросу обратился американский исследователь Дж. Армстронг, который предложил разделять все диаспоры на «мобилизованные» (укоренившиеся) и «пролетарские» (возникшие недавно) [1]. Диаспоры первого типа имеют длинную историю, проходят в течение веков сложные процессы формирования и развития в иноэтнической среде государств-реципиентов. Такие мобилизованные диаспоры обладают социально-политическими, материальными и культурными преимуществами по сравнению с другими этническими группами и национальными группами (меньшинствами, новыми иммигрантами). Пролетарские диаспоры Дж. Армстронг называет «непривилегированными продуктами современной политики».

В российской науке предприняты попытки классификации диаспор не только с учетом общеизвестных исторических факторов, но и этнополитических реалий новейшего времени: развал федеративных государств, образование суверенных государств, возникновение острых проблем в межэтнических отношениях, доходящих до открытых конфликтов и войн. Исследователями предлагаются свои авторские наборы типологических признаков, из которых особо выделены, по их мнению, особо существенные.

Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова относят к типологическим признакам те, «кого представляет диаспора, какие страны или народы относятся к их исторической Родине или историческому прошлому». Исходя из данных признаков, авторы предлагают выделить внутренние диаспоры (проживающие в пределах одного

государства, но в иноэтнической среде) и внешние (за пределами государства – родины этноса) [2]. В.А. Тишков выделяет новый тип диаспоры под названием «транснациональные общности», которые благодаря постоянной циркуляции людей, денег, товаров и информации пребывают в своем главном взаимодействии со странами исхода и странами проживания [3].

Т. Полоскова на основе таких критериев, как место, роль и значимость в системе международных связей, дает следующую типологизацию диаспор:

- «мировые» диаспоры, оказывающие влияние на развитие системы международных отношений и политику ведущих государств;

- диаспоры, чье влияние ограничивается региональными системами, отдельной группой стран;

- диаспоры, имеющие значение для двусторонних отношений.

В. Попков, учитывая стремительное развитие современных диаспор, считает целесообразным выделить ряд критериев (оснований) для типологии диаспор [4]:

1. Общность исторической судьбы. Согласно этому критерию диаспорные общины разделяются на два типа. К первому типу следует отнести те диаспорные образования, члены которых в прошлом являлись гражданами одного государства, и в настоящий момент времени проживают на его территории, но за пределами ныне независимой страны исхода. Примером тому могут служить армянские или азербайджанские диаспорные общины в России; или же русские общины в государствах Средней Азии. Ко второму типу относятся те диаспорные образования, члены которых ранее не были связаны с территорией нового проживания единым правовым, языковым полем и никогда не являлись частью единого государства. В данную категорию входит большинство ныне существующих диаспорных образований.

2. Юридический статус. Данное основание также подразумевает разделение диаспорных общин на два типа. Первый тип диаспорных образований включает в себя те диаспорные общины, члены которых обладают официальным юридическим статусом, необходимым для легального пребывания на территории принимающего региона. Сюда относится статус гражданина страны поселения, вид на жительство, статус беженца, и т.д. Второй тип объединяет те диаспорные общины, члены которых находятся на

территории принимающей страны преимущественно нелегально и не имеют официальных документов, регламентирующих их пребывание. Разумеется, данное разделение довольно условно и способно вызвать много вопросов, так как практически каждая диаспорная община включает в себя как лиц с признанным юридическим статусом, так и нелегалов.

3. Факт миграции или перемещения границ. Данное основание предполагает два случая: в первом случае группа людей перемещается из одного региона в другой с пересечением государственных границ и в результате возникают (или пополняются уже существующие) диаспорные общины. Второй случай предполагает перемещение самих границ, в то время как та или иная группа остается на месте и «вдруг» оказывается в положении этнического меньшинства и формирует диаспорную общину.

4. Характер мотивации к переселению. В соответствии с этим основанием диаспорные образования можно разделить на следующие два типа. Первому типу принадлежат диаспорные общины, возникшие в результате добровольного перемещения по преимущественно экономической мотивации. К такому типу относится большинство «новых» диаспорных общин в странах Европейского Союза, например турки или поляки в Германии. Ко второму типу относятся диаспорные общины, сформировавшиеся в результате выдавливания их членов с «исходной» территории вследствие дискриминации, геноцида или природных катаклизмов.

5. Характер пребывания на территории иной страны (региона). Здесь следует говорить о трех случаях. В первом случае необходимо выделить те диаспорные общины, члены которых ориентированы на постоянное нахождение и получение гражданства страны поселения. Во втором случае диаспорные общины склонны рассматривать регион нового поселения как транзитную область, откуда должно следовать продолжение миграции или возвращение в страну исхода. Третий случай рассматривает диаспорные общины, члены которых настроены на непрерывную миграцию между страной исхода и регионом нового поселения.

6. Наличие «базы» в регионе нового поселения. Принимая во внимание это основание, диаспорные общины следует разделить на два типа. К первому типу относят те, члены которых длительное время проживают на территории региона поселения

и уже имеют опыт взаимодействия в культуре и обществе нового поселения и исторически связаны с местом нового проживания. Такие диаспоры имеют уже сложившиеся сети коммуникаций и обладают высоким уровнем организации и экономическим капиталом. К такому типу следует отнести большинство общин «классических» диаспор. Второй тип представлен этническими общинами, возникшими в относительно недавнее время. Основной отличительной особенностью таких диаспорных образований является то, что они возникли на той или иной территории в относительно недавнее время и еще не имеют исторического опыта взаимодействия с культурой и обществом принимающего региона.

7. Характер «культурной схожести» с принимающим населением. Данное основание предполагает разделение диаспорных общин на три типа. К первому типу следует отнести диаспорные общины с близкой культурной дистанцией; ко второму типу – со средней; а к третьему – с дальней культурной дистанцией к культуре принимающего населения региона.

8. Наличие государственных образований на территории страны исхода. Данное основание предполагает два типа диаспорных образований. К первому типу относятся диаспорные общины, члены которых имеют «свое государство», куда могут уехать самостоятельно, на основании ощущаемой принадлежности к своей «исторической родине» либо могут быть высланными туда же властями региона нового поселения при наличии у членов диаспорной общины гражданства данного государства. Ко второму типу принадлежат «безгосударственные» диаспоры, т.е. диаспоры, члены которых не имеют официально признанного государства и, соответственно, не могут быть его гражданами и рассчитывать на возможную поддержку с его стороны. В данную категорию входят, например, цыгане, палестинцы и, до сравнительно недавнего времени сюда же можно было вписать и евреев, в то время как первый тип представлен большинством существующих в настоящее время диаспор [5].

Есть иное, более упрощенное деление диаспор на два типа: старые и новые, хотя и в этой ограниченной типологии не все так просто и ясно до конца. К примеру, споры и дискуссии о том, какие этнические диаспоры относить к старым, или как их еще называют классическим, мировым, не прекращаются до сих пор.

Среди исследователей нет единого мнения в том, какие из диаспор относить к «классическим», «старым» или «мировым». Так, Т. Чаптыкова относит к классическим народам в древнем мире диаспоры греков и евреев, а армянской, испанской, английской диаспорам отводит значительную роль «в мировом социально-культурном прогрессе» [6]. А. Вишневский рассматривает армянскую, еврейскую, греческую диаспоры как «классические» в плане длительности существования, а также отвечающих основным критериям диаспоры [7]. Исследуя феномен «мировых» диаспор, Т. Полоскова указывает на их основные типологообразующие признаки:

- широкий ареал расселения;
- достаточный количественный потенциал;
- влияние в области политики, экономики, культуры на развитие внутригосударственных процессов;
- наличие институциональных структур, предполагающих функционирование международных диаспоральных объединений;
- самостоятельное осознание человека как представителя «мировой» диаспоры [8].

Большинство исследователей в той или иной степени согласны с тем, что к старым (классическим) диаспорам относятся «эда» и «спюрк». Хотя по некоторым признакам к числу мировых диаспор можно отнести китайскую, греческую, российскую, немецкую и ряд других.

Подводя краткий итог, соглашаемся, что общими факторами для выделения различных типов диаспор являются исторические события, связанные с массовым переселением, исходом с исторической родины, и множество этнополитических факторов, среди которых важное место занимают распад и образование государств.

Старые (классические) диаспоры

Еврейская диаспора. В эллинистическую эпоху (III в. до н.э. – I в. н.э.) словом «диаспора» стало называться постоянное добровольное проживание части еврейского народа вне Эрец-Исраэль. Утрата исторической родины вследствие изгнания превратила

слово «галут» в понятие, схожее с «диаспорой», но означающее вынужденный еврейский исход и пребывание за пределами земли Израиля.

Первое значительное по размерам насильственное переселение евреев за пределы своей земли было результатом падения Израильского царства (732 г. до н. э.), когда ассирийские завоеватели угнали десятки тысяч жителей захваченного царства во внутренние провинции Ассирии.

Затем в 597 г. до н. э. вавилонский властитель Навуходоносор вторгся в Иудею и увел с собой 10 тыс. человек. Попытка мятежа привела к падению Иерусалима (586 г. до н. э.) и выводу в Вавилонию большинства населения Иудейского царства. Так было положено начало более чем двухтысячелетней истории евреев в Вавилонии [9].

Распространение власти Рима на все Средиземноморье привело к тому, что подавляющее большинство еврейского народа оказалось в границах Римской империи. Римляне проявляли терпимость к иудейской религии. Евреи имели право создавать в Римской империи собственные учреждения и пользоваться автономией в делах управления общиной; евреи были освобождены от участия в языческих культах и от повинностей, вступавших в конфликт с заветами иудаизма.

С возникновением в VII в. Арабского Халифата свыше 90% еврейского народа подпало под власть мусульман. В 1-й половине X в. начинается распад халифата на отдельные государства, что влечет за собой возникновение новых центров, в которых развивается еврейская диаспора.

С XI в. центр еврейской диаспоры стал перемещаться в Европу, в которой христиане считали себя наследниками и продолжателями духовных традиций еврейского народа. Однако со временем мнение об евреях кардинальным образом изменилось, ибо их объявили «хриstopродавцами» и виновными за смерть Иисуса. В XIII в. Церковные гонения против евреев еще более усилились, а во время эпидемии чумы 1348-49 гг. их обвиняли в отравлении колодезцев, что привело к уничтожению целых еврейских общин [10].

В средневековой Европе евреи жили в еврейских кварталах, что позволяло им исполнять заветы религии и сохранять традиционный жизненный уклад. В самом начале Реформации Мар-

тин Лютер выступил в защиту евреев, однако, не получив от них поддержки и ожидаемого перехода евреев в христианство, он подверг евреев ожесточенным нападкам. Реформация привела к расколу единого ранее христианского Запада на католические и протестантские государства, в которых в течение XVI-XVII вв. евреи подвергались гонениям и им угрожала постоянная опасность. Лишь в Нидерландах и Англии в XVII в. сложились политические условия, позволявшие евреям свободно исповедовать свою религию. Главным центром евреев в Нидерландах был Амстердам, кроме того многие из них поселились в голландских колониях на островах Вест-Индии и в Северной Америке.

К концу XVII в. средневековая структура еврейства была разрушена. Географическое распределение еврейского населения в мире резко изменилось по сравнению с концом XV в. Изменения в социально-политической структуре европейских государств оказали большое влияние на положение евреев. Абсолютизация монархической власти, начавшаяся во Франции, постепенно распространялась и на другие страны. Еврейская община, хранящая верность особой культуре, самобытному образу жизни, религии, выглядела пережитком средневековья. Политика «просвещенного абсолютизма» европейских государств 2-й половины XVIII в. преследовала цель «исправления евреев» и подготовки к постепенному расширению их прав.

В этот период в Северной Америке эмансипация евреев стала неотъемлемой частью политического устройства обретших независимость бывших колоний. Некоторые остатки прежних ограничений были устранены в конце XVIII в. – начале XIX в. Рост революционных настроений в Европе, вдохновленной Французской революцией, привел к тому, что равноправие евреев стало рассматриваться многими как один из признаков воплощения в жизнь принципов политического равенства.

Еврейское население Европы в XIX в. значительно возросло. Так, в начале XIX века численность евреев во всем мире составляла 2,2 млн., из которых около 80% проживали в Европе. В конце XIX века в Европе проживали почти 8,5 млн. из 10,5 млн. человек, составлявших еврейское население мира. Около 1 млн. евреев, проживавших в конце XIX века в Америке, в подавляющем большинстве были выходцами из Европы. Еврейское население стран Азии и Африки в начале века составляло около 500

тыс., в конце – 900 тыс. Оно росло гораздо медленнее еврейского населения стран Европы [11].

До середины XX в. численность еврейского населения продолжала постоянно возрастать. К 1918 г. в мире насчитывалось около 14 млн. евреев, причем на первом месте по численности еврейского населения стояли США (около 3,5 млн. чел.), затем следовала обретшая независимость Польша (около 3 млн.). Еврейское население советской России составляло 2,5 млн.; Румынии – 0,75 млн.; Германии и Венгрии – по 0,5 млн. [12].

Одна из самых трагических глав в истории еврейского народа скрыта в Холокосте – бесчеловечном истреблении немецкими нацистами и коллаборационистами из других стран почти трети еврейского народа и многочисленных представителей других меньшинств. Сами евреи используют термин на иврите – «шоа», что означает «катастрофа» [13].

Катастрофа европейского еврейства резко изменила весь облик народа. После нацистского геноцида уцелело менее 12 млн. евреев; половина их проживала на американском материке, и лишь 1/3 – в странах Европы, включая Советский Союз.

В начале третьего тысячелетия еврейское население земного шара все еще не смогло достичь уровня 1939 г., когда в мире жили 16,7 млн. евреев. В 1980-90-х гг. число евреев предельно сократилось. Основными причинами этого явления стали массовая ассимиляция в странах Северной и Южной Америки, Западной Европы, Советского Союза и государствах, образовавшихся после его распада, резкое увеличение числа смешанных браков, в которых все больший процент детей выбирает не еврейскую национальность, сокращение числа детей, рожденных еврейскими матерями.

В середине 1980-х гг. – начале 2000-х гг. происходили колоссальные изменения в географии расселения евреев земного шара. Процессы перестройки в Советском Союзе, а затем распад СССР привели к массовому выезду евреев в другие страны. Так, в 1989–2003 гг., согласно данным Еврейского агентства, из СССР и стран, образовавшихся после его распада, в Израиль приехали почти один миллион новых репатриантов. Отъезд большинства еврейского населения из Советского Союза и государств, образовавшихся после его распада, сокращение еврейского населения во многих государствах Западной Европы (за исключением Гер-

мании) привели к тому, что в начале 2000-х гг. 95% евреев жили в десяти странах мира, в том числе около 80% – в США и Израиле. В крупнейших центрах еврейской диаспоры Западной Европы (Франция, Великобритания), как и в странах с небольшой численностью евреев (Бельгия, Италия), происходит сокращение еврейского населения как вследствие ассимиляционных процессов, так и в результате репатриации в Израиль или выезда в США, Канаду. Быстрыми темпами происходило сокращение еврейского населения Южной Америки, которое с 1980 г. до 2002 г. уменьшилось на 18%. В Аргентине в середине 1980-х гг. жило около 225 тыс. евреев, в начале 2004 г. еврейское население страны составляло около 185 тыс. человек [14].

Хотя еврейская община США является наиболее многочисленной в мире и происходит приток новых членов из других стран, однако еврейское население США в силу ассимиляционных процессов сокращается. Так, если в 1990 г. в США было 5 млн. 700 тыс. евреев, то в 2003 г. количество евреев США составляло 5 млн. 300 тыс. человек.

Одной из немногих общин мира, где происходит увеличение еврейского населения, является Канада. В 1981 г. еврейское население страны составляло 312 тыс., а в 2001 г. – 370 тыс. Еще одной страной, в которой растут еврейские общины, является Австралия, где в 1981 г. жили 75 тыс. евреев, а в 2001 г. – 100 тысяч.

На африканском континенте существует одна численно значимая еврейская община – в Южно-Африканской Республике, где она состоит из 70 тыс. чел. На азиатском континенте, помимо Израиля, еврейские общины функционируют в Иране и Индии. В 1979 г., накануне исламской революции, в Иране проживало примерно 70 тыс. евреев, в 2004 г. оставалось около 11 тысяч. Небольшая еврейская община Индии постоянно сокращается: в 1980 г. она насчитывала около 8 тыс. человек, в 2004 г. – 5 тыс. [15].

Ведущий израильский демограф – профессор Де ла Пергола утверждает, что за 1970-2005 годы численность евреев в диаспоре сократилась почти на четверть: с 10.063.000 до 7.755.000 человек. Вместе с тем общая численность евреев в мире не уменьшилась. По данным Де ла Перголы, в 1970 году она составляла 12.645.000 человек, а в 2005-м – чуть меньше 13 миллионов. Численность населения Тель-Авива с пригородами превысила число

еврейской общины Нью-Йорка, являвшегося долгое время крупнейшим в мире еврейским центром [16].

Еврейская диаспора остается быть мировой не только потому, что рассеяна по всей планете и ее численность превышает население исторической родины – Израиля. Причина такой современной мировой масштабности еврейства кроется не только в ее своего рода уникальном историческом прошлом. А в большей степени в том месте, которая занимает еврейская диаспора в политической, экономической, научной и культурной жизни в странах проживания. Возьмем для примера статистику, характеризующую роль евреев в жизни США. В стране (согласно «Форбсу») живут 108 миллиардеров-евреев, или 30% от общего числа. В среднем по США 1 миллиардер на 800 тыс. человек. По некоторым штатам картина еще выразительнее. В самом богатом штате Калифорнии на 36 млн. жителей приходится 90 миллиардеров, а евреи, составляя 2% населения, дают 31 миллиардера. В штате Нью-Йорк (19 млн. жителей, 49 миллиардеров) евреи составляют 5% населения и среди них 34 миллиардера, или 70%.

Американские евреи занимают ведущие позиции в научной и культурной жизни страны. В США живут 156 лауреатов Нобелевской премии в области наук (в среднем 1 на почти 2 млн. жителей), из них евреев – 61, или 1 лауреат на 87 тыс. В 2003 г. 40% американских профессоров составляли евреи [17].

Такие же ведущие позиции занимают евреи США в политической, общественной жизни страны, в правительственных учреждениях, в судебной системе. В 1984–86 гг. в сенате США было восемь евреев (из ста сенаторов), в палате представителей 30 членов (из 435) были евреями; в 2005–2006 гг. десять сенаторов и 27 членов палаты представителей были евреями, из девяти членов Верховного суда США двое были евреями. Среди 50 губернаторов штатов 2 еврея.

Около двух третей всех работающих американских евреев занимают средние и высшие командные должности в различных отраслях хозяйства США (среди всего работающего населения такая прослойка составляет только 46%). В начале 2000-х гг. доходы средней еврейской семьи превышали средние доходы в США. Так, годовой доход еврейской семьи в среднем составлял 54 тыс. долларов, а в целом по стране – 42 тыс. Составляя 1,8% населения США, 31% американских евреев относится к наиболее

преуспевающим слоям населения. Только 5% еврейских семей живет ниже черты бедности, в то время как во всем населении США таких семей 11% [18].

Такие же ведущие позиции в общественной, экономической и культурной жизни страны занимают евреи Канады. Так, среди пятидесяти самых богатых семей Канады насчитывается семь еврейских. Во Франции в начале 2000-х гг. 17,6% работающего еврейского населения составляли менеджеры и руководители производства, 13,8% – владельцы разных частных предприятий и компаний, 15% – представители свободных профессий. Только 1,8% среди работающих евреев составляют рабочие.

По структуре и характеру диаспора наших дней отличается от диаспоры не только довоенного времени, но и от той, которая существовала после Катастрофы, к моменту окончания войны. Ныне еврейская диаспора вместо четырех центров имеет три: в США, Латинской Америке и Западной Европе (включая Великобританию). Воссоздание государства Израиль не привело к ликвидации диаспоры, но его роль в еврейском мире, в национальном самосознании стремительно возрастает. Меняется соотношение между евреями, живущими в Израиле и диаспоре. Повидимому, в ближайшем будущем более половины еврейского народа будет жить в Израиле.

В результате этих процессов значительно изменился облик еврейского народа в диаспоре. Характерной для него стала концентрация в странах высокого экономического и культурного развития. Большая часть евреев перешла с идиш на языки окружающего населения: английский, русский, испанский, французский и др. Резко увеличилось еврейское население Эрец-Исраэль: до войны оно составляло около 3% мирового еврейства, то в 1980-х гг. – 25%; а в 2005 г. – 40 %. Создание государства Израиль способствовало распространению изучения иврита среди евреев диаспоры. Ныне иврит занимает второе место среди разговорных языков мирового еврейства, уступая только английскому. Отличительным признаком еврейства в современную эпоху являются два противоречивых процесса: с одной стороны, укоренение в странах рассеяния и ассимиляция, а с другой – усиление интереса к культурному наследию своего народа.

Армянская диаспора (спюрк). Всю свою историю армяне по разным причинам эмигрировали со своей родины и создавали об-

щины в разных частях земного шара. Сегодня в мире проживает около 15 млн. армян, из которых только 3,5 млн. живут в Республике Армения.

В древней истории расцвет армянского государства относится приблизительно к I веку до н.э. Царь Тигран II из династии Арташесидов превратил Армению в огромную державу. Именно в это время наблюдалось переселение армян из исторической Армении во вновь присоединенные земли. Ввиду того, что и Ближний Восток также вошел в состав Армении, усилилось армянское присутствие в Сирии и Ливане. Большая численность армянского населения в Ливане объясняется в первую очередь тем, что на территории Ливана раньше существовало Киликийское армянское государство – Киликийская Армения [19].

Рубежным в истории армянского народа стал 301 г., когда в Армении христианство было принято в качестве государственной религии. Это обстоятельство во многом предопределило дальнейшую судьбу армян, ибо нехристианское (мусульманское) окружение выталкивало их с исторической территории, рассеивая по всем странам и континентам. До начала V в. армянские колонии сложились в странах Ближнего Востока.

Позднее, в результате арабского нашествия (VII-IX вв.) и нашествий сельджуков (XI в.) рассеяние армян приняло более массовый характер, распространившись на Восточную Европу, города Золотой Орды и Крым. В XI-XIV вв. увеличилось число армян в Византии, Египте, Сирии, Ливане, образовались большие колонии в Галиции, Молдавии, Венгрии и других районах. На рубеже XIV в. увеличилось переселение армян в Грузию, Россию, Крым. В начале XVII в. армяне основали в Иране г. Новая Джульфа.

В России, где армяне со времени Петра Великого нашли покровительство, они образовали в Петербурге, Москве и на Украине целые общины. Большие армянские поселения существовали в Астрахани, а также на Северном Кавказе. В 1778-1779 гг. армяне основали в устье Дона несколько сёл и г. Новый Нахичевань (современный Ростов-на-Дону). В армянских колониях шла оживлённая общественно-политическая жизнь, в них открывались школы, типографии, театры; они играли значительную роль в развитии армянской культуры и литературы.

До 1915 г. большое число армян проживало в Турции, преимущественно на территории исторической западной Арме-

нии, а также в Константинополе и его окрестностях [20]. После первого геноцида XX века, учиненного младотурками, многие выжившие армяне оказались на территории современных государств восточного Средиземноморья – Сирии, Ливане, Ираке и др. Значительная часть позже перебралась в Европу и Америку. Во время Второй мировой войны, в 1939-1945 гг., часть армян Франции, Румынии, Болгарии и других стран участвовали в движении сопротивления и воевали на стороне антигитлеровской коалиции. В диаспоре организовывали сбор средств для закупки вооружения, в том числе строительство танковых колонн для Красной Армии.

В советские годы по инициативе советского правительства была объявлена репатриация. В 1924-1936 и в 1946-1948 гг. в Армянскую ССР репатрировалось около 150 тыс. армян. Впоследствии многие из них подверглись репрессиям. В июле 1949 г. была проведена массовая депортация армянской интеллигенции вместе с семьями в Среднюю Азию, где большинство из них погибло.

Наиболее многочисленная армянская община проживает ныне в России. В начале 1990-х гг. армянская диаспора Российской Федерации находилась на пятнадцатом месте по численности в сравнении с диаспорами других национальностей. После распада СССР количество армян в РФ резко возросло, и они переместились на одно из первых мест. Сегодня в России проживает около 2,5 млн. человек [21].

Армяне жили в Грузии с незапамятных времен и в 19-ом столетии Тбилиси (Тифлис) стал интеллектуальным и политическим центром жизни армян. Накануне развала Советского Союза в Грузии жило более 400 тыс. армян, а в 2005 г. оно сократилось до 248 тысяч. Значительная часть армянской диаспоры компактно населяет регион Самцхе-Джавахетия. В стране 136 армянских школ (28 тыс. учащихся), действуют факультеты и кафедры армянологии и армянской филологии в Тбилисском государственной и педагогическом университетах, в г. Ахалцихе и Ниноцминда открыты филиалы грузинских и армянских вузов. Функционируют армянские театры и другие культурные учреждения, издается газета на армянском языке.

Земли Великой Армении (II в. до н.э. – V в. н.э.) включали в себя часть территории современного Азербайджана. Согласно

данным последней советской переписи населения, в Азербайджанской ССР проживало почти 400 тыс. армян, в том числе – 145,5 тыс. (76,9 % общей численности населения) в Нагорном Карабахе. После погромов армян в Сумгаите (1988) и насильственного изгнания более 350 тысяч армян покинули АзССР. По данным переписи 1999 г., за пределами Нагорного Карабаха, в Азербайджане проживают 645 армян, из них 378, или 59 % – в Баку, а остальные в сельских районах.

В постсоветских государствах численно крупные армянские диаспоры проживают в Украине, Узбекистане и Казахстане. Общины, насчитывающие менее 10-5 тысяч армян, имеются во всех бывших советских республиках: Молдавии, Белоруссии, Туркменистане, а также в балтийских государствах.

Испокон веков земля современной Турции была населена армянами. Именно на территории современной Турции теперь находится одна из 12-ти столиц Великой Армении, красивейший город древности – Ани, разрушенный в 1064 году турками-сельджуками. Здесь же находится символ Армении – гора Арарат. К концу 19-го столетия большая часть исторической Армении вместе с многочисленным армянским населением (более 3 миллионов) уже была захвачена Османской империей. 24 апреля 1915 г. – черный день в истории армянского народа. В этот день в Османской Турции была арестована, а позже убита вся армянская интеллигенция. Жертвами жестокой резни стало огромное количество армян: из 3 миллионов в живых осталось не более 300 тыс. Большинство выживших армян рассеялось по всему миру, образовав армянскую диаспору. На сегодняшний день в Турции осталось около 50 тыс. армян, живущих в большинстве своем в Константинополе.

Численно крупные армянские колонии существуют в США, Иране, Ливане, Франции, Сирии, Аргентине, Канаде, Австралии и других странах.

Один миллион армян живет в США, из них половина находится в Калифорнии. Армянская миграция в Америку началась в начале XIX века, когда молодые армяне переезжали в США чтобы учиться или работать. Позже 100 тыс. армян бежали от геноцида в Турции и продолжали мигрировать в США в течение 20-го столетия из разных регионов и стран мира, в том числе из Ближнего Востока.

Большие армянские общины появились в Иране в древние времена – более чем 1700 лет назад. Резня 1915-го года в Турции и массовое бегство резко способствовали увеличению числа армян в Иране, где они составили наибольшую немусульманскую общность численностью более чем 200 тыс. человек. Иранская революция 1979 вызвала волну эмиграции, в которую вошло много армян, теперь уже живущих в Соединенных Штатах.

В течение второй половины 20-го столетия армяне Ливана сформировали одно из самых активных армянских сообществ в мире. Ядро этой общины было сформировано из оставшихся в живых после геноцида армян начала столетия, когда численность общины перевалила за 200 тыс. человек. Во время ливанской гражданской войны с 1975 по 1990 гг., тысячи армян оставили Ливан, большинство мигрировало в Соединенные Штаты. На сегодня в стране осталось приблизительно 75-100 тыс. армян [22].

Большие группы оставшихся в живых после геноцида армян обосновались в Сирии в начале 20-го столетия, однако турецкая оккупация Александреттского санджака (1938-1939 гг.) обусловила исход десятков тысяч армян, что привело к опустению многих армянские сел. Некоторая часть сирийских армян репатриировалась в Советскую Армению (1946-1948 гг.), однако большинство из них выехало позже в США и Канаду. В настоящее время сирийские армяне остались лишь в нескольких населенных пунктах, наиболее крупным из которых является община в Алеппо, имеющая долгую историю – с XIV столетия. В настоящее время в городе осталось не более 30 тыс. армян. Исход армянского населения продолжается, что вызвано эскалацией региональной напряженности и, как следствие от этого, новыми противоречиями.

С XI века армяне, теснимые турками-сельджуками, а позднее монголо-татарами стали продвигаться в Восточную Европу, формируя на протяжении многих веков свои диаспорные общины. Заметные по численности армянские общины возникли в Болгарии, Польше, Украине, Молдавии [23].

Начиная с 17-го столетия, западноевропейские страны стали магнитом для армянских торговцев, студентов, экспатриированной интеллигенции и политических активистов. Главный приток армян во Францию был в результате геноцида армян. В итоге, численность армянских иммигрантов в Париже к 1930-ым годам

превышала 70 000. Растущая неустойчивость Ближнего Востока в 1970-ых принесла новые волны иммигрантов во Францию, особенно из Ирана и Ливана. В наши дни приблизительно 250 000 армян живут во Франции, главным образом в Париже, Марселе, Лионе и Ницце. Сегодня в ФРГ живет 45 тысяч этнических армян [24]. В сравнении с Францией и Англией, есть много маленьких армянских общин приблизительно по 500 – 1500 человек в главных западноевропейских городах Вены, Амстердама, Антверпена, Женевы, на Юге Европы – в Милане, Венеции, Афинах, на Кипре и т.д.

Новыми центрами притяжения армянских иммигрантов стали Канада, Австралия, страны Азии и Латинской Америки. Армянская диаспора в Канаде сосредоточена главным образом в Монреале и Торонто. Новоприбывшие в значительной степени превосходят численностью тех армян, которые обосновались в Канаде первоначально, в конце 19-го столетия и начала 20-го. Много армян переехали в Канаду как беженцы из Турции после Второй мировой войны. С 1950-ых гг. был отмечен постоянный приток армян, главным образом из Ближнего Востока.

Армянская община Австралии насчитывает около 20 тыс. человек и в значительной степени состоит из иммигрантов из ближневосточных стран, типа Египта и Ливана, главным образом из тех, кто прибыл после Второй мировой войны.

Индия, Бирма, Индонезия, Сингапур и Китай имели важные армянские общины, которые исчезли почти полностью. В 18-ых и 19-ых столетиях армяне процветали в этих странах, но сейчас осталась только маленькая община, которая выживает в Калькутте. В настоящее время армяне практически одинаково расселены всюду по Японии, Гонконгу и Филиппинам. Приблизительно 20 тыс. армян живут в арабских странах Персидского Залива и в Иордании. Наиболее численно крупная армянская община в Кувейте насчитывает 10 тыс. человек. В Южной Америке проживает до 150 тыс. армян, из которых 80 тыс. в Аргентине, 25 тыс. – в Бразилии, 15 тыс. – в Уругвае, 2 тыс. – в Венесуэле. В Чили, Мексике и других странах Южной Америки армянские общины немногочисленные – по несколько сотен человек. Армяне начали обосновываться в латиноамериканских странах главным образом после Первой мировой войны. С 1950-ых наблюдалась новая волна иммиграции, в основном из Ближнего Востока [25].

В зарубежных армянских диаспорах имеются землячества, собственные школы, церкви и газеты. Но для них характерна куда более высокая степень раздробленности, чем среди армян России и всего постсоветского пространства. Это связано с большими различиями между странами проживания, разной степенью адаптации к этнокультурной среде у «старых» и «новых» эмигрантов, сохраняющимися языковыми различиями между западноармянским и восточноармянским языками. Армяне раздроблены и в конфессиональном отношении: существует два соперничающих католикосата Армянской апостольской церкви, Армяно-католическая церковь, подчиняющаяся Папе Римскому.

Армянские диаспоры активно поддерживают свою историческую родину. В настоящее время численность американских конгрессменов, принадлежащих к так называемой «армянской группе», составляет около 130 человек. После распада СССР армянское лобби добилось для Армении самой большой по размерам гуманитарной помощи среди стран СНГ по правительственной линии. На конец 1990-х – начало 2000-х гг. объем гуманитарной помощи, оказываемой США Армении, составлял 239 млн. долл. В течение последних лет проармянские силы в Конгрессе США не допустили сокращения размеров помощи Армении [26].

Кроме двух признанных мировых диаспор, между которыми наблюдается множество сходств, исследователи упоминают другие дисперсные этнические группы в странах мира, претендующие на то, чтобы также называться классическими диаспорами. Например, по мнению Г. Шеффера и Х. Тололяна, к таким диаспорам можно отнести греческое рассеяние. У. Сафран говорит о цыганской, палестинской и кубинской диаспорах. М. Дабаг и К. Платт относят к мировой диаспоре хуацяо, а А. Ашкенази, кроме китайцев, добавляет индийцев. Наконец, Э. Скиннер вообще не упоминает армян и сравнивает еврейскую, африканскую, индийскую, китайскую и ирландскую диаспоры.

Новые диаспоры

Единого понимания термина «новые диаспоры» не существует, поэтому предлагается под ними иметь ввиду те диаспоры, появление которых в стране (регионе) современного проживания

произошло при жизни одного из нынешних поколений диаспоры. У представителей новых диаспор меньше опыта интеграции в новую для них политическую, экономическую и социокультурную среду, в иноэтническое (конфессиональное, языковое) окружение. Таким образом, новые диаспоры стали появляться со второй половины XIX века и продолжают возникать на современном этапе. В качестве примера новых диаспор рассмотрим китайскую и корейскую диаспоры.

Китайская диаспора (хуацяо) [27] – выходцы из Китая, проживающие в других странах. К ним относятся как граждане КНР, временно находящиеся за границей, так и потомки китайских эмигрантов, являющиеся гражданами других стран. По абсолютному численному показателю зарубежная китайская диаспора самая крупная в мире.

Нынешнее расселение китайцев в мире – результат миграционных процессов, происходивших в течение многих веков. Особенно значительные масштабы они приобрели в середине XIX в., когда китайцы отправлялись в страны Юго-Восточной Азии, Австралию, Новую Зеландию, Северную Америку в основном на заработки, рассчитывая через некоторое время вернуться на родину. Те, кто оседал в этих странах, сталкивались с культурным шоком, проблемами адаптации и языковыми барьерами, а также расовыми предубеждениями, дискриминацией по этническому признаку. На начальном этапе иммиграции большинство китайских переселенцев было занято физическим трудом, оказанием услуг и мелкой торговлей.

На рубеже XIX и XX веков Китай стал главным источником международных миграционных потоков. Численность мировой китайской диаспоры по разным оценкам составляла от 35 до 55 млн. человек.

Последняя волна эмиграции, продолжающаяся и в настоящее время, придает облику мировой китайской диаспоры новые черты, соответствующие вызовам современной эпохи. Эмигранты нового поколения имеют более высокое образование, они рассчитывают на получение за границей интеллектуальной работы, чаще выезжают семьями, направляются преимущественно не в страны Юго-Восточной Азии, а в развитую часть мира: Северную Америку, Австралию, а последнее время также и в Европу.

Начало экономических реформ и политики открытости в КНР привело к резкому увеличению уезжающих за рубеж китайцев. Основными причинами эмиграции стали поиски работы, расширение бизнеса, получение образования. За последние двадцать лет средний годовой прирост числа китайских эмигрантов составил 200 тысяч. Основными направлениями эмиграции китайцев стали США, Канада, Австралия, Европа, страны Юго-Восточной Азии. С 1980 г. в США численность китайских эмигрантов увеличилась с 800 тыс. до 3 млн. человек, две трети из которых представляют новую волну эмигрантов. В Канаде за тот же период численность китайской диаспоры увеличилась в 10 раз [28].

▲ Чайнатаун в Манхэттене

Зарубежные общины этнических китайцев не только многочисленны, но и обладают значительным экономическим потенциалом, сплоченностью, культурной и психологической общностью, а также целой системой пересекающихся связей, позволяющих им действовать как единый организм, независимо от страны проживания. Развитие связей между исторической родиной и зарубежными общинами сыграло важную роль во внеш-

ней политике КНР. Фактор диаспоры учитывается пекинским руководством при анализе отношений со странами проживания диаспоры, поскольку многочисленная и экономически мощная китайская община имеет возможность влиять на внутривнутриполитические процессы этих стран. Китайская диаспора, таким образом, рассматривается политическим руководством КНР в качестве важнейшего внешнеполитического и экономического ресурса этой страны.

В странах своего проживания – государствах Юго-Восточной Азии, США, Австралии хуацяо сумели сформировать прочные и разветвленные диаспорные деловые сети» традиционные организации, ставшие органами самоуправления общины – кланы, землячества, торговые палаты. Постепенное развитие этих структур привело к тому, что в современном мире они приобрели иные функции. Между членами одного клана или землячества возникают неформальные семейные и родственные связи (гуаньси), основанные на доверии, культурном родстве и признании авторитета старших. Эти связи пронизывают все сферы жизни и деятельности представителя китайской диаспоры, позволяя ему решать все жизненно важные вопросы в бизнесе, семье, образовании, не выходя за рамки диаспоры [29].

Экономические рычаги давления на правительства стран проживания – самые мощные из тех, что есть в арсенале у китайской диаспоры. Но они становятся еще более эффективными, если подкреплены политическим влиянием диаспоры в стране проживания. В некоторых странах китайское население играет очень значительную роль. Как правило, статус меньшинства для диаспоры означает отсутствие ее представителей в высших эшелонах власти. Однако сейчас во многих странах происходит процесс интенсивной интеграции между диаспоральными общинами и местным населением, так что эта форма дискриминации вскоре может быть преодолена.

В странах Юго-Восточной и Восточной Азии рост миграции из Китая сопровождался бумом китайского сектора их экономик. По оценкам, частные состояния двадцати миллионов этнических китайцев в ЮВА в середине 90-х годов превысили 200 млрд. долл. США. Из 1000 ведущих компаний региона более половины – 517 – принадлежат этническим китайцам, составляющим около 5% населения региона. По некоторым данным, этнические китай-

цы владеют почти 80% частного капитала в Индонезии и 40-50% в Малайзии. Появились влиятельные представители китайской диаспоры на высшем политическом уровне в юго-восточных странах. В США этот способ влияния пока еще не достиг такого уровня, хотя он и имеет место. Выходцы из Китая все чаще занимают административные должности на уровне штатов, особенно там, где численность китайской диаспоры значительна [30].

Отношения двух стран – проживания и исторической родины, то есть Китая, во многом зависят от положения китайской диаспоры в этой стране. Хуацяо могут оказывать влияние на внутриполитическую ситуацию в стране пребывания. К примеру, несмотря на сдерживание политической активности китайской общины в Малайзии, власти не могут не учитывать 23 % голосов китайских избирателей. Свое политическое влияние китайские общины могут оказывать косвенным путем, используя финансовые и экономические рычаги, привлекая на свою сторону лояльных и влиятельных людей из числа автохтонного населения.

Таким образом, хуацяо в странах проживания обладают огромным капиталом, высокой технологией, предпринимательским опытом, международными деловыми связями. Культурно-языковая общность, экономические стимулы, а также национально-психологические мотивы и традиции делают ее более склонной и более приспособленной к сотрудничеству с этнической родиной, чем все остальные зарубежные экономические партнеры Китая. Соответственно, политика правительства КНР ориентирована на то, чтобы использовать этот уникальный резерв с максимальной отдачей [31]. Она базируется на предоставлении зарубежным китайцам многочисленных и разнообразных особых прав и льгот производственного и бытового характера, возбуждении их национально-патриотических чувств и проявлении заботливого и уважительного отношения к ним.

Корейская диаспора. Современная иммиграция корейцев, начавшаяся в послевоенный период, коренным образом отличалась от предшествовавшего начального этапа [32]. Прежде всего, массовое переселение корейцев началось в период японского колониального периода, когда Корея и корейский народ были лишены своего суверенитета. Переселялись они, главным образом, в соседние, граничащие с Корейским полуостровом государства: Китай, Россию и Японию.

Крупные по численности корейские общины сложились, кроме прежней четверки стран-реципиентов (Китай, США, Япония, СССР), в Канаде, Австралии и Новой Зеландии, странах Латинской Америки. Современные корейские общины весьма заметны в некоторых странах Западной Европы, Юго-Восточной Азии. Корейцы проживают на Ближнем, Среднем Востоке, африканском континенте, т.е. в регионах, находящихся на значительном географическом удалении от Корейского полуострова. Страны, принявшие современных корейских иммигрантов, разительно отличаются друг от друга уровнем экономического развития, существующим политическим строем, этнической культурой, вероисповеданием и языком [33].

Иммиграция корейцев послевоенного периода отражает все многообразие движения населения на нашей планете. Корейцы в исследуемый период репатриировались на родину, мигрировали в качестве гастарбайтеров, специалистов по контракту, бизнесменов-инвесторов, партнеров по международному браку, приемных детей-сирот, военнопленных, беженцев от голодной смерти и военных беженцев, для воссоединения с семьей, миссионерской деятельности, на учебу в зарубежных университетах. Советские корейцы пережили уникальный вид международной «миграции», когда с распадом Советского Союза они, оставаясь в прежних республиках, обретших независимость и суверенитет, оказались в иных государствах, стали гражданами другой страны.

Численность корейских иммигрантов динамически изменялась в течение исследуемого периода, переживая порой резкие скачки. Послевоенная репатриация моментально сократила почти наполовину число зарубежных корейцев, затем вплоть до середины 1960-х годов корейские диаспоры пополнялись в основном за счет естественного воспроизводства. Затем основным фактором изменений численности в некоторых странах стал приток новых иммигрантов, а в других динамика численности определялась исключительно параметрами демографического поведения [34].

В настоящий момент корейские иммигранты в мире представляют две основные группы: переселившиеся в конце XIX – начале XX веков и их потомки и переселившиеся со второй половины 1960-х годов, т.е. новые иммигранты. Они существенным образом отличаются друг от друга по географии происхождения, первоначальному возрастному, половому и социальному составу.

Однако независимо от особенностей страны-реципиента и продолжительности проживания в ней все зарубежные корейские диаспоры имеют схожие черты. Они связаны с низкой рождаемостью, со значительной продолжительностью жизни, высокой долей межэтнических браков и предпочтением поселения в крупных городах. Семьи корейских иммигрантов утратили свои традиционные черты и представляют собой простую одно- или двухъярусную ячейку. Однако внутри одной семьи растет разница между поколениями родителей и детей в родном (первичном) языке, ценностных ориентациях, образе жизни и менталитете.

Корейские общины в странах проживания воспринимаются властями и местным населением как образцовое, законопослушное (лояльное) и трудоактивное этническое меньшинство, имеющее высокий образовательный и имущественный ценз. Представители корейской диаспоры становятся заметными фигурами в политических, деловых кругах, в сфере науки, образования и культуры. При этом зарубежные корейцы, в отличие от других азиатских иммигрантских диаспор, демонстрируют довольно высокую степень адаптации и аккультурации в новой среде.

В мире насчитывается свыше 6 млн. этнических корейцев, проживающих на всех континентах и во многих странах, объединенных общим генетическим происхождением. Уникальность зарубежной корейской диаспоры заключается также в том, что они вынуждены соотносить себя не только с географическим местом происхождения предков на исторической родине, но и с реально существующими двумя корейскими государствами.

Постсоветские диаспоры (внутренние). Политические события конца XX в., прокатившиеся по странам социалистического лагеря и их последствия обусловили начало процесса образования «новых внутренних» диаспор. Основной причиной возникновения внутренних диаспор был распад полиэтнических государств – СССР, ЧССР, СФРЮ, и образование на их месте независимых государств. Население СССР накануне распада составляло 293 миллиона человек, из которых около 50 миллионов советских людей в результате упразднения Советского Союза оказались за пределами своих «этнических родин». Около 30 миллионов русских проживали в то время вне РСФСР, что составляло четвертую часть от 120 миллионов русских россиян. Мощные миграционные потоки охватили все постсоветское пространство.

За 10 лет Россия приняла более 8 миллионов переселенцев, пик постсоветской миграции пришелся на 1994 год, когда в Россию из стран СНГ и Прибалтики прибыло более 700 тыс. человек. Сегодня более 25 миллионов человек, чьи исторические корни лежат в России, проживают за ее рубежами в новых государствах. Не менее 20 миллионов из них – русские. Они составляют основной массив новой российской диаспоры.

Литература

1 Armstrong John A. Mobilized and Proletarian Diasporas// The American Political Science Review, Vol. 70, No. 2. (June, 1976), pp. 393-408.

2 Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. – 1996. – №12. – С. 37.

3 Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – С. 63-65.

4 Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор // Второй Всероссийский Социологический конгресс. – Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0kongress>

5 Там же

6 Чаптыкова Т.И. Национальная диаспора как объект этносоциологического исследования: Автореферат дис. ... канд. социологии, наук. – М., 1997. – 19 с.

7 Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки современности. 2000. – №3. – С. 115-130.

8 Полоскова Т. Современные диаспоры: (Внутриполитические и международные аспекты). – М.: «Научная книга», 2002. – 252 с.

9 Израиль – народ в диаспоре. Ранняя диаспора. Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>

10 Кац Я. Евреи в средневековой Европе / Перевод с иврита С. Рузер. – Иер., 1992. – 324 с.

11 Очерк истории еврейского народа / Под ред. Ш. Эттингера. – Израиль: Библиотека Алия, 1979. Т.1. – 805 с.; Т.2. – 394 с.

12 Шейндлин Р. П. Летописи еврейского народа /Пер. с англ. А. Дормана. – М.: КРОН ПРЕСС, 1997. – 288 с.; Очерк истории еврейского народа. Перевод с иврита. Книги 1–2 / Под редакцией профессора Ш. Эттингера. – Иер. – М., 2001. – 688 с.

13 Холокост. Сопротивление. Возрождение: Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период 1939–1948 / [Е. Кохави, И. Арад, И. Маляр и др.]. – М. – Иер., 2000. – 343 с.

14 Израиль – народ в диаспоре. Новейшее время (1880 г. – середина 1980-х гг.) Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>

15 Израиль – народ в диаспоре. Новейшее время (1980 г. – начало 2000-х гг.). Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>

16 Громан Ш. Особенности национальной демографии: разных цифр больше, чем евреев. Численности евреев в мире стабилизировалась на отметке 13 млн.// Демография на сайте Шломо Громана. <http://www.languages-study.com/demography/demography.html>

17 Нитобург Э. Л. Евреи в Америке на исходе XX века. – М., 1996. – 128 с.; Комарова Г. А. Русский Бостон. – М., 2002. – 307 с.

18 Завлин П. Статистика знает все: евреи в США и мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kontinent.org/article_rus_4966ab0c9b0a8.html. Дата. 30.03.2010.

19 Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: Расхождение и встреча// «21-й ВЕК». – № 2. – 2005. – С. 137-155.

20 Киракосян Д.С. Младотурки перед судом истории. – Ереван: Айастан, 1986. – 486 с.

21 Мелконян Э. ДРУГАЯ ДИАСПОРА? К характеристике армянских общин на постсоветском пространстве// Бюллетень научно-образовательного фонда «Нораванк» N 20. – 2007. – С. 8-14; Кардумян В. Армянская диаспора России// Обозреватель-Observer. – №12. – 2007. – С. 45-51.

22 Расселение армян в мире//Энциклопедия фонда «Хайазг». <http://ru.hayazg.info>

23 Григорян В.П., История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). – Ереван, 1980. – С. 83-99.

24 Сумленный С. Армянская диаспора Германии: от непризнания к интеграции// «21-й ВЕК», № 2 (4), 2006, с. 112-123.

25 Расселение армян в мире // Энциклопедия фонда «Хайазг». <http://ru.hayazg.info>

26 Армянская диаспора – важный фактор мировой политики// Новая политика. Интернет журнал. 30 августа 2004. <http://www.novopol.ru/text306.html>

27 Хуацяо (кит. trad. 華僑, упр. 华侨, пиньинь Huáqíáo) – выходцы из Китая, проживающие в других странах

28 Pan L. The Encyclopedia of the Chinese Overseas. Chinese Heritage Center. Singapore. 1999, 399 p.; Головчанская Е.Ю. Китайская диаспора в США в 60-е – 90-е годы XX века: опыт цивилизационного взаимодействия: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Пермь, 2003. – 179 с.

29 Sinn E. The Last Half Century of Chinese Overseas. Hong Kong University Press, 1998. 508 p.

30 Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. – М., 2008. – С. 7-11.

31 Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики// Вестник УГТУ-УПИ. Серия экономика и управление. 2008. № 2. С. 64-72.

32 Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. –1945. – Алматы: Дайк-пресс, 1999. – 424 с.

33 Ким Г.Н. Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее. – Алматы: Ғылым, 1995. – 202 с.

34 Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. 1945-2000. Книга вторая. Часть 1. – Алматы: Дайк-пресс. Казахстанские востоковедные исследования, 2006. – 428 с.; Книга вторая, Часть 2. – Алматы: Дайк-пресс. Казахстанские востоковедные исследования, 2006. – 394 с.

КОРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ЕВРАЗИЙСТВА И ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРЕЙЦЫ

В недавнем прошлом об евразийской инициативе бывшего южнокорейского президента Пак Гын Хе говорили и писали каждодневно. Теперь, когда сменилась правящая политическая партия и страну возглавляет президент Мун Дже Ин, что что станет с «евразийской инициативой»? Уйдет ли в прошлое как бывший президент Пак Гын Хе или программа интеграции Кореи в евразийское пространство будет продолжена, но под уже под другим названием? Ведь Евразия, независимо от того, какая правящая партия у власти или кто президент страны, остается неизменной реальностью, а измениться может лишь отношение к ней.

Что касается второй части о роли зарубежных корейцев, то за последние 30 лет их число выросло с 2 045 168 чел. в 1987 году, до 5 544 229 чел. – 1997, 7 044 647 – в 2007 и 7 184 872 в 2015 году [1]. Фонд зарубежных корейцев накопил большой опыт работы с зарубежными корейскими организациями, совершенствовал формы и правила оказания им правовой, материальной и финансовой поддержки. Однако, Фонду предстоит внести коррективы в понимании роли зарубежных корейцев в целом и по основным аспектам этой роли – в частности.

Сложность охвата темы заключается в том, что ее парадигма чрезвычайно обширна во времени и пространстве. Трудность анализа темы объясняется тем, что ее современный дискурс многогранный, разносторонний, глобальный.

Под Евразией имеют ввиду суперконтинент, объединяющий Европу и Азию. Но Евразия – это далеко не просто географическое понятие. Евразия – это мега-ареал Земли, где проживает около 75% населения мира, производится 60% мирового ВВП, хранится три четверти мировых энергоресурсов [2].

Объединенная Европа смогла создать крупнейший блок, бросивший вызов мировому гегемону – США, и стремительно растущим азиатским гигантам – Индии и КНР. По населению и экономической мощи Европейский союз превзошел США. Именно необходимость консолидации человеческих ресурсов явилась главной причиной объединения Европы. Важнейший стрезень

Евросоюза образуют общие ценности европейской цивилизации, общие принципы демократии, общие нормы светской, гражданской морали и этики.

В Азии проживает более половины человечества, 12 из 19 мегаполисов мира, имеющих население свыше 10 млн жителей, находятся в Азии. В 2050 году из 9 млрд землян 5,5 млрд составят жители этого континента. Азия производит более трети мирового ВВП, и ее доля превысит 50% к 2025 году. В Азии находится 7 из 10 самых высоких в мире небоскребов. Более половины докторских диссертаций в ключевых отраслях научно-технического прогресса в университетах США защищаются приезжими из Азии. При этом из полученных иностранцами дипломов доктора наук на 4 страны – Индия, КНР, Южная Корея, Тайвань – приходится также более 50%.

Сейчас по-новому звучит утверждение, что «XIX век принадлежал Европе, XX век – Америке, и многие считают, что, возможно, XXI век будет веком Азии». Возразить ему весьма непросто [3].

Евразия существовала в реальности тысячелетия, а понятие появилось лишь в 1880-х годах, его впервые употребил австрийский геолог и общественный деятель, геолог Эдуард Зюсс (Eduard Suess. 1831-1914) [4].

Идеология Евразии или евразийство возникла, как идейно-политическое течение в 20-е годы XX века в среде русской эми-

грации (лингвист Николай С. Трубевской, экономист Петр Н. Савицкий, богослов Георгий В. Флоровский и искусствовед Петр П. Сувчинский) [5]. Евразийство в его историческом развитии делится на два этапа: классическое евразийство и современное российское неоевразийство (А. Дугин) [6]. Некоторые ученые склонны полагать, что Лев Гумилев со своей пассионарной теорией этногенеза представляет собой отдельный этап евразийства, однако он сам себя назвал последним (классически) евразийцем [7].

Географические границы Евразии и территория, на которую претендует русское евразийство (российское неоевразийство), не совпадают по цивилизационным параметрам: культура, религия, язык, уклад жизни и т.д.), что наглядно свидетельствует о различиях в реальном объекте и его субъективном представлении. Евразия – одна, в единственном роде, а концепции относительно ее могут быть множественными.

Казалось бы, между классическим русским евразийством, современным российским неоевразийством и евразийской инициативой нет прямой связи.

Ведь евразийство как идеологическая концепция покоится на трех столбах: славянофильстве, русском национализме и признании особого пути развития России (особой ее миссии), которые венчает русское православие.

Евразийская инициатива бывшего президента Южной Кореи Пак Гын Хе как программа развития страны состояла из трех основных задач [8].

Первая – создание сквозного транспортного коридора от юга Корейского полуострова до Великобритании по суше и через Северный морской путь.

Вторая – обеспечение энергетической и сырьевой безопасности за счет источников в России и Центральной Азии.

Третья – сохранение стабильности и мира на Корейском полуострове с перспективой объединения страны.

И последнее, в ней упоминается прочная связь и сотрудничество с зарубежными корейцами как потенциальным диаспоральным ресурсом, способным оказывать позитивное влияние на свою историческую родину.

Исходя из актуальности и масштабности поставленных задач в евразийской инициативе и ее незавершенности, на мой взгляд, евразийство должно стать национальной идеологической кон-

цепцией Кореи. Речь идет о разработке иного, оригинального корейского евразийства.

Каковы же аргументы в защиту концепции *национального корейского евразийства*?

Во-первых, Южная Корея, бесспорно, относится к Азии, но она во многом схожа с западным (европейским) миром: по уровню экономического развития, качеству жизни, государственно-политической системе, состоянию образования, культурным ценностям, доминированию протестантизма и пр.

Поэтому *корейское евразийство* должно исходить из определения своего места, роли и миссии на Азиатско-Европейском суперконтиненте. Уже в 1858 году немецкий математик, географ и педагог Карл Густав Ройшле (Karl Gustav Reuschle. 1812-1875) в своей книге «Handbuch der Geographie» использовал термин «Doppelerdteil Asien-Europa» – «Сдвоенный континент Asien-Europa». Перечислять причины, почему 21-ый век – век Азии, не стоит, они общеизвестны. Достаточно сказать, такие ключевые слова, как территория, население, ВВП, ракетно-ядерный потенциал.

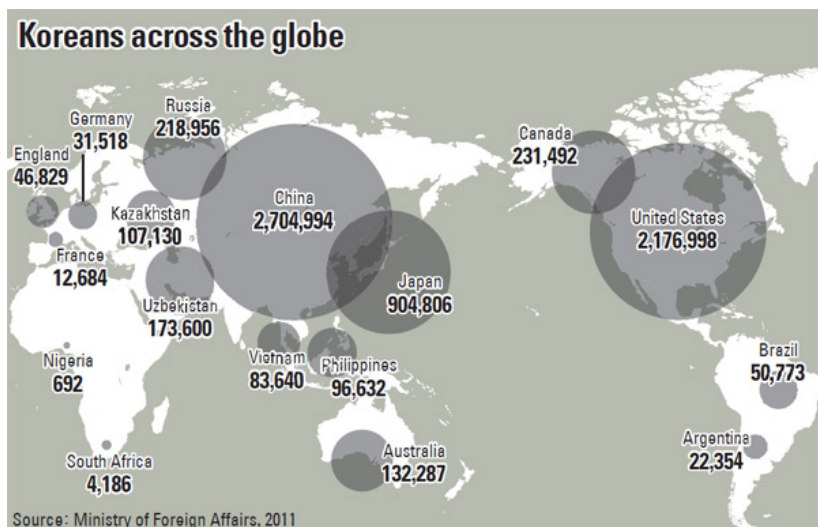
Стоит подумать о введении в научный оборот и медийно-общественную лексику забытого термина Ройшле, но на немецком языке – «Doppelerdteil Asien-Europa», а на английском – «ASIOPA».

Во-вторых, Корея географически относится к полуостровам, особенность которых в том, что они одной стороной примыкают к материку (континенту), а со всех остальных сторон окружены водой (морем). Как полуостров государство Корея в период Чосон было сродни Аппенинскому полуострову (*Penisola italiana*. Итальянский полуостров), на котором расположены Италия, Ватикан и Сан-Марино. Сегодня Южная Корея, как известно, отрезана от материка 38-ой параллелью и фактически является островным государством, омываемым с трех сторон морем, а с одной – граничащим с Северной Кореей. Но сам по себе Корейский полуостров и объединенную Корею вследствие геополитической значимости его географического расположения следует отнести к Rimland и трактовать ее место и роль в современном мире в концепции Николаса Джона Спайкмана (Nicholas John Spykman), профессора Йельского университета. Для Спайкмана геополитика – это планирование политики безопасности страны исходя из ее географического положения. После своих исследований морских побережий, густонаселенных западных, южных и восточных краев Евразийского континента он подверг критике Макиндера (Sir Halford John Mackinder. 1861 – 1947) за переоценку *хартленда* (heartland) [9]. По Макиндеру хартленд имел стратегическое значение из-за его огромных размеров, центрального географического положения и верховенства сухопутной мощи над морской силой – *си пауэр* (sea power) [10]. Спайкман предположил, что хартленд не станет потенциальным центром Европы. Он считал, что *римленд* (rimland), **полоса прибрежных земель**, которая окружает Евразию, более важна, чем центральноазиатская зона (так называемый *хартленд*) для контроля над евразийским континентом [11].

В-третьих, объединение Кореи неизбежно. Но ответа на вопрос, когда оно осуществится, – нет. Эксперты считают, что оно невозможно ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе. Объединение произойдет, когда для этого созреют условия как в двух корейских государствах, так и во окружающем мире. Объединение Кореи не станет одноактным действием, а скорее превратится в поэтапный, многоступенчатый процесс: от сближения, к нормализации отношений, от нормализации отношений к созданию конфедерации двух корейских государств под одним флагом по известному принципу «одна страна – две государ-

ственно-политические системы, от конфедерации к конвергенции и полному слиянию в одно целое. В конечном счете, объединение Кореи будет иметь огромное значение в современной истории страны.

В-четвертых, зарубежные корейцы, число которых насчитывает свыше 7 млн. человек, представляют собой так называемую «третью Корею», могущую стать «нейтральной третьей стороной» в межкорейских отношениях. При этом нейтральность зарубежных корейцев детерминируется в значительной степени нейтральной позицией страны, гражданами которой они являются. В этом смысле трудно рассчитывать на непредвзятость отношений к Северной или Южной Корее среди корейских иммигрантов в США, остающихся по-прежнему либо гражданами Республики Корея, либо имеющими два паспорта, либо сменившими южнокорейское на американское гражданство. Пока не удалось выяснить, проводились ли сравнительные исследования отношения зарубежных корейцев к северокорейскому режиму и межкорейским отношениям. В Казахстане и других странах СНГ, во всяком случае, таких опросов не проводилось. Маловероятно, что подобное анкетирование имело место среди *чосончжок* в Китайской Народной Республике.

В-пятых, из 7 млн. зарубежных корейцев 2 млн. *чосончжок* в Китае и около 500 тыс. *корейнов* в СНГ относятся к сформировавшимся корейским диаспорам, в отличие от иммигрантских сообществ корейцев в других зарубежных странах. Диаспоры, как и все социальные структуры, подвижны, поэтому можно согласиться с утверждением Сергея Арутюнова о том, что «диаспора – это не только и не столько состояние, диаспора – это процесс развития от «еще не диаспоры» через «собственно диаспору» к «уже не диаспоре» [12]. В современную эпоху переходы из одной стадии генезиса диаспоры в другую, на которые в прежние времена уходили века, происходят намного быстрее. В самосознании диаспоры ключевое место занимает диаспорная идея, в основе которой лежит понимание исключительности своей исторической судьбы; необходимости сохранения связи с исторической родиной; стремление к внутрдиаспорной консолидации и межэтнической интеграции в стране проживания. В отличие от иммигрантских этнических групп, неуверенных приживутся ли они в стране-реципиенте, диаспоры осознают, что их жизнь и будущих поколений связана с новой родиной.

Сейчас о диаспоре и ее роли в международных отношениях стали говорить политики, ученые, религиозные деятели и журналисты и писатели [13]. Этнический лоббизм стал весьма влиятелен во многих странах мира, достаточно упомянуть еврейский или китайский. Актуальность диаспорной силы наглядна на примере Израиля, Армении, Азербайджана, Грузии, Индии, Сербии, Бангладеш, Мали, Сенегал и других стран, где действуют специальные министерства по делам диаспоры [14].

Во многих странах мира действуют этнодиаспорные ассоциации и общества, в университетах открываются кафедры и исследовательские центры, готовят специалистов-диаспорологов, издаются журналы, газеты, книги, проводятся симпозиумы и конференции, диаспоральный контент в интернете растет в геометрической прогрессии. Таким образом, мы можем говорить об институционализации диаспоры, то есть ее превращении в реальную экономическую и политическую силу, признании за ней функций организованного социального инструмента для решения многих задач в самых разных сферах жизни.

Что касается сути заданной мне темы доклада – о роли зарубежных корейцев в претворении евразийской инициативы, то я

предлагаю сфокусироваться только на одном аспекте. Предлагаю рассмотреть глубже роль и вклад казахстанских корейцев в развитие межкорейских отношений и укрепление сотрудничества Южной и Северной Кореи. Почему у меня возникло это желание говорить о некой особой медиаторской роли корейцев Казахстана в межкорейских отношениях? Какие для этого есть исторические и современные предпосылки? На чем основывается такая роль посредника? В чем медиация может выражаться? Вот основные вопросы, на которые я попытаюсь найти ответы.

Одна из главных предпосылок посреднической миссии казахстанских корейцев заключается, на мой взгляд, в том, что Казахстан обрел свое достойное место на международной арене, являясь 9-ой по земной площади страной в мире, раскинувшейся в самом центре Евразийского суперконтинента, он стал признанным мостом между цивилизациями, религиями, культурами, между Азией и Европой, между Западом и Востоком. При этом он не является и не претендует быть супердержавой и позиционирует себя нейтральной страной, проводящей многовекторную внешнюю политику, направленную на сближение государств и народов, строя стабильный и прочный мир на основе согласия и единства. В настоящий момент роль именно таких стран, не относящихся к державам, возрастает в связи с усилением роли *soft power* – мягкой силы. Современные международные отношения строятся не с позиции грубой жесткой силы, не путем канонерских пушек, а духовными, мирными, ненасильственными, публичными средствами.

Современная роль Казахстана как хаба международного сотрудничества основана на наследии исторического прошлого. Это данность и объективная реальность, ибо еще с древних времен через Великую степь, раскинувшуюся на просторах Евразии, проходили караванные пути, здесь переплетались судьбы разных народов, смешивались культуры и религии. Позже потоки переселений, депортаций, миграций, индустриализация и освоение целинных земель советского периода превратили Казахстан в одно из самых полиэтнических государств мира.

Роль Казахстана в качестве хаба многостороннего сотрудничества обеспечивается его мировой внешней политикой, отказом от ядерного арсенала, геополитическим положением в Евразии, стабильным развитием экономики, современным состоянием ма-

териальной и коммуникационной инфраструктуры, укреплением универсальных демократических норм, наличием интеллектуальных ресурсов.

Исходя из упомянутых объективных предпосылок, мы можем говорить о возможности медиаторской роли корейской диаспоры Казахстана. Следующие основания, присущие именно корейцам Казахстана, могли бы успешно содействовать в налаживании отношений между двумя корейскими странами:

- происхождение из северных (преимущественно) и южных провинций;
- вклад в национально-освободительное движение Кореи, признанный как в Сеуле, так и Пхеньяне;
- опыт советского социалистического прошлого, тоталитарного сталинского режима;
- опыт строительства социализма в КНДР;
- наличие в Казахстане старейших очагов культуры: корейского театра, редакции корейской газеты;
- живые связи с Южной Кореей и южными корейцами;
- возможность поддерживать отношения с КНДР;
- евразийский менталитет корейцев Казахстана, основанный на разности цивилизаций, культур и языков;
- триединство национального, этнического и диаспорного самосознания;
- желание видеть Корею единой страной, внести вклад в дело объединения исторической родины;
- высокий статус корейцев в казахстанском обществе, наличие диаспорной элиты.

Медиация – это процесс, в котором участвует третья сторона, помогающая урегулировать разногласия между двумя конфликтующими сторонами. Медиация как форма посредничества используется в самых различных сферах жизни людей. Она широко и успешно применяется для разрешения гражданских споров и разногласий (например, семейная медиация), экономических конфликтов между различными людьми и компаниями (бизнес-медиация).

В последнее время все больше говорят о «политической медиации» в международных отношениях [15]. Однако медиация не панацея и она не может полностью заменить другие технологии, а только дополняет их. Медиация не всесильна и не способна

сама решать конфликты, а только содействует их разрешению. И наконец, медиация возможна, если у двух противоборствующих сторон появится добрая воля к мирному урегулированию конфликтной ситуации.

Теперь попытаемся ответить на вопросы «Возможна ли в принципе медиация в нашем случае – в противостоянии Пхеньяна и Сеула и разрешении конфликтов между Севером и Югом? Кто мог бы выступить медиатором в нормализации межкорейских отношений и объединительных процессах? Может ли стать таким посредником «третья Корея», под которой имеется в виду 7-миллионное корейское население, проживающее за пределами Корейского полуострова? [16] И наконец, если признать возможность посреднической деятельности зарубежных корейцев в целом и корейцев в СНГ, в частности, то какими представляются форма и содержание такого медиаторства?» Вопросов много, все они очень сложные и найти верные и полные ответы на них пока представляется нереальным. Но попытаться схематически отметить их контуры, чтобы со временем заполнить их весомыми аргументами, вынести свои мысли на обсуждение, выслушать мнение – это вполне возможно.

В межкорейских отношениях в качестве посредников выступали сообщества стран, к примеру участники шестистороннего переговорного процесса, отдельные государства – Россия и Китай, глобальная мировая организация ООН и ее структуры, международный комитет Красного Креста, религиозные организации (Церковь объединения (кор. 통일교회, Тхониль кёхве Мун Сон Мена) и, наконец, известные всему миру личности, такие как основатель и глава суперконцерна Хюндай Чон Чжу Ен. То есть посредники были, другое дело, насколько успешной оказалась их медиаторская роль. Пока отметить нечто значительное мы не можем. Причина такой малоэффективности или безуспешности посредничества в межкорейских отношениях заключается, на мой взгляд, в том, что обе противоборствующие стороны не созрели, не готовы и не хотят разрешения противоречий, причем Север обвиняет Юг в таком нежелании, а Сеул в свою очередь ставит неприемлемые для Пхеньяна условие – отказ от ядерного арсенала, прекращение испытаний тактических и баллистических ракет. Видимо, не пришло еще время, не пришло еще осознание, но это не значит, что надо сидеть сложа руки и не предпринимать никаких усилий и не готовиться к объединению.

Так называемая «третья Корея», составной частью которой являются корейцы СНГ, в том числе и Казахстана, могла бы, по моему мнению, выполнять следующие медиаторские функции:

- лоббирование объединительных процессов;
- пропаганда мирных и демократических путей урегулирования конфликтов,
- просвещение широкой аудитории в различных вопросах межкорейских отношений и, наконец, проведение посреднических мероприятий, программ и проектов [17].

Мировой опыт указывает на то, что зарубежные диаспоры могут играть позитивную, миротворческую роль в международных конфликтах, а иногда и резко отрицательную, разрушительную, агрессивную, о чем не стоит забывать.

Каковыми представляются формы и содержания медиаторства корейцев СНГ в межкорейских отношениях?

Прежде всего, мы могли различить коллективную форму медиации как посреднической роли всех зарубежных корейцев, корейцев СНГ и корейцев Казахстана. Но на самом деле вся людская масса, обозначенная в порядке численного уменьшения, аморфна по своей структуре и не объединена коллективными помыслами и действиями в медиаторской роли.

Поэтому, уверен, что реальный вклад может внести диаспорная элита, а точнее, ее наиболее видные, способные и патриотически настроенные представители, каждый из которых занимает высокое место в своей родной стране, будь то в политике, бизнесе, культуре, искусстве, спорте и т.д. [18].

Важный вклад лучших представителей элиты советских корейцев в налаживание межкорейского диалога отмечен в докладе профессора Владимира Федоровича Ли (Ли У Хе), с которым он выступил на международной научной конференции *«Корейцы в России, радикальная трансформация и пути дальнейшего развития»*, посвященной 70-летию депортации корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан.

Отмечая деятельное участие российских корейцев в значимых международных акциях по мирному воссоединению Кореи, профессор Ли раскрывает малоизвестные страницы истории, в частности вклад первого заместителя директора Института востоковедения, члена-корреспондента АН СССР Георгия Федоровича Кима в разработку нового внешнеполитического курса

Москвы на Корейском полуострове. Георгий Ким сумел убедить таких влиятельных ученых-востоковедов как академика Евгения М. Примакова (кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, директора Института Востоковедения АН СССР) и др. в том, что Москва сможет сыграть неизмеримо большую роль в мирном воссоединении Кореи, если установит сбалансированные отношения с Пхеньяном и Сеулом. В октябре 1988 г. в ЦК КПСС состоялось закрытое совещание ведущих отечественных политологов с участием Валентина М. Фалина – секретаря ЦК КПСС. «Аналитическая записка за подписями Фалина, Примакова и Кима обосновывала неотложную необходимость радикального поворота СССР в отношениях с Южной Кореей и по проблемам Корейского полуострова.

В декабре 1988 г. уже тяжело больной Г.Ф. Ким отправился в Сеул, где состоялась встреча с президентом Ро Де У. Несколько годами ранее он был принят северокорейским вождем Ким Ир Сеном.

По воспоминаниям участника памятной встречи корееведа-филолога Вадима П. Пака, южнокорейский глава государства не скрывал своего восхищения тем, каких высот достиг на своей Родине этнический кореец, которому было доверено вести беседу на столь высоком уровне от имени великой державы. Встреча в «Голубом дворце» – резиденции южнокорейского президента завершилась на оптимистической ноте скорого установления дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея.

После смерти Георгия Ф. Кима идея параллельного развития прагматичных отношений с Севером и Югом, в рамках которой Москва выполняла бы посреднические функции между Сеулом и Пхеньяном, оказалась без должного внимания, но в начале 2000-х годов Кремль вернулся к рекомендациям Примакова-Кима и перешел к конструктивному диалогу с обоими корейскими государствами [19].

Владимир Федорович Ли приводит в своем докладе ряд ярких примеров о важной посреднической миссии известных советских (позже российских) корейцев, приглашенных и в Сеул, и в Пхеньян, голосу которых прислушивались по обе стороны 38-ой параллели. Он указывает, что в справочнике «Современное российское востоковедение» среди самых авторитетных корееведов помещены сведения о большой группе этнических корейцев

– 33 ученых, внесших значительный вклад в исследование проблем современной Кореи, включая вопрос разделенной страны.

Особо отмечен вклад академика РАЕН, одного из основателей корейского национального движения в СССР и России Хо Дина (Хо Ун Бе), который поддерживал деятельные связи с широким кругом друзей и коллег в Республике Корея, Китае, США, Японии и других странах, входил в разные комитеты и комиссии по мирному объединению Кореи.

Сам профессор Дипломатической Академии МИДа РФ Владимир Ф. Ли, которого я глубоко уважаю как своего учителя и наставника, внес существенный вклад в теоретическую разработку проблемы разделенной Кореи, миссии России в налаживании межкорейских отношений и путей решения корейского вопроса. Он руководил Центром Азиатско-Тихоокеанских исследований Дипломатической академии МИДа России, когда будущий президент Кореи Ким Де Чжун, будущий лауреат Нобелевский премии мира защитил в Дипломатической Академии свою докторскую диссертацию «Трагедия и надежды корейской демократии».

Наряду с выдающимися российскими корейцами из круга ученых, тесно связанных по роду своей деятельности с правительством и иными государственными ведомствами, отвечающими за внешнюю политику, международное экономическое сотрудничество и безопасность страны, к активным сторонникам мирного воссоединения Кореи относятся лучшие представители корейской диаспорной элиты.

Во-вторых, медиация должна быть добровольной, одно только членство в КСМДОК по призыву АКК или рекомендации посольства не могут породить желание внести свой пусть малый, но свой собственный вклад в общее дело – сближение двух Корей и воссоединение Севера и Юга.

В-третьих, медиация должна носить нейтральный характер, вот почему представители элиты корейцев Казахстана, имеющие желание стать медиаторами в межкорейских отношениях или в отношениях между Казахстаном и двумя Корейми, не будут чувствовать себя стесненными рамками официальной, проправительственной организации КСМДОК, который, как всем известно, возглавляет действующий президент Республики Корея.

В-четвертых, медиация в межкорейских отношениях должна быть системной и стабильной, независимой от текущей полити-

ческой конъюнктуры. Обстреляли с Севера – все сворачивается и прекращается, извинился Пхеньян – все начинается с нуля и так все заново проходить по кругу. Стену, которую разделяет Север и Юг, надо убирать без перерывов и новых на нее наслоений.

В-пятых, медиация в межкорейских отношениях должна сфокусироваться на гуманитарной сфере: культуре, искусстве, спорте – наименее свободных от политизации. Посредничество в бизнесе и предпринимательстве также не исключается.

Что касается содержания, отмечу, что оно может быть наполнено чрезвычайным разнообразием от организации совместных детских конкурсов рисунков об объединении Родины, от совместных спортивных состязаний, до международного автокаравана и т.д. [20].

Корейцы СНГ провели ряд международных по масштабу проектов и мероприятий, внесших конкретный вклад в дело сближения двух Корей. Одним из ярких примеров последнего времени стал международный автопробег, посвященный 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию [21].

За полтора месяца автокараван проехал по территории России и государств Северо-Восточной Азии по маршруту: Москва – Ташкент – Алма-Ата – Новосибирск – Владивосток – Пхеньян – Сеул. В международном автопробеге участвовали 33 человека под руководством командора Эрнеста Кима, однако в мероприятиях, организованных по маршруту следования, оказались задействованными десятки тысяч людей. На территорию Республики Казахстан автокараван заезжал трижды: со стороны России, затем Кыргызстана и Узбекистана, поэтому в городах Актобе, Алматы и Кызылорде прошли массовые митинги, концерты, пресс-конференции, в которых приняли участие сотни людей.

В Ташкенте 4 июля 2014 года на торжественном обеде в честь участников Автопробега «Россия-Корея 2014» присутствовали Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Корея в Узбекистане Ли Ук Хён, Временный поверенный в делах Корейской Народно-демократической Республики в Республике Узбекистан г-н Ли Хак Му и 1-й секретарь посольства России в Республике Узбекистан Александр Суханов. То есть корейская диаспора СНГ оказалась способной посадить за одним столом официальных представителей Севера и Юга Кореи, а также Узбекистана и России. Более того, спеть песни друг другу [22].

Участники автокаравана первыми в истории пересекли на автомобилях границу, разделяющую Корею на два государства. За 40 дней караван из десятка автомобилей пересек Европейскую часть России, Среднюю Азию, Сибирь, Приморье, территорию КНДР и прибыл в Сеул, преодолев 15 тыс. км.

Автокараван показал всему миру, что народная дипломатия не знает границ в прямом и переносном смысле, если ее целью является укрепление мира, взаимопонимания и сотрудничества. Москва, Пхеньян и Сеул поддержали общественную инициативу и приняли решения на политическом уровне, которые заставили подняться все пограничные шлагбаумы. Тем самым еще более значимой и важной стала видеться роль зарубежных корейцев в деле построения доверительных отношений между Северной и Южной Кореей [23].

Автокараван – это яркое свидетельство и веское доказательство того, что даже самые невероятные мечты сбываются, если есть воля, настойчивость, сплоченность и ресурсы. В этом свете, мечта увидеть Корею единой, уже не кажется нереальной, а если мерить не годами, а иными отрезками времени, то объединение наступит неизбежно. На этом непростом пути к мирному объединению Кореи международный автокараван в 15 тысяч километров возможно лишь одна, но важная точка, из множества которых вычерчивается судьбоносная линия к единству разделенного народа, миру и сотрудничеству в Евразийском пространстве.

Выводы

Исходя из геополитической и геоэкономической значимости Евразии, возникает необходимость разработки национальной корейской концепции евразийства.

«Оригинальная корейская концепция евразийства» должна включать в себя программу решения стратегических задач, включая и обозначенные ранее в евразийской инициативе прежнего президента Пак Гын Хе.

Объединение Кореи – национальная идея, национальная мечта всех корейцев мира, неразрывно связана с геополитическим и геоэкономическим положением Кореи в Евразии и связанной с ней «оригинальной корейской концепцией евразийства» (*евразийская инициатива + альфа*).

Зарубежные корейцы могут сыграть роль мостов в двухсторонних отношениях исторической родины – Кореи и странами проживания в странах Евразийского суперконтинента.

Зарубежные корейские диаспоры имеют потенциальные возможности медиации в межкорейских отношениях.

Эти возможности не раскрыты, не использованы и не получили поддержку ни с Юга, ни с Севера Кореи.

Особо следует обратить внимание на формирование, деятельность и потенциальные посреднические функции представителей элиты зарубежных корейцев.

Исходя из объективных исторических и современных предпосылок, признать корейцев Казахстана одним из потенциальных медиаторов в межкорейских отношениях.

Медиация корейцев Казахстана между Северной и Южной Кореей должна быть спланированной, системной и постоянной, независимо от текущего состояния межкорейских отношений.

Литература

- 1 외교부. 외동포현황. https://www.index.go.kr/potal/stts/idxMain/selectPoSttsIdxMainPrint.do?idx_cd=1682&board_cd=INDX_001
- 2 Eurasian economic integration: facts and figures. М., 2015.
- 3 Брутенц Карен. Континент будущего. – <https://interaffairs.ru/jauthor/material/829>
- 4 Suess, Eduard (1885-1909). Das Antlitz der Erde. F. Tempsky, Vienna, OCLC 2903551, Note: volume 3 was published in two parts.
- 5 Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. – 243 с.; Назмутдинов Б.В. Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 247 с.; Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Параллель, 2010. – 449 с.
- 6 Дугин А.Г. Евразийский путь. – М., 2002.
- 7 Ива Леон. Гумилев – «последний евразиец». – <http://www.gumilev-center.ru/gumilev-poslednijj-evraziiec/>
- 8 Kim German. Eurasian Economic Union and concept of «Eurasian Initiative». – Proceedings of the International Conference “Strategies of Eurasian Initiative and international Cooperation”, hosted by Korean Association of Political Studies, 13 June 2014.
- 9 Mackinder, H.J. “The geographical pivot of history”. The Geographical Journal, 1904, 23, pp. 421–37. Available online as Mackinder, H.J. “The Geographical

Pivot of History”, in *Democratic Ideals and Reality*, Washington, DC: National Defence University Press, 1996, pp. 175–194.

10 Mahan A.T. *The Influence of Sea Power Upon History: 1660–1783*. 1890.

11 Spykman N.J. 1944. *The Geography of the Peace*, New York, Harcourt, Brace and Company

12 Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // *Этнографическое обозрение*, 2000, № 2, С.77.

13 Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Там же. 2004. № 3. С. 126-138; Brubaker R. The ‘diaspora’ diaspora. *Ethnic and Racial Studies* Vol. 28 No. 1 January 2005 pp. 1-19.

14 Sheffer G. *A New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics // Modern Diasporas in International Politics*. L., 1986. P. 1-15.

15 Esther Haas and Toni Wirz. *Mediation – Konflikte lösen im Dialog*, Verlag Weobachter, 2011; Жан А. Миримановф. Универсальный характер медиации. Опыт и свидетельство Европы: триптих. Доклад, подготовленный в рамках первой русско-французской конференции по медиации. Год Франции в России и России во Франции. Москва, 30 сентября 2010// <http://www.mediationgeneve.com/docs/Details%2015.pdf>.

16 См. Бугай Н.Ф. Третья Корея: новая миссия и проблемы глобализации. – М., 2005.

17 김계르만. 구소련 동포들의 남북한 통일에 대한 태도. – 재외동포 통일 문제 세미나)북한의 변화와 재외동포사회의 역할. 2004, Chejudo, pp. 151-161; Kim German. The Korean diaspora in the strategic partnership of Kazakhstan and South Korea. – *Известия корееведения в Центральной Азии* [The Newsletter of Korean studies in Central Asia, Almaty]. Алматы, 2010, No. 9 (17), с. 30-42; Kim German. The contribution of ethnic Koreans in promoting bilateral cultural relations between Kazakhstan and Korea. – *Central Asia’s Affairs*, 2012, Vol. 3, pp.16-30.

18 German Kim. Peculiarities of Diasporic Elite Formation in the Post-Soviet Space. – *Proceedings of the First International Conference of the Institute of Central Asian research Hanguk of the University of Foreign Languages*. 23-24 April, Seoul, 2010, pp. 39-55.

19 Ким Г.Н. Диаспорная элита: фантом или реальность? (на примере корейцев в постсоветском пространстве). – *Избранные труды по корееведению*. Алматы: Senim, 2013, с. 315-324.

20 김 계르만. (통일시계)중앙아시아 고려인과 조국. – 서울 : 월간한민족 제5호, 2004. pp. 18-28.

21 Публикации об автопробеге на сайте koresaram.ru. – <https://koryo-saram.ru/?s=%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B3+>

22 Торжественный прием участников Автопробега «Россия – Корея 2014» в АККУЗ.- <https://koryo-saram.ru/torzhestvennyj-priem-uchastnikov-avtoprobega-rossiya-koreya-2014-v-akksuz/>

23 Ким Э.Н. Дорога длиною в жизнь... История одного автопробега. – М., 2015.

Раздел 2

ДИАСПОРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ем Н.Б.

*К.и.н., ассоциированный профессор,
Казахский национальный
университет им. аль-Фараби*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КОРЕЙЦЕВ В ЯПОНИИ КАК ГАРАНТИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Введение

В современной обществоведческой науке в основе формирования этнической идентичности, как правило, выделяются язык, культура, обычаи и традиции. Осознание приверженности к исторической памяти этноса и этнической культуре определяют этническую идентичность личности. Согласно современным теориям обществоведения, каждому человеку в той или иной степени присуща потребность принадлежности к группе, в результате чего человек может ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку в традиции. «Идентичный» переводится с латыни как «тождественный», а «идентификация» – это установление тождества между предметами, процессами и прочим. Термин «идентификация» (identity) актуализировался в связи с работами В.Тернера и Э.Эриксона по теории идентичности, что придало новое звучание исследованиям по национальному самосознанию и проблемам этничности [1]. Предметом рассмотрения данной статьи является система этнических школ и ее взаимосвязь с этнической идентичностью корейцев, проживающих в Японии, а также их потомков, изменения в этнической идентичности и культурной интеграции в последнее время.

Этническая идентичность в целом изучена недостаточно, хотя в последнее время она привлекает все большее внимание ряда исследователей. Это в значительной мере обусловлено специфи-

кой понятий «этническое», «этническая группа», «этничность», в разных школах и в разных странах. Существуют различные тенденции в подходах к проблеме. В США, где проблемы межкультурного взаимодействия всегда были предметом пристального внимания исследователей, в течение XX в. сменялись разные подходы. Первые исследования в этой области проводились с позиций ассимиляционизма, т.е. американизации вновь прибывающих групп иммигрантов. Полная ассимиляция, полная утрата этническими меньшинствами своих культурных особенностей и усвоение языка, культуры, норм и ценностей своей новой родины рассматривались как, несомненно, положительное явление. Эта идея была поддержана позднее в концепции «плавильного котла» (*melting pot*).

В условиях постепенно меняющегося общества концепция «плавильного котла» не оправдала себя, ей на смену пришла теория культурного плюрализма, или «культурной мозаики», т.е. сохранения особенностей культур разных этнических групп в условиях демократического общества. Эта теория была дополнена позднее, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда многие исследователи полагали, что различные группы белого населения США сливаются в единую этническую группу, как группа американцев. Однако в настоящее время многие ученые приходят к выводу, что картина на самом деле более сложная: «американцами» считают себя не только белые группы населения. В то же время среди разных слоев американского общества, особенно недавних иммигрантов, понятию «американец» не всегда отдается предпочтение по сравнению с принадлежностью к другой («своей») этнической или конфессиональной группе. Дж. Берри предложил выделять четыре типа этнической идентичности для потомков смешанных браков в зависимости от ситуации: 1) моноэтническая идентичность (высокий уровень идентичности со «своей этнической группой» при отсутствии или низком уровне идентичности с «чужой»); 2) моноэтническая идентичность с «чужой» этнической группой; 3) биэтническая идентичность (высокий уровень идентичности с обеими этническими группами); 4) маргинальная этническая идентичность (низкий уровень идентичности с обеими группами или даже ее отсутствие).

Говоря о процессе этнической идентификации, одним из наиболее очевидных признаков существования этнической общно-

сти выделяется этноним. Выработка этнонима явно показывает осознанное выделение этнической группы из числа других. Выработка этнонима подразумевает и определение других факторов, обособляющих этническую группу: территории, общности происхождения, культуры, экономики и т.д. Индивид идентифицирует себя не только по этническим признакам, поэтому этничность может иногда находиться и на периферии личностной мотивации. На значимость этнической принадлежности влияют не только объективная социальная реальность, но и ряд субъективных факторов – уровень образования индивида, например, или политика государства по отношению к этническим меньшинствам, доминирующее положение этноса или моноэтничность общества. Таким образом, на уровне индивида этническая идентичность выступает как осознание принадлежности к определенной этнической группе. То есть индивида можно считать членом определенного этноса при условии, что в течение нескольких лет он социализировался в этой этнической среде и, следовательно, в определенной степени знает ее культуру и носит в себе ее стиль жизни. Кроме того, он должен своими действиями доказывать, подтверждать свою принадлежность к данному этносу. Чтобы суметь делать это, он должен стать носителем его языка и культуры. В этом смысле этническая идентичность – не только изначально данное индивиду качество, но и качество приобретенное, используемое, раскрываемое, а иногда и сознательно скрываемое. При этом основную роль в этнодифференциации играет язык. Он выступает одним из важнейших объективных факторов как складывания этноса, так и его дальнейшего развития. При этом этническому образованию отводится существенная роль. Этническое образование создает возможность раскрыть свою принадлежность в тесной связи с языком, историей, культурой и традициями своего этноса.

Этнокультурное образование позволяет сохранить этническую идентичность представителей этнических меньшинств путем приобщения к их родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей доминирующей культуры. Принятие идеи этнокультурного образования означает создание поликультурной и системы обучения и воспитания. При этом основными задачами этнокультурного образования этнических меньшинств являются такие, как сохранение этнической идентичности, углу-

бление знания о своей культуре. Таким образом, выдвигается положение, что состояние этнического образования выступает одной из фундаментальных основ сохранения этнической идентичности этноса, в данном случае в отношении корейцев в Японии.

Этническое образование в Японии

На сегодняшний день в Японии насчитывается более двух миллионов зарегистрированных иностранных жителей в Японии, что составляет 1,71% от общей численности населения. При этом, примерно каждый тридцатый из них имеет «иностранного родителя» [2]. Иностранные граждане в Японии делятся на две основные категории в соответствии с историческими и политическими привязанностями. Более 420000 человек, в основном из Кореи и Тайваня, подпадают под категорию «старожилов», которые переехали в Японию до и во время Второй мировой войны. Второй группой определены «новички» как этнические японцы из Азии и Южной Америки (*Nikkei*). По данным на 2010 год, крупнейшими группами иностранных резидентов являются: китайцы (680 518), а затем корейцы (578 495), бразильцы в основном японского происхождения (267 456) и филиппинцы (211 716).

Этнические меньшинства в Японии стремятся передать этническое наследие последующим поколениям путем отправки своих детей в этнические школы – *minzoku gakkou*.

Китайские школы

Первая китайская школа в Японии была создана в Иокогама в 1898 году с целью обучения китайских детей, которые растут в Японии, чтобы сохранить свою китайскую идентичность. В 1952 году школа раскололась на две фракции из-за политической напряженности между материковым Китаем и Тайванем. Сторонники коммунистического Китая сформировали китайскую школу *Yokohama Yamate*, в то время как сторонники Тайваня сохранили *Yokohama Overseas Chinese School*. Одним из основных различий между этими двумя типами школ является система письма. Проматериковые школы Китая обучают на упрощенном китайском языке, а систему латинизации используют для стандартного китайского; в то время как ориентированные на Тайвань школы учат письму с использованием фонетических символов. Из пяти

китайских школ в стране, только китайская школа Yokohama Yamate и китайская школа Кобе ориентированы на материк. В отличие от других международных школ в Японии, которые, как правило, сосредотачиваются на подготовке студентов к жизни за пределами Японии, китайские школы направлены на подготовку студентов для японского общества путем обучения на китайском и японском языках. На сегодняшний день из 413 учеников школы Yamate 30% являются китайскими гражданами, а остальные имеют японское гражданство [3]. Существование китайских школ демонстрирует стабильность в продвижении этнического языка, культуры среди китайских граждан в Японии.

Бразильские школы

В Японии бразильское общество выросло до 1,5 миллиона человек. Почти 320 000 сейчас зарегистрированы в качестве жителей Японии, что делает бразильцев третьим по величине иностранного сообщества после китайцев и корейцев.

Большинство японских бразильцев переехали в Японию в качестве временных рабочих; их называют *dekasegi*, что буквально переводится как «работать вдали от дома». Их число быстро росло после пересмотра Иммиграционного Закона о признании статуса беженцев 1990 г., что позволило представителям второго и третьего поколения японских бразильцев получить долгосрочные рабочие визы в Японии. В период, когда экономика Бразилии отставала, экономика Японии была на подъеме. Тысячи японо-бразильских семей переехали в Японию для работы в промышленности ЗК: *kitsui* (жесткий), *kitanai* (грязный) и *Kiken* (опасно). Несмотря на ожидания японских властей, что «они после того, как заработают, вернуться домой», многие из них предпочли остаться в Японии.

В 1998 году Закон о признании беженцев и иммиграции был вновь пересмотрен. В результате для японских бразильцев были выпущены рабочие визы различной продолжительности в зависимости от их предполагаемой «японскости». Из 35 000 бразильских детей в Японии 10 200 в возрасте 5 и 14 лет обучаются в государственных школах и еще 10000 учатся в бразильских школах. Это означает, что около 10 000 – не получают образования. Об этом была обеспокоена Президент Ассоциации бразильских школ в Японии Julieta Yoshimura. Она также отметила, что число бразильских школ в Японии подскочило до 110 в 2008 году с 45 в 2001

году. Многие бразильские дети, которые были переведены в японские государственные школы, не демонстрировали равных успехов с японскими студентами из-за отсутствия навыков японского языка или из-за дедовщины. Но бразильские школы не являются «безопасным убежищем», потому что большинство из них не аккредитовано правительством. Как следствие, их студенты не имеют доступа к тем же привилегиям, которые имеют обучающиеся в японских школах. В результате неаккредитованные школы подвергаются дискриминации по таким пунктам, как регулярные медицинские осмотры, доступ к проездным билетам по студенческому тарифу и другие права. Так, при приеме в японскую школу, по данным МИД Японии. 2004 года, около 15 тысяч бразильских обучающихся не были зачислены в школу. Из них около 700 детей вернулись домой в Бразилию и только 160 детей были приняты в японские государственные школы [4]. Наличие огромного количества бразильских детей вне школы вызывает большое беспокойство в связи с проблемами в отношении нелегальной рабочей силы и роста преступности. Тем не менее, правительство продолжает политику ограничения неаккредитованных школ, так как они считаются школами не для японских граждан и, следовательно, не обязаны получать обязательное образование.

На сегодняшний день, по данным посольства Бразилии в Токио, 50 из примерно 86 бразильских школ в Японии были аккредитованы правительством Бразилии [5]. Тем не менее, ни одна из них не получила официального статуса школы в Японии и только две бразильские школы – в префектуре Айти и в префектуре Гифу – имеют статус «разные школы». Под эту категорию попадают международные школы, которые получают налоговые вычеты и скидки для студентов. Одновременно считается, что их выпускники не имеют обязательного японского образования. На самом деле, представители правительства Японии высказывали мнение, что правительство поощряет бразильских родителей отправлять своих детей в государственные школы. В свою очередь, бразильские школы должны подавать заявление на государственную аккредитацию, так как требования для этого недавно были ослаблены. Но до сих пор существует только четыре аккредитованные бразильские школы.

«Бразильские дети, которые посещают государственные школы, не имеют достаточной поддержки, чтобы приспособиться к

чужой среде», – сказал *Kenji Mizui*, глава Совета образования в Сузуке, префектура Миэ, где иностранные жители составляют 5 % населения города. Среди последних преобразований для поддержки бразильских детей в государственных школах названо привлечение португалоязычных преподавателей, а также внедрение новых учебных материалов японского языка [4].

Бразильцы как иностранцы японского происхождения в преобладающем количестве стали присутствовать в Японии после Закона 1990 года по привлечению дешевой рабочей силы. Сам факт занятости ими только в сферах неквалифицированного труда, как строительство и обрабатывающая промышленность, а также намерение остаться жить в Японии на более длительное время ставят задачи иммиграционной политике по «развитию талантов новичков, предоставляя более высокий уровень образования и профессиональной подготовки».

Бразильский адвокат *Etsuo Ishikawa*, который предоставляет юридические консультации для бразильской общины в Хамамацу, префектура Сидзуока, которая имеет самое большое население бразильцев в Японии, сказал, что основной причиной проблем, преследующих иммигрантов, является отсутствие социального обеспечения в сочетании с нестабильными условиями занятости [4].

Таким образом, право на образование, стабильное социальное обеспечение, предоставление права голоса неамериканских граждан в местных выборах, а также необходимость изменения «японского склада ума по отношению к иностранцам» требуют дальнейшего рассмотрения Закона японским правительством.

В настоящее время существует только 12 корейских средних школ в Японии, где обучаются около 1800 студентов, в том числе граждане Южной Кореи и Японии; при этом две из них практически закрыты.

Статус корейских школ зависит от взлетов и падений отношений Японии с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР). 20 февраля 2013 года Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии (МПКСНТ) внесло изменения в программу обучения, введенную в 2010 году с целью исключения «просеверокорейских» средних школ. Пересмотр отражает жесткую позицию премьер-министра Синдзо Абэ против испытаний ядерного оружия Северной Кореей и в отношении

случая 2002 года, когда Пхеньян официально признался, что северо-корейские агенты похитили японцев в 1970-х и 1980-х годах, чтобы обучить их как своих шпионов. В результате, правительство продемонстрировало дискриминационное решение в отношении международных школ, а также школ, связанных с Китаем и Южной Кореей. Кроме того, пересмотр нарушает принцип равенства перед законом, как это предусмотрено статьей 14 Конституции Японии. Это противоречит целям программы, которая была разработана для того, чтобы все студенты средней школы в Японии имели возможность получать образование независимо от финансового состояния их семей.

Корейские школы в Японии преподают корейским детям корейский язык и культуру с целью сохранения «гордости за свою корейскую идентичность». После Корейской войны просеверо-корейские школы Чосон имели институциональные связи с КНДР. В связи с этим, а также с ростом фобии к Северной Корее в японском обществе школы Чосон переживали политические нападки и сокращение финансовой поддержки, которую местные органы власти предоставляют в частные школы. Несмотря на эти трудности, учащиеся в чосонских школах остаются «оптимистичными». Их родители, которые хотят, чтобы их дети росли «по-корейски», по-прежнему, поддерживают чосонские школы [6].

Наличие на территории Японии этнических школ формирует видение, что меньшинствам предоставляются все возможности для сохранения своей культуры, языка и поддержания этнической идентичности. Однако условия существования этнической системы образования демонстрируют многие проблемы и требуют более тщательного рассмотрения со стороны исследователей.

Корейцы в Японии: условия сохранения этнической идентичности

История появления корейцев на Японских островах уходит в первые века XX века. После Второй мировой войны число корейцев в Японии было равно 2 млн. Большинство тех, кто был насильственно привезен в Японию в качестве трудовых ресурсов, было репатрировано в конце войны. Те, кто остались, в 1948 г. были оценены приблизительно в 590 тысяч человек. Их надежда

на возвращение была разрушена, так как их родина была разделена между советским севером и американским югом. Последующая Корейская война (1950-1953 гг.) объединила разделенных корейцев, оставшихся в Японии.

Корейские резиденты в Японии как бывшие колониальные подданные и их потомки имели два статуса пребывания: натурализованные корейцы, которые приняли японскую идентификацию и, как корейские граждане (*zainichi*-статус), сохранившие этническую идентичность. Выбор *zainichi*-статуса являлся способом выразить свое сопротивление системе натурализации Японии, которую они видели как наследие ассимиляторской колониальной политики. В начале 1990-х годов значительное число корейцев стали искать натурализацию. Это свидетельствовало о различии их отношения к этнической и национальной принадлежности. Они считали, что даже после натурализации они могли сохранить свою этническую идентичность. В результате на фоне постепенного роста мультикультурализма в Японии стал узнаваемым третий вариант – «корейские японцы» или японские граждане с корейской этнической идентификацией. Исследователи показывают, что этот новый вариант идентичности соответствует ранее известному колониальному дискурсу этнической иерархии и ассимиляции и обращает внимание на потенциал для активизации политического присутствия резидентов корейцев в Японии [7].

Хотя жизнь для *zainichi* корейского населения Японии была под влиянием многих факторов, развитие дискурса внутренней политики по отношению к *zainichi* с начала 1970-х годов отражает огромные изменения в перспективах идентичности *zainichi*. В статье одного из исследователей были проанализированы идеи *zainichi* интеллектуалов и общественных комментаторов с начала 1970-х до начала 2000-х годов. Ситуация характеризуется как временный и пространственный сдвиг в политике от старшего поколения к младшему. В результате создается некая гибридная идентичность, отличная от идеи политических организаций *zainichi* и антияпонского национализма [8].

Разделение Корейского полуострова усугубило ряд сложностей к вопросу о гражданстве корейцев в Японии. Хотя почти все произошло на юге полуострова, значительная часть корейцев в Японии политически идентифицировала себя как представите-

лей Севера полуострова, в то время как другие предпочли определиться как представители Чосон (Корея), независимо от политического разделения. В то время как японское правительство определило всех представителей колониальных стран как «иностранный», южнокорейский режим предотвратил выбор национальности, объявив всех *zainichi*-корейцев гражданами Республики Корея. Результатом стала система регистрации иностранцев, которая отделяла лиц с выбранной регистрацией (*Chōsenseki*) от тех, кто с *Kankoku* (Республика Корея, Хангук) регистрацией (*Kankokuseki*). В результате на протяжении многих десятилетий выбранная регистрация приравнивалась к идеологической лояльности по отношению к Северной Корее. 18 апреля 1952 года, на следующий день, когда Мирный договор Сан-Франциско вступил в силу, японское правительство объявило о своем одностороннем решении об отзыве японского гражданства бывших колониальных подданных, в том числе и корейцев, живущих в Японии [9].

Кроме того, положение заявляло, что корейцы были обязаны проходить процесс натурализации так же, как и другие иностранцы, если они желали приобрести японскую национальность. Японская правительственная мера не следовала современным международным юридическим нормам: те люди, которые не приобрели новую национальность, фактически не имели гражданства. Одностороннее урегулирование проблемы национальности было оправдано в соответствии с предположением, что Мирный договор Сан-Франциско, к которому ни одно корейское правительство не присоединилось, подразумевал согласие об изменении нации. Логика заключалась в том, что, так как соглашение гарантировало конец японского контроля над корейской территорией, корейцы не были теперь независимы и, следовательно, были японскими подданными. В 1961 г. Управление Верховного Суда поддержало это официальное представление. Период между 1945 и 1952 гг. имел некоторую параллель с колониальным периодом относительно отношений между японским государством и корейцами в оба периода, проблемы общественной безопасности формировали японскую государственную политику.

В отношениях между национальностью и гражданством произошли изменения. Из-за потери японской национальности корейские ветераны не могли иметь право на пенсию и другую социальную защиту. Корейские госслужащие в Японии должны

были просить натурализацию, иначе имел место риск безработицы. Министерство юстиции Японии после 1952 г. регулировало национальность принципом крови и строгими правилами натурализации. Закон предотвращал свободный доступ к японской национальности. Претенденты на натурализацию подлежали административному контролю. Для предоставления натурализации в 1958 г. были выработаны критерии. Например, рассматривалась политическая ориентация претендентов, членам Компартии и членам северного «Чонгрюн» не разрешалось натурализовываться. В критерии входило принятие японской культуры. Предусматривалось «не предоставлять натурализацию человеку, которого нельзя считать полностью ассимилированным в японское общество относительно образа жизни и других аспектов» или «человеку, который живет в специальных жилых областях, типа корейского соседства». Претенденты на натурализацию должны принять имена, схожие с японскими. Это являлось частью условий для натурализации. Натурализация тесно связана с регистрацией места жительства. Кто бы ни получил японскую регистрацию – японский соотечественник. В результате японская национальность передавалась следующему поколению через регистрацию. Чтобы препятствовать нежелательным людям становиться японцами, чиновники выработали критерии для предотвращения мошенничества с документацией для регистрации места жительства.

Следующие постулаты налагают особенности на условия сохранения этнической идентичности корейцев в Японии. Корейцы в Японии, имеющие опыт принудительной вербовки периода военного времени, отчетливо идентифицировали свое будущее с Кореей, однако все еще составляли недоминирующее меньшинство. Именно семья выполняла строгую функцию психологической поддержки корейцев в Японии, живущих в обстановке притеснения и дискриминации. Внутреннюю солидарность корейская семья сохраняла в поддержании языка, обычаев и корейской традиционной еды. Уже второе и третье поколение детей в Японии выросли в домах, где члены семьи говорили только на японском. В возрасте около десяти лет дети узнавали, что он или она – корейцы, они слушали разговоры на незнакомом языке в момент прихода других людей в дом. В этот момент они плохо чувствовали себя, но никогда не жаловались родителям о своей горе [10, 69]. Корейская патриархальная семья объединяла сы-

новнее благочестие и послушание и имела большую цементирующую силу в семье корейцев в Японии, чем в семье корейцев в Корее. Учитывая языковую ситуацию корейцев в Японии, уже начиная со второго поколения, факт культурной ассимиляции был налицо. В-четвертых, общеизвестен феномен корейцев в Японии – они имеют два разных имени: японское имя, которым они пользуются, и реальное – корейское традиционное имя. Для бизнеса корейцы в Японии нуждаются в японском традиционном имени. Обыкновенно они используют два разных имени. Между тем новое поколение – учащиеся начальной, средней и высшей школы – декларируют свои корейские имена и как свои собственные, и как имена для школы. В этой ситуации отважные корейские студенты обнародовали корейские имена как идентифицирующих их корейцами. Движения корейской молодежи косвенно поддерживали прокламацию корейских имен в классе. Корейские тинэйджеры в Японии организовали группу молодых студентов для изучения корейского языка и корейской истории по вечерам. Молодые лидеры этих тинэйджерских групп приводили последователей на морское побережье во время летних каникул для специального «тренинга тела и духа» [10, 68]. При этом, большинство представителей второго и третьего поколений корейцев не имеют функциональных навыков корейского языка. Они не используют свои корейские имена в повседневной жизни. Более 90% корейских долгосрочных жителей обладают японскими именами в дополнение к своим настоящим именам, а 80% используют японские имена в повседневной жизни. До недавнего времени это было популярно считать, что *zainichi-корейцы* приняли японские имена, чтобы избежать дискриминации со стороны доминирующего японского общества. В исследовании 1993 г. была высказана мысль о том, что они использовали свои японские названия для различных причин. Они выступают за японские имена, потому что они более знакомы с ними и считают, что их японские имена выражают именно то, что они представляют из себя. Несмотря на то, что они используют японские имена даже у себя дома, многие корейцы продолжают практиковать «корейский образ жизни»: они совершают корейские ритуалы для умерших членов семьи и поддерживают корейскую кухню [11].

Корейцы в этнически гомогенной Японии изо всех сил пытались найти способы поддержать свою этническую и культурную

идентичность в отличие от японского большинства. Существенный аспект этого процесса – выражения корейской этничности ограничены корейскими гражданами в Японии. Корейские организации в Японии помогают корейцам и способствуют поддержанию этничности. Однако их культура была более национальной, гражданской, чем этнической. Натурализованные люди имели тенденцию жить, как японцы, сообщество японских подданных быстро растет за счет увеличения числа натурализованных граждан и вступления их в брак. С 1980-х годов некоторые корейцы – японские подданные стали более откровенными в выражении своей корейской идентичности. В то же самое время численность корейцев японской национальности быстро росла из-за роста числа натурализаций и смешанных браков.

Этническая идентичность корейцев как японских подданных вынуждает и корейские национальные организации, и японское общество пересматривать связь между культурной идентичностью и юридической национальностью. С другой стороны, длительное господство национального статуса (гражданского статуса) как символа корейской идентичности в Японии продолжает препятствовать корейцам с японским гражданством, выражать корейскую идентичность.

Примеры корейских диаспор в других частях мира выдвигают на первый план понимание проблем, которые стоят перед корейцами в Японии. Корейские иммигранты в США могут написать свою идентификацию «корейский американец», тогда как осмысление «корейско-японской» идентичности кажется намного более трудным. Корейцы в Китае и в бывшем СССР были официально признаны как этническое меньшинство. А их соратники в Японии получили лишь немного общественной поддержки их культурных и образовательных программ, однако были подчинены иммигрантскому контролю как иностранцы. Этнический аспект корейской идентичности тесно связан со значением юридической национальности. Многие корейцы оставались подданными Японии даже в третьем поколении. Главный фактор – правила о принятии японского гражданства, которое присваивалось через происхождение (принцип крови) и иначе было достижимо только через натурализацию. Природа японского закона о гражданстве недостаточна, чтобы объяснить, почему корейцы остаются резидентскими иностранцами. Сами корейцы не требовали японской

национальности. Для них это символизировало их опыт принудительной ассимиляции в течение колониального периода, когда они были лишены своего языка и имен. Отказ от японской национальности был основанием поддержать корейскую идентичность в японском обществе.

Действие двух главных корейских организаций – «Чонгрюн» и «Миндан» отчетливо иллюстрирует национальный характер корейской идентичности. Прежде всего, членство в них основано на принадлежности к корейскому этносу. Обе организации определили корейцев в Японии как иностранных поданных, а не как будущих граждан страны. Официальная идеология Чонгрюна отклоняет понятие «этническое меньшинство», тогда как Миндан подчеркивает свою патриотическую ориентацию, противопоставляя его членов корейцам в США, которые становились американскими гражданами. С другой стороны, корейское этническое образование, спонсируемое этническими организациями, было важным элементом воспроизводства корейской национальной культуры. «Чонгрюн» управлял целой сетью школ. «Образование в школах Чонгрюна ориентировано на подъем национального самосознания студентов. Студенты изучают корейский язык, культуру, искусство. Этим прививается гордость за свою родину». Школьная система «Миндана» была ограничена только четырьмя школами. «Миндан» активно организовывал различные программы для корейских студентов, посещающих японские школы, они включали субботние занятия, летние сессии, поездки на родину. С 1970-х годов корейские группы, вне двух главных ассоциаций, активно боролись против социальной дискриминации и требовали юридических прав как жители японского общества. Большой акцент этой проблемы в пределах Японии был сделан с появлением понятия «Zainichi» (место жительства в Японии). Этот период – срок местожительства в Японии, бросил вызов предыдущему пониманию корейцев о принадлежности к корейской родине. Корейская идентичность младшего поколения имела этническое, а не национальное качество. В 1980-е годы корейцев в Японии характеризовал высокий уровень культурной ассимиляции с низким уровнем структурной ассимиляции. В течение колониального периода корейцы были обязаны изучать японский язык, принимать японские названия, имена, оставаясь структурно дифференцированными как колонизированные люди [12, 69].

Большинство корейцев в современной Японии родились здесь и очень сильно ассимилированы в японскую культуру. Многие из них не говорят на корейском языке и при этом они не являются сведущими в корейских традициях. С изменением их правового статуса как постоянных иностранных резидентов с 1980-х годов уровень структурной ассимиляции повысился. Число браков между японцами и корейцами увеличивалось. Так, в 1960 г. более 30% корейцев участвовало в браках с японскими партнерами, в 1973 г. только 50,6% от общего количества браков корейцев были браками «кореец – кореянка». В 1994 г. только 17,5% составляли корейские браки, остальные являлись браками между корейцами и японцами – 81,7% и между корейцами и другими подданными – 0,8%. В 1995 году этот показатель составил 82,2%. Рост числа смешанных браков приводит к появлению большого количества японских граждан корейского этнического происхождения [11]. Именно в этих условиях решался вопрос об этнической идентичности корейцев в Японии. Насколько фактор наличия этнического образования, его качества содержания, условиях существования могли способствовать поддержанию этнической идентичности.

Исторические этапы корейского этнического образования в Японии

Корейцы в Японии говорят исключительно на японском. Корейский язык преподается лишь в школах политизированного характера, которые принадлежат просеверной организации Chongryun, и только на уровне повседневной речи. Выделяется корейский диалект, сформированный корейцами, приехавшими сюда до 1980-х годов. Региональные отличия языка отмечались и среди женщин Осаки – сказывалось влияние проживающих здесь иммигрантов с острова близ Чеджу. В повседневной жизни японских корейцев родной язык не играет какой-либо роли, особенно для представителей второго, третьего и четвертого поколений.

Политику дискриминации в отношении корейцев Японии, проводимую Министерством образования, называют Monbukagakusho. Угнетение этнических корейских школ изначально проводилось через политику Kominka Seisaku – «подчи-

нение людей императору». Корейский язык и культура систематически подавлялись, а корейские имена насильственно были заменены на японские с начала японского колониального правления в Корее. В школах было запрещено преподавание истории, географии, культуры и языка Кореи. После освобождения Кореи в 1945 году корейская диаспора в Японии, стремясь к возрождению и поддержанию своей культуры, а также сопротивляясь политике ассимиляции японских властей, начала заботиться о создании корейских этнических школ. Это образовательное движение распространилось по всей Японии. В течение года после окончания войны корейцы основали большое количество *minzoku gakko* – этнических школ: 525 начальных, 4 средние и 12 школ высшего образования. Их в общей сложности посещали 44 000 корейских учащихся [13]. В первых этнических школах корейцев в Японии преподавались история, экономика, культура и корейский язык. Созданная в 1945 году Лига корейцев, стремясь подготовить молодое поколение к возвращению на родину, отводила центральную роль в своей деятельности открытию языковых школ, а также созданию учебников на родном языке [14]. Так появилось *minzoku kuōiku* – этническое образование, целью которого было укрепление корейского национального самосознания среди корейских детей.

Однако, уже в январе 1948 года в соответствии с Законом о школьном образовании от 1947 года требование к открытию школы предусматривало наличие аккредитации, а также использование японского языка в процессе обучения. В связи с этим преподавание корейского языка становилось факультативным. Акт правительства о закрытии неаккредитованных корейских школ повлек за собой массу демонстраций в различных частях Японии, известных как протесты Кобе. В результате число корейских школ сократилось к 1954 году до 154. Закрытие корейских школ сопровождалось передачей корейских детей в японские государственные школы. После 1965 года (ратификация Договора Сан-Франциско) правительства Кореи и Японии официально согласились с тем, что все корейские дети посещают государственные школы вместе с японскими детьми [13]. Кроме того, с 1952 года японское правительство требовало от корейцев как неамериканских граждан «получать образование, предписанное для японских детей», что включало использование корейскими

детьми японских имен. В префектурах Ямагути, Окаяма, Хиого, Осаке и Токио корейцы пытались сопротивляться приказу о закрытии этнических школ.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов корейские этнические школы стали появляться в результате деятельности Chonggyun. Они финансировались Северной Кореей. Так, к началу 1970-х годов было создано 180 школ различного уровня с контингентом в 35 000 учащихся [14, 168]. Созданные по политическим мотивам школы Chonggyun воспитывают детей в духе проявления постоянной лояльности к Северной Корее. Эти этнические школы не получают финансовую поддержку от Министерства образования Японии и их выпускники не имеют сертификатов, признаваемых министерством. Выпускники школ не могут поступать в японские государственные университеты. Но некоторые частные университеты принимают их на основе результатов сдачи ими экзаменов. Возможности дальнейшего образования у их выпускников весьма ограничены. Специальные этнические школы, в свою очередь, не подлежат регулярным инспекциям Министерства образования Японии и подчиняются только руководству Северной Кореи. Тем не менее, данные школы имеют большое влияние на формирование этнической самоидентификации японских корейцев [15].

Однако не многие родители отправляли туда своих детей. Во-первых, стоимость обучения в этих школах была относительно высокой; во-вторых, они не были повсеместными; в-третьих, в результате нормализации отношений Южной Кореи и Японии в 1965 году было признано право корейцев на получение образования в японских государственных школах [16, 9]. Статус государственной японской школы был выше корейской этнической. Кроме того, даже этнические классы в государственных школах являлись особенно уязвимыми, потому что обучение не на японском языке противоречило основному закону образования в государственных школах [17].

В 1965 году, когда стало ясно, что большинство представителей корейской диаспоры предпочитает отправлять своих детей в государственные школы, в Осаке был создан Научный Совет по проблемам образования иностранных детей. Однако этот Совет попал под публичную критику в 1971 году, когда было выявлено дискриминационное отношение членов Совета к корейцам. Они

описывали корейских учащихся как эгоистичных, неряшливых и агрессивных, причиной чего Совет предполагал наличие этнического самосознания корейских детей. После этого был создан Club for Thinking about Education for Korean Children (Клуб заботы об образовании корейских детей). Эта организация ведет просветительскую работу среди корейцев и играет важную роль в их образовательной жизни [16, 11].

В 1960-1970-х годах отмечалось, что уровень образованности корейцев значительно вырос, несмотря на то, что он по-прежнему оставался ниже среднего по стране в целом. В 1984 году в Японии формируется Minsokkyū – организация продвижения этнического образования. Целью ее деятельности было обеспечение финансовой поддержки этнического образования со стороны местной администрации. В 1991 году после подписания двустороннего соглашения между Южной Кореей и Японией, японское министерство образования создает в префектурах Советы по образованию для поддержания бесперебойной работы этнических классов при школах. Это помогло в 1992 году найти финансовые средства для открытия официальных этнических классов в Осаке. На фоне возобновления интереса к корейскому этническому образованию после проведения Олимпийских игр в Сеуле в 1988 году в Осаке стали открываться новые этнические классы.

К началу 1990-х годов существовало более чем 100 этнических корейских школ в Японии. Одной из особенностей корейских этнических школ было двуязычное образование. Качество образования и учебные программы, которые предоставляли эти этнические школы, не уступали обычным японским школам. Школы больше фокусировались на преподавании корейского языка, истории и географии, но не в ущерб японскому языку обучения. Многие выпускники корейских этнических школ успешно сдавали вступительные экзамены в университеты и колледжи, что свидетельствует о том, что качество образования в этих школах не очень отличалось от аналогичного показателя японских школ [13]. Однако, уже в 1990-е годы ситуация изменилась. На примере города Осака можно увидеть, что происходило значительное сокращение численности корейского населения. Это явилось результатом высокого уровня натурализации среди корейцев, а также увеличивающимся числом браков корейцев с японцами. В 2000-х годах корейские преподаватели отмечали быстрый рост

числа детей японской национальности, родители которых были разной этнической принадлежности, японско-корейской. Так появлялись дети из семей с различным этническим составом. Это был период, когда к началу 2000-х годов распространялась идея поликультурного образования в Японии. Политика интернационального образования в школах разрабатывалась на уровне местного самоуправления и преследовала своей целью культурное разнообразие в японских школах [18].

Процесс интернационализации высшего образования в Японии с 1995 года был направлен, с одной стороны, на улучшение качества и эффективности высшего образования, а с другой – на «повышение открытости для студентов другой национальности». Правительственные инициативы, направленные на увеличение количества иностранных студентов, поддерживались кардинально новыми по значимости финансовыми и человеческими ресурсами на национальном и институциональном уровнях. Исследователи отмечали, что отдельные учреждения активно использовали процесс интернационализации как способ обогатить свой университет. При этом равные возможности для поступления в университет не были полностью обеспечены для этнических меньшинств, проживающих в Японии [19].

В результате корейцы как самая большая группа этнического меньшинства в Японии ощутили изменения в связи с политикой правительства в последнее время. Программы школьного обучения больше были ориентированы на корейских детей. Изучая академические достижения корейских учеников, исследователи отмечали их более «позитивные результаты, в отличие от поколения их родителей». Политика правительства государства подчеркивала существенную трансформацию системы школьного образования [11].

Корейский язык практически не имеет шансов на сохранение для корейцев в Японии. Этническое образование не является востребованным и привлекательным. Сокращение численности корейцев в Японии при увеличивающемся росте натурализованных граждан Японии из числа этнических корейцев с высокой долей вероятности предполагает потерю этнического образования корейской диаспорой Японии. Корейские японцы, в отличие от корейцев Китая, например, потеряли большую часть своего культурного наследия и испытывали процесс потери своей этни-

ческой идентичности [20]. Проживание в моноэтнической стране во многих случаях делало вынужденным и закономерным процесс ассимиляции корейцев в японское общество.

Наличие корейцев школьного возраста представлено корейцами третьего и четвертого поколений корейцев. Их родители предусматривают три варианта для своих детей: этнические школы в ведении Организации Северной Кореи (Chongryun), школы, поддерживаемые Организацией Южной Кореи (Mindan), и японские школы.

Под руководством северо-корейских организаций работают газеты, банки и другие предприятия, а также сеть школ, предназначенных для удовлетворения потребностей своих членов. В 1993 году работает 81 начальная, 57 средних и 12 средних школ и один университет. Преподавание ведется полностью на корейском языке, за исключением уроков японского языка.

Студенты обязаны говорить на корейском языке на территории кампуса. Учебная программа поддерживает режим Пхеньяна и до недавнего времени была основана на предположении о том, что студенты в конечном итоге вернуться в единую Корею, и они не рассматривают Японию как место постоянного проживания. Школы не имеют такой же правовой статус, как и японские школы, что означает, что выпускники из школы Северной Кореи не имеют шансов стать студентами многих университетов Японии. В то время как более половины среди как частных, так и местных государственных университетов открыты для выпускников средних школ Северной Кореи, не существовало национальных университетов, которые приняли таких выпускников в 1997 году. В отличие от Южной Кореи, школы Японии проводят уроки на японском языке, корейскому языку отводится лишь несколько часов в неделю. Есть только четыре школы Южной Кореи.

Начиная с конца 1970-х годов более 80% корейцев школьного возраста были зачислены в японские школы. В 1986 году 86% корейских граждан школьного возраста (в том числе небольшое число детей Южной Кореи экспатриантов) стали обучающимися в японских школах, 13% – Северной Кореи и школ Южной Кореи – 1%. Зачисление в школы Северной Кореи находилось в упадке, сегодня привлекает менее 10% корейцев школьного возраста [11].

Этническое образование и идентичность

Условия существования и поддержания деятельности, официальный статус корейских школ, а также содержание образовательной части и ее «политическая» направленность формируют основы «необходимости» этнического образования для корейцев в Японии. Появляется некая «гибридная идентичность», когда приверженность к принадлежности этноса характеризуется как идентичность по крови и идентичность по месту проживания. В результате молодое поколение попадает в ситуацию «личностного конфликта» в самоопределении и идентификации.

Так, на основе интервью среди корейских школьников в японских и корейских школах *Cho Kyongho* сделал попытку понять особенности этнической идентичности подрастающего поколения корейцев в Японии, сосредоточив внимание на различиях в опыте школы. Этническая идентичность молодого поколения корейцев в Японии разнообразна и охватить его полный аспект трудно. В исследовании автор выделяет особенности каждой этнической идентичности среди корейских обучающихся в японских и корейских школах. Этническая принадлежность становится фактором, который приводит к межнациональному конфликту среди студентов в японских школах. И конфликт этот имеет большое влияние на формирование этнической самобытности. С другой стороны, для обучающихся в корейских школах, этническое самосознание корейцев в Японии известно. Корейские школы можно оценить как фактор, имеющий положительное влияние на сохранение этнической идентичности без четких доказательств [21].

Другие исследователи рассматривают политику школ для иностранцев в послевоенной Японии и условия школы для *Zainichi-Koreans*. Особенно с упором на обучающихся *Zainichi-Koreans*, авторы рассмотрели различные проблемы, вызванные правовым статусом и институциональной дискриминации школ для иностранцев. В этом документе авторы называют «*Zainichi-Koreans*» как людей и их потомков с Корейского полуострова, которые живут в Японии в результате японской колониальной политики (называемые еще специальными постоянными жителями) [22].

Законодательство 1984 года, предоставившее японское гражданство детям, у которых, по крайней мере, один японский родитель, ускорило процесс роста численности японских граждан корейского происхождения. Увеличение доли японских граждан корейского этнического происхождения в рамках общего корейского населения требует более всеобъемлющего определения *zainichi*-корейцев. Старые корейцы уже давно определены как корейцы, не имеющие японского гражданства. Натурализованные корейцы часто считаются предателями, потерявшими чувство национальной гордости. Но среди молодых корейцев (в возрасте 18-30 лет) эта точка зрения больше не доминирует. Этот сдвиг произошел постепенно. В 1990-е годы исследователи, изучая корейских родителей, которые посылали своих детей в обычные школы Японии, выяснили, что родители были более обеспокоены тем, что их дети сохранили свою этническую принадлежность, впереди корейской национальности; и что это отношение было более распространенным вне территории, где концентрируются *zainichi*-корейцы [11].

Общеизвестно, что корейцы сталкиваются с препятствиями на рынке труда, хотя ее масштабы трудно поддаются количественной оценке. Корейцам было отказано в работе на государственной службе в силу отсутствия японского гражданства. Несмотря на то, что такие ограничения были отменены в некоторых городах и деревнях, в целом, правительственные организации неохотно следовали этому примеру. Работодатели в частном секторе также берут на работу корейцев. Обследование показало, что 38,6% корейцев испытали какого-либо рода дискриминацию при поиске работы. Среди корейцев больше доля тех, кто получил работу по найму, или тех, кто работает в малых семейных предприятиях. С большей вероятностью они получили работу через семейные социальные сети, а не через школу или открытые предложения, несмотря на снижение дискриминации по сравнению с предыдущим поколением.

С учетом того, что корейцы продолжают сталкиваться с дискриминацией на рынке труда, они в результате имеют двойственное отношение к японской школе. Корейцы сформировали убеждение, что они не могут заработать, используя свои образовательные квалификации на рынке труда; и значение школьных полномочий остается под вопросом для них. Такое представле-

ние о школе повлияло на их решение об образовательной карьере своих детей и за ее пределами [11].

Таким образом, наличие этнического образования, статус корейских школ и возможности трудоустройства по окончании этнических школ потенциально являются гарантом сохранения этнической идентичности, и тем более, гордости за нее. Не последнюю роль играют дипломатические отношения между Японией и двумя Кореями. Этническое образование заслуживает быть «визуально заметным и значимым», причем не только на уровне этноса и этнических организаций, но и на уровне общественных и правительственных организаций принимающего общества. На мой взгляд, более подробного рассмотрения заслуживает вопрос об изучении достигнутого уровня образования корейцев в Японии и их социального статуса. В предстоящем исследовании необходимо апробировать гипотезу: «чем выше составляющие образовательного и социального статуса этнического меньшинства, тем выше и равномернее любовь к «отцу и матери», как к «идентичности корейскому этносу и этносу принимающего общества».

В связи с этим планируется изучить социально-демографические показатели корейского населения в Японии, изучить правовые особенности статуса. Затем видится целесообразным изучить существующую систему этнического образования в принимающем обществе. Статистические сведения о социально-экономическом статусе корейцев в Японии позволят выяснить, какие позиции занимают представители корейского этноса в обществе. Предполагается показать, что в качестве альтернативы натурализации корейцев в Японии выдвигаются межэтнические браки с титульным этносом. Тестирование теории этнической идентичности и ассимиляции этнических корейцев в принимающей стране позволит создать ряд рекомендаций для реализации национальной политики и программ правительства Японии в современных условиях глобализации и мультикультурализма.

Литература

1. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. London, 1968; Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey (Cal.), 1979. P. 33-47.

2. Yamamoto, B. A. (2012). From structured invisibility to visibility: Is Japan really going to accept multiethnic, multicultural identities? *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 19(4), 428-439. doi: 10.1080/1070289X.2012.717895
3. Co Emily. School bridges China-Japan gap. Historic Yokohama institute seeks to nurture Chinese values, equip pupils for life in Japan // <http://www.japan-times.co.jp/community/2008/12/23/issues/school-bridges-china-japan-gap/#.WB-GL1dWLSUn>
4. Setsuko Kamiya. Education woes beset Brazilian children. Symposium highlights the need for comprehensive planning in the face of growing immigration // <http://www.japantimes.co.jp/news/2008/11/14/national/education-woes-beset-brazilian-children/#.WBGjVtWLSUm>
5. Watanabe, T. (2010). Education for Brazilian pupils and students in Japan: Towards a multicultural symbiotic society. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 7, 164-170. doi::10.1016/j.sbspro.2010.10.024
6. Yamamoto Kaori. What It Means to Learn at a Choson (Korean) School // *Migration Policy Review* 2014 Vol. 6 – P.74-93.
7. Eika Tai. “Korean Japanese” // *Critical Asian Studies* Vol. 36, Iss. 3, 2004. – P.355-382.
8. David Chapman. The third way and beyond: Zainichi Korean identity and the politics of belonging // *Japanese Studies* Vol. 24 , Iss. 1,2004. – P.29-44.
9. Beyond Racism: Semi-Citizenship and Marginality in Modern Japan Tessa Morris-Suzuki // *Japanese Studies* Vol. 35 , Iss. 1,2015. – P. 67-84.
10. Johnson W., Warren D. (eds.) *Inside the Mixed Marriage: Account of Changing Attitudes and Perceptions of Cross-Cultural and Interracial Marriages*. University Press of America: Lanham Md., 1994, C.69.
11. Kaori H. Okano. Koreans in Japan: a minority’s changing relationship with schools // *International Review of Education – Internationale Zeitschrift für Erziehungswissenschaft – Revue Internationale de l’Education* 50: 119–140, 2004. Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands
12. *Cross-Cultural Marriage: Identity and Choice* / Ed. by Breger R., Hill R. Berg: Oxford; New York, 1998, C.69.
13. Motani, Yoko. Towards a More Just Educational Policy for Minorities in Japan: The Case of Korean Ethnic Schools // *Comparative Education*. – 2002. – №38 (2). – P.225-237.
14. Lee, Changsoo. Ethnic Education and National Politics, in *Koreans in Japan: Ethnic Conflict and Accommodation* edited by Changsoo Lee and George De-Vos. – Los Angeles: University of California Press. – 1981. – P.159-181.
15. *Koreans in Japan. Critical Voices from the Margin* edited by Ryang, Sonia. – London: Routledge. – 2000. – 240p., 977-978.
16. Tai, Eika. Korean Ethnic Education in Japanese Public Schools // *Asian Ethnicity*. – 2007. – №8 (1). – P.5-23, 9.
17. Kim, Taeyoung. “Identity Politics” and Korean Youth in Japan: A Case Study of a Junior High School Student // *International Education Journal*. – 2002. – №3 (5). – P.56-63.

18. Okano, Kaori H. The Global-Local Interface in Multicultural Education Policies in Japan // *Comparative Education*. – 2006. – №42 (4). – P.473-491.
19. Horie, Miki. The Internationalization of Higher Education in Japan in the 1990s: A Reconsideration // *Higher Education*. – 2002. – №43 (1), Japan: Reform and Change in the 21st Century. – P.65-84.
20. Min, Pyong Gap. A Comparison of the Korean Minorities in China and Japan // *International Migration Review*. – 1992. – №26 (1). – P.4-21.
21. Cho Kyongho. A Study on the Diversity of Ethnic Identity of Koreans in Japan: Interview Survey among Korean Students in Japanese Schools and Korean Schools // http://www.tufs.ac.jp/blog/ts/g/cemmer_old/img/pdf/mlmc005005.pdf
22. Sookyung YI, Tomio IZAO, Youngho OH. A Policy of Schools for Foreigners in Japan and Consideration for the Education of Zainichi-Koreans // Bulletin of Tokyo Gakugei University, Division of Humanities and Social Sciences, 1, Vol. 61. – 2010. – 143-157.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В КАЗАХСТАНЕ

В Казахстане, как и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья с полиэтническим населением, межэтнические/национально-смешанные браки стали распространенным явлением. Если раньше такие браки были характерны в основном для европейского, преимущественно восточноевропейского населения нашей республики, то впоследствии они стали встречаться и среди коренного казахского населения, преимущественно среди руководителей и специалистов высшего и среднего звена, интеллигенции и служащих.

В этом несомненную роль оказали контакты между различными этносами, усилившиеся со второй половины XIX столетия в связи с массовым переселением на территорию Казахстана казачества и русско-украинско-белорусского крестьянства, немецких колонистов. Этот целенаправленный миграционный процесс еще больше усилился после установления советской власти в Казахстане. В результате осуществления различных социально-экономических преобразований, вплоть до насильственных, а также массовой гибели казахского населения от голода в 1930-1933 гг. в республике образовался значительный дефицит трудовых ресурсов, который возмещали за счет пришлого населения. Следующее по значимости переселение огромного количества мигрантов совпало со Второй мировой войной, повлекшей за собой эвакуацию значительного количества людей из Европейской части бывшего СССР в его восточные регионы, включая Казахстан. Нельзя не сказать и о массовой насильственной депортации на территорию нашей республики, начиная с 1937 по 1944 годы миллионного населения. В их числе были корейцы с Дальнего Востока, курды из Закавказья, поляки и украинцы из Западной Украины и Белоруссии, немцы и калмыки из Поволжья, крымские татары из Крыма, чеченцы и ингуши, карачаевцы и балкарцы с Кавказа. Еще большее влияние на формирование полиэтнического населения нашей республики оказало освоение целинных и залежных земель в северных областях республики в 1950-е годы, а также интенсивное строительство промышленных предприятий в Западном, Центральном и Восточном Казахстане в 1950-1970-е годы.

Они сопровождалась сильным смешением молодежи различных национальностей, прибывавшей из различных районов РСФСР, Украины и других республик, оказали непосредственное влияние на заключение смешанных браков.

Отношение к межэтническим бракам

Казахстан в бывшем СССР по числу межэтнических браков был на передовых позициях, особенно в сельской местности.

Наши наблюдения, беседы с информаторами, материалы массового этносоциологического опроса населения в разных регионах и областях республики показывают неоднозначное отношение к межэтническим бракам или семьям. Во-первых, в этом сказалось влияние этнического состава населения исследуемых регионов. Во-вторых, фактор половозрастного и социально-профессионального состава их населения.

Например, в Южно-Казахстанской и Жамбылской областях, где коренное казахское население издавна ориентировано на традиционные ценности и взгляды, включая семейно-брачные, настроены отрицательно к таким бракам. За их неприемлемость высказались от 50,3 до 53,2% опрошенных казахов (см. таблицу 1). Данный показатель усиливается по мере увеличения возрастного состава респондентов, а также в среде лиц с невысоким социальным статусом. Так, на наш контрольный вопрос «Как относятся Ваши родители к тому, что некоторые люди вступают в брак с лицами другой национальности?» в Южно-Казахстанской области от 61,5 до 68,4% опрашиваемых респондентов из числа казахов высказали их отрицательное отношение. Идентичное возрастание ответов по сравнению с собственными свойственны и для других контактирующих с казахами этносов.

Диаметрально противоположная позиция характерна для европейского населения, особенно для русского. В указанных двух областях лишь от 17,7 до 18,9% из них не воспринимают такие браки. Для них самое главное при создании семьи – взаимные чувства и любовь будущих супругов.

По мере усложнения этнического состава населения происходит более терпимое отношение к смешанным семьям. Например, в Енбекшиказахском районе Алматинской области лишь 1/3

опрашиваемых казахов настроена против смешанных браков и столько же проявляют доброжелательность, если молодожены любят друг друга. В южной столице первый показатель среди казахов-горожан составил лишь 19,7%, в то же время свыше 70% проявили толерантность в данном вопросе. Такие же тенденции заметны в ответах респондентов из числа других этносов.

Таблица 1

Отношение к межэтническим бракам в Южном Казахстане

Этносы	Всего отве-тило	Распределение ответов, в %					
		счи-тают неже-латель-ным	предпо-читают челове-ка своей нац-ти, но не возра-жают	не имеет значения, если су-пруги соблюдают обычаи нашего народа	не име-ет значе-ния, если супруги из од-ной ре-лигии	не име-ет значе-ния, если супруги любят друг друга	затруд-няются отве-тить
Южно-Казахстанская область, Туркестанский район							
Казахи	508	52,9	22,0	4,7	2,4	15,2	2,8
Узбеки	644	42,2	18,3	10,1	9,0	15,7	4,7
г.Туркестан							
Казахи	748	50,3	21,4	4,1	1,6	17,1	5,5
Узбеки	394	33,2	23,4	8,6	5,8	23,1	5,3
Русские	277	17,7	22,4	4,7	1,1	41,2	12,9
Жамбылская область, Меркенский район							
Казахи	314	53,2	12,1	6,8	4,1	21,3	2,5
Русские	350	18,9	27,4	8,6	2,9	36,2	6,0
Турки	247	49,8	10,9	8,1	12,6	15,8	2,8
Алматинская область, Енбекшиказахский район							
Казахи	386	35,2	18,7	6,7	1,3	34,2	3,9
Русские	395	8,1	15,5	4,3	2,0	67,6	2,5
Уйгуры	387	20,4	21,4	10,6	5,9	40,9	0,8
Немцы	381	17,9	18,4	3,9	3,9	53,3	2,6
г. Алматы							
Казахи	765	19,7	36,5	5,4	0,9	34,4	3,1
Русские	786	10,1	25,6	3,7	1,8	54,4	4,4

Позитивное отношение к смешанным бракам зафиксировано нами и в ответах респондентов Актюбинской и Костанайской областей (см. таблицу 2). Здесь не возражают против рассматриваемых браков от 62,5 до 68,6% казахов, от 72,7 до 78,6% русских и от 79,6 до 81,8% украинцев. В то же время и здесь представители старшего поколения, включая родителей респондентов, придерживаются обратного мнения. Например, в Баянаульском и Аксуском районах Павлодарской области поддерживают этот взгляд соответственно 44,4 и 66,7%.

Таблица 2

**Отношение к межэтническим бракам
в Актюбинской и Костанайской областях**

Этносы	Всего ответило	Распределение ответов, %		
		против	не возражают	затрудняются ответить
Актюбинская область, Хромтауский район, с.Сарысай				
Казахи	169	22,5	68,6	8,9
Костанайская область, Наурузумский район, с.Шиили				
Казахи	54	27,8	63,1	11,1
Русские	14	14,3	78,6	7,1
Украинцы	11	18,2	81,8	0,0
Аулиекольский район, с.Черниговка				
Казахи	32	28,1	62,5	9,4
Русские	22	18,2	72,7	9,1
Украинцы	44	15,9	79,6	4,5

Для более углубленного выяснения такого отношения мы уточнили причины отрицательного отношения родителей к межэтническим бракам (см. таблицу 3). Например, в г. Туркестане и одноименном районе Южно-Казахстанской области к основным из них казахи-респонденты отнесли следующие факторы: а) незнание языка, обычаев и традиций; б) неуважение к ним; в) трудность проживания с ними; г) неуважение родственников. Эти же показатели с теми или иными изменениями отмечены и

в ответах респондентов из числа узбеков. Несколько разнятся ответы русских респондентов, среди которых 81,6% указали на значимость перечисленного нами первого и второго показателей.

Таблица 3

**Причины отрицательного отношения родителей
к национально-смешанным бракам
в Южно-Казахстанской области**

Этносы	Всего ответов	Распределение ответов, %				
		неуважение к ним	неуважение родственников	трудность проживания с ними	незнание языка, обычаев и традиций	затрудняются ответить
Туркестанский район						
Казахи	477	32,1	6,3	18,0	40,7	4,6
Узбеки	549	38,3	11,8	15,3	29,5	5,3
г. Туркестан						
Казахи	700	25,4	6,3	25,1	39,1	4,1
Узбеки	335	24,2	7,5	23,9	38,5	6,0
Русские	180	10,0	3,4	32,2	49,4	5,0

Указанные выше причины зафиксированы нами с теми или иными изменениями и в ответах респондентов Павлодарской области (см. таблицу 4). Здесь респонденты вне зависимости от этнической принадлежности придерживались второго и третьего ответов – трудность проживания с ними, а также незнание языка, обычаев и традиций. Предпочтение моноэтнических браков, как правило, не связано у казахов с национальной замкнутостью в других сферах общения.

В целом, проанализированные нами выше тенденции в отношении смешанных браков с теми или иными вариациями совпадают с идентичными исследованиями известных отечественных этносоциологов. Так, по данным З.К. Шаукуновой, количество одобряющих респондентов превышает количество негативно относящихся практически ко всем основным этническим группам (см. таблицу 5).

**Причины отрицательного отношения
родителей к межэтническим бракам
в Павлодарской области**

Этносы	Всего ответило	Распределение ответов, %			
		неуважение к ним и родственн-м	трудность проживания с ними	незнание язы- ка, обычаев и традиций	затрудня- ются от- ветить
Баянаульский район, Кундыкольский с.о.					
Казахи	66	7,6	53,0	39,4	0,0
Русские	22	0,0	59,1	40,9	0,0
Аксуский район, Айнакольский с.о.					
Казахи	51	15,7	31,4	52,9	0,0
Русские	19	5,3	42,1	47,3	5,3

По мнению автора, «противоречия и напряжения в этом естественном процессе могут наблюдаться по самым разным позициям. В будущем возможно выделение группы казахов на юге, резко осуждающих своих земляков за стремление породниться с другими национальностями. Возможны и претензии к русским и русскоязычным за их «неразборчивость» в установлении родственных связей.

Но это направление не выйдет за рамки бытового национализма и развиваться, скорее всего, не будет, так как на юге, в условиях количественного преобладания казахов, т.е. несомненно, ассимиляция будет происходить с перевесом казахской культуры.

Ситуация на севере несколько иная. Сопротивление казахов смешанным бракам, высказанное в опросе в таких же размерах, как и на юге, обусловлено сильной языковой и культурной ассимиляцией со стороны русского и русскоязычного населения и, по-видимому, в сдержанных формах это нежелание будет проявляться и далее» [Шаукунова, 2002, с.105, 106].

По сведениям Н. Попова, в Казахстане и сейчас лишь 10% одобряют смешанные браки, 25% относятся к ним с одобрением и 64% считают, что «национальность при вступлении в брак не должна иметь никакого значения» [1998, с. 149].

**Отношение к национально-смешанным бракам
в Южном и Северном Казахстане [Шаукенова, 2002, с. 105]**

Варианты ответов	Казахи		Русские		Другие		
	юг	север	юг	север	Юг		север
					тюрко-язычные	русско-язычные	
Осуждают и препятствуют этому	6,5	5,6	0,9	2,7	10	8,3	5,8
Не одобряют	27	29	8,8	18	21	19	13
Все равно	24	20	35	27	25	21	25
Не осуждают, если это достойные люди	32	35	46	46	35	44	49
Приветствуют и содействуют	3,5	7,7	8,0	4,6	6,6	7,1	4,8
Средневзвешенный показатель	62,4	62,4	69,6	65,3	58,2	62,1	65,1

Таким образом, проблема отношения к браку с супругом иной национальности не может быть однозначной. Для одних положительный ответ воспринимается как признак нормального состояния межнациональных отношений. Для других, особенно этнических меньшинств, проживающих дисперстно, отсутствие такой избирательности может привести в течение ряда поколений к этнической ассимиляции.

Тут однозначного ответа не бывает, так как многое зависит от этнической среды, в котором проживают представители того или иного этноса – в большинстве они или в меньшинстве.

Например, для казахов, проживающих в странах ближнего или дальнего зарубежья, это далеко не простой вопрос. Так, по наблюдению Ингвара Сванберга, в Турции в 1970-е годы из 175 брачных союзов казахов 31 (17,7%) были смешанными. Здесь «процессы аккультурации стали настолько очевидны, что многие казахи рассматривают смешанные браки как угрозу существованию национальной группы. Пожилые казахи пытаются использовать свой авторитет для поощрения эндогамных браков. Роди-

тели, по всей видимости, еще имеют огромное влияние на своих детей в выборе подходящего спутника жизни» [1997, с. 166].

Динамика и этническая структура межэтнических браков

Считается, что Казахстан всегда отличался высоким уровнем создания национально-смешанных семей в рамках бывшего СССР. Так, по материалам ЦСУ СССР на основе учета актов регистрации браков ЗАГСами всех союзных республик, Казахстан в 1936 г. занимал седьмое место (после Белоруссии, Грузии, Украины, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана). В указанном году здесь из 41607 зарегистрированных браков на долю межэтнических пришлось 5462 (13,1%), в том числе среди городского населения – 2010 (17,6%) и среди сельского населения – 3452 (11%). Естественно, большинство таких браков пришлось на долю европейского, прежде всего восточнославянского населения. Показатель межэтническим браков по республике был значительно выше, чем у коренной казахской национальности (у казахов-мужчин – 4,5%, причем казашки вступали в смешанные браки еще реже – всего 0,8%). В основном преобладали казахско-татарские (358) и казахско-русские (272) браки [Борзых, 1984].

В последующие годы удельный вес этнически смешанных семей в республике возрастал. Например, в 1959 и 1979 гг. республика занимала первое место среди сельского населения СССР – 11,9 и 18,2% и треть во всем населении, соответственно, 14,4 и 21,5%, уступая лишь Латвии и Украине [Население СССР, 1983, с. 99].

В сельских районах Казахстана, согласно переписи 1979 г., наибольшая доля межэтнических семей отмечается среди малочисленных этносов – у белорусов (61,5%), а также у татар (53,2%) и украинцев (52,6%), почти в два раза она ниже у немцев (27,3%) и русских (23,4%), а у казахов – всего лишь 2,6% [Итоги переписи населения, 1992, с.76-107].

Доля межэтническим браков в различных регионах нашей республики не одинакова. Она выше в тех регионах и областях, которые были непосредственно затронуты указанными выше социально-экономическими и миграционными процессами. Поэтому в

Северном, Центральном и частично в Западном Казахстане такие браки создавались чаще, чем в таких с преобладанием казахского населения южных областях, как Кызылординская, Атырауская, Южно-Казахстанская и Мангистауская. В последних четырех областях их удельный вес колебался в пределах 3,5 – 4,9 – 8,3 – 9,2%, соответственно (см. таблицу 6). В то же время в четырех северных областях республики (Костанайская, Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская) удельный вес рассматриваемых семей составил соответственно 35,3 – 31,8 – 28,4 – 27,2%, а в Центральном Казахстане, представленном Карагандинской областью, – 27,6%. А в таких областях с достаточным наличием иноэтнического населения, как Актюбинская, Западно-Казахстанская, Жамбылская, Алматинская и Восточно-Казахстанская, этот показатель оказался несколько ниже, колеблясь в пределах 18,3 – 13,5 – 12,2 – 11,8%. Во-вторых, смешанные браки встречаются гораздо чаще в городах, по сравнению с сельской местностью. Из 670568 межэтнических семей, зафиксированных переписью 1999 г. – 443 564 (66,1%) пришлось на городские и 227 004 (33,9%) – на сельские [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 34, 40]. В то же время если в целом по республике было отмечено 18,8% таких семей, то в городе этот показатель составил 20,4%, а в сельской местности – 16,4%.

Таблица 6

**Национально-смешанные семьи в Республике Казахстан в 1999 г.
[Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 28, 190-235]**

	Все домо- хозяйства	Моноэтнические		Межэтнические	
		число	%	число	%
Республика Казахстан	3 561 261	2 890 693	81,2	670 568	18,8
Акмолинская	216 207	147 409	68,2	68 798	31,8
Актюбинская	158 273	129 264	81,7	29 009	18,3
Алматинская	349 455	306 719	87,8	42 736	12,2
Атырауская	86 883	82 668	95,1	4 215	4,9
Жамбылская	213 163	185 830	87,2	27 333	12,8
З.-Казахстанская	148 846	128 682	86,5	20 164	13,5
Карагандинская	373 290	270 227	72,4	103 063	27,6

	Все домо- хозяйства	Моноэтнические		Межэтнические	
		число	%	число	%
Костанайская	274 919	177 943	64,7	96 976	35,3
Кызылординская	110 315	106 423	96,5	3 892	3,5
Мангистауская	67 752	61 530	90,8	6 222	9,2
Павлодарская	213 850	153 130	71,6	60 720	28,4
С.-Казахстанская	194 329	141 445	72,8	52 884	27,2
Ю.-Казахстанская	372 348	341 604	91,7	30 744	8,3
Астана г.а.	81 877	57 881	70,7	23 996	29,3
Алматы г.а.	304 540	251 219	82,5	53 321	17,5

Динамика межэтнических браков

Теперь исследуем поставленную проблему в региональном аспекте, опираясь прежде всего на архивные материалы ЗАГСов, начиная с тех, которые отличались высоким уровнем создания смешанных браков.

Северный Казахстан. Доля межэтнических браков в Павлодарской области, как и в целом в Северном Казахстане, выше, чем в других сельских районах республики, приближаясь к данным городской местности. Указанные браки в 1966-1986 гг. составляли в Баянаульском районе 19,9%, в Аксуском – 38,3%, в Иртышском – 39,2%, в Щербактинском – 42,2% (см. Приложение А, таблицу 1), в то время как по данным 1970 г. в сельских районах Молдавии, Кыргызстана, Казахстана и Латвии они составляли 10-17%, а в городах Молдавии, Украины, Белоруссии и Латвии – 25,4-34,1% [Дробижева, 1981, с. 220; Козлов, 1982, с. 126]. Рост смешанных браков был особенно заметен в 1950-1960-е годы как в силу проводимых широкомасштабных социально-экономических преобразований, так и сложившейся этнодемографической ситуации. Начиная с 1970-1980-х годов данный процесс несколько стабилизировался, так как в них основное участие принимали не только второе поколение бывших мигрантов, но и постоянное население, представленное казахами и другими контактирующими с ними этносами.

В рассматриваемом регионе в зависимости от этнического состава населения, проживающего в указанных районах, наблюдаются различия в уровне заключения отмеченных браков. Так, в полиэтнических Ермаковском и Иртышском районах процент заключения таких браков выше, чем в моноэтническом Баянаульском районе, населенном преимущественно казахами. Такая же ситуация характерна и для Наурзумского района, где преобладает казахское население, и для полиэтнического Ауликольского района Костанайской области (см. Приложение А, таблицу 2). Следует также подчеркнуть то немаловажное обстоятельство, что удельный вес исследуемых браков намного выше в районных центрах по сравнению с обычными сельскими населенными пунктами, не говоря уже о городах. В них больше возможностей для ежедневного общения с представителями других этнических общностей, которое может впоследствии заложить основы будущих брачных отношений.

Западный Казахстан. По данному региону мы располагаем статистическими данными ЗАГСов по г. Жанаозен Мангистауской области (см. Приложение А, таблицу 3). Город, основанный в середине 1960-х годов как будущий центр нефтедобывающей промышленности, формировался как за счет коренного казахского, так и пришлого населения из различных регионов бывшего СССР, главным образом из Кавказа (Дагестан) и Российской Федерации. Здесь за 1966-1990 гг. из 9968 зарегистрированных браков межэтнические составили 2218 (22,2%). Здесь с каждым десятилетием по мере увеличения коренного казахского населения и оттока европейского, прежде всего русских, а также лезгин наблюдается уменьшение удельного веса исследуемых браков.

Так, если в 1966-1970 гг. такие браки превышали одну треть в общем объеме вновь созданных семей, то уже в последующие десятилетия они снизились с 26,2 до 22,2%, а к 2000-2010 гг. они уже не превышали 10%. Идентичная закономерность прослеживается и в масштабе всей Мангистауской области, где смешанные семьи составляют всего 9,2%. В этом мы видим влияние следующих обстоятельств. Во-первых, отъездом во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов русскоязычного населения, а также лезгин в Россию и на Кавказ. Во-вторых, здесь городское население увеличивается не только за счет внутренней миграции, но и межгосударственной, когда с момента обретения суверенитета

нашей республикой сюда, на историческую Родину, из соседних Туркменистана и Узбекистана вернулись сотни тысяч казахов-оралманов. Этот миграционный процесс продолжается и в настоящее время. Они ориентированы главным образом на заключение однонациональных браков.

Южный Казахстан. Как было указано нами ранее, в Южно-Казахстанской области удельный вес межэтнических семей составил 8,3%. Аналогичная тенденция просматривается и по нашим статистическим данным, взятым в областном ЗАГСе по г.Туркестану и одноименному Туркестанскому району (см. Приложение А, таблицу 4). Здесь можно заметить следующие особенности. Во-первых, в данном городе по сравнению с сельским районом не только количественный, но и удельный вес межэтнических семей несколько выше, что характерно и для других городов исследуемой области. Так, если в 1960-1996 гг. упомянутое нами соотношение в г.Туркестане составило соответственно 1958 и 10,0%, то в сельском районе – 1166 и 5,2%. Во-вторых, с каждым десятилетием наблюдается сокращение удельного веса смешанных браков в пользу однонациональных. Видимо, данное обстоятельство можно объяснить увеличением численности казахов и узбеков в удельном весе всего городского и сельского населения, а также сокращением иноэтнического, главным образом, европейского населения. Теперь здесь в рассматриваемые браки вступают в основном узбеки и казахи, отличающиеся как близостью этнокультурных и конфессиональных параметров, так и давними соседскими связями. Идентичные процессы наблюдаются и в Сайрамском районе, где большинство населения составляют узбеки и казахи. В других сельских районах Южно-Казахстанской области основными брачными партнерами для казахов в таких браках выступают как узбеки, так и турки, азербайджанцы, таджики, русские и другие малочисленные этносы.

Аналогичная тенденция характерна и для соседней Кызылординской области, где традиционно преобладает казахское население. Здесь национально-смешанные браки в моноэтнических Жалагашском, Теренузекском и Кармакшинском районах в 1970-1980 гг. составили 6,4 – 7,6 – 11,9% [Прманов, Қалышев, 1982, с. 48]. Такое соотношение достигнуто благодаря показателям районных центров, расположенных, как правило, вдоль железнодорожной магистрали. В них имеется незначительное представи-

тельство других этносов, в то время как в глубинных населенных пунктах проживает только коренное казахское население, которое ориентировано в основном на однонациональные браки.

По сравнению с Южно-Казахстанской и Кызылординской областями в соседней Жамбылской области уровень заключения межэтнических браков высокий. Например, в Меркенском районе за 1960-1990-е годы аналогичных браков было создано 3660 (31,2%), что в четыре раза выше, чем в Туркестанском районе (см. Приложение А, таблицу 5). В этом напрямую сказался сложный этнический состав этого района, где наряду с коренным казахским населением достаточно представлено русское, турецкое, украинское и немецкое население.

Жетысу. Отличия в этническом составе исследованных районов напрямую отразились и на уровне заключения таких браков в Алматинской области (см. Приложение А, таблицу 6). Так, в полиэтническом Чиликском (Енбекшиказахском) районе за 1960-1980 гг. было зарегистрировано 1363 (12,2%) смешанных брака, в аналогичном по этническому составу Коксуском районе – 16,8%, а в моноэтническом с преобладанием казахского населения Кегенском (Райымбекском) районе – 208 (3,1%). Эта закономерность подкрепляется данными похозяйственных книг полиэтнического Асинского с.о. (с.Кызылшарык, Асы-Сага, Дихан, Кайрат), где нами зафиксировано в 1984 г. 14,7% этнически смешанных семей. Здесь трудились представители 21-й национальности, в том числе 49% уйгуров, 27% казахов, 10% русских и т.д.

Еще большее количество межэтнических браков характерно для жителей с многонациональным составом населения г.Алматы (см. Приложение А, таблицу 7). Здесь в 1970-1990-е годы во Фрунзенском (Медеуском) и Ауэзовском районах удельный вес исследуемых браков превышал 25%. В последующие годы в связи с увеличением здесь коренного казахского населения численность таких браков претерпела изменения в сторону снижения. Например, по переписи 1999 г. в южной столице была отмечена 53321 смешанная семья, удельный вес которых составил 17,5% [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 235].

Этническая структура межэтнических браков

В количественном отношении в этнической структуре указанных браков в Казахстане преобладают брачные союзы с участием русских, украинцев, немцев, казахов и татар. Так, из зарегистрированных в 1999 г. 36 804 смешанных браков на перечисленные пять этносов пришлось 30 254 (82,2%), в том числе на долю русских – 13 388 (36,4%), немцев – 5 981 (16,3%), украинцев – 5 258 (14,3%), казахов – 3 741 (10,2%) и татар – 1 886 (5,1%). В 2009 г. количество вступивших в брак с представителями других этносов в республике выросло почти в 1,6 раз, достигнув 51 044, в том числе на указанные пять этносов пришлось 38 237 (74,9%) таких браков. Показатели указанных нами этносов выглядели следующим образом: русские – 16 173 (31,7%), казахи – 9 095 (17,8%), украинцы – 5 386 (10,6%), немцы – 4 469 (8,8%) и татары – 3 132 (6,1%). За эти десять лет в межэтнических семьях выросло как в количественном отношении, так и в удельном весе участие русских и казахов [Қазақстанның демографиялық жылнамалығы, 2011, 125 б.]. К 2015 г. ситуация в исследуемом показателе стабилизировалась, в то же время за исключением казахов по другим контактирующим этносам произошло снижение удельного веса, создающих межэтнические семьи. Например, было зарегистрировано 51 021 смешанных браков, в том числе с участием русских – 14 753 (28,9%), казахов – 9 543 (18,7%), украинцев – 4 869 (9,5%), немцев – 3 819 (7,5%) и татар – 3 007 (5,9%), на долю которых пришлось 35 991 (70,5%), таких браков [Қазақстанның этнодемографиялық жылнамалығы, 2016, 66 б.].

Значительный интерес представляет анализ этнической структуры исследуемых браков в разрезе мужчин и женщин (см. таблицу 7).

Из таблицы видно, что среди рассматриваемых этносов в зависимости от половой принадлежности наблюдается неодинаковое соотношение их участия в таких браках. Во-первых, среди европейских этносов (русские, немцы), за исключением украинцев, женщины вступают в смешанные браки чаще, чем мужчины своей национальности. Во-вторых, среди тюркских этносов (казахи, узбеки, уйгуры, татары), наоборот, активнее мужчины. Здесь, видимо, ощущается влияние не только этнической среды и родственников, но и этноконфессиональной

принадлежности, запрещающей выходить замуж женщинам за иноверцев.

Таблица 7

Межэтнические браки в Республике Казахстан в 1999, 2015 годах
[Қазақстанның демографиялық жылнамасы, 2007, 175 б.;
Қазақстанның этнодемографиялық жылнамалығы, 2016, 66 б.]

Этносы	Число вступивших в брак с представителями других этносов							
	женихи				невесты			
	1999		2015		1999		2015	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Всего, в т.ч. в %	18 402	100,0	23 746	100,0	18 402	100,0	23 752	100,0
Казахи	2 199	11,9	5 070	21,4	1 542	8,4	4 473	18,8
Русские	5 957	32,4	6 699	28,2	7 431	40,4	8 054	33,9
Украинцы	2 717	14,8	2 502	10,5	2 541	13,8	2 367	10,0
Узбеки	240	1,3	701	3,0	200	1,1	862	3,6
Уйгуры	269	1,5	688	2,9	224	1,2	532	2,2
Татары	948	5,2	1 508	6,4	938	5,1	1 499	6,3
Немцы	2 844	15,5	1 885	7,9	3 137	17,0	1 934	8,1
Другие	3 180	17,5	4 677	19,7	2 313	13,0	4 028	17,0
Не указана	48	0,3	16	0,1	76	0,4	22	0,1

Не меньший интерес представляет выяснение на основе статистических материалов роли этнически смешанных браков в общей доле браков того или иного этноса. По данным 1999 и 2015 гг. среди 7 этносов, превышающих по своей численности как миллион человек (казахи и русские), так свыше 100 тыс. человек (узбеки, украинцы и др.), наблюдается следующая особенность:

а) чем крупнее численность и компактность расселения того или иного этноса, тем меньше их участие в смешанных браках. Например, у казахов, узбеков (в нескольких районах Южно-Казахстанской области), уйгур (также в нескольких районах Алматинской области) такие браки составляют всего 4,7 – 12,8 – 21,8%. Сюда же следует отнести русских, указанный показатель которых равен 28,0%;

б) у этносов, проживающих в нескольких соседних областях или в одном регионе, есть больше шансов заключить супружеский союз с представителями своего этноса и у них они превышают смешанные. Например, у азербайджанцев последние составляют 39,8%, турков – 43,9%, корейцев – 51,2% и т.д.;

в) у этносов, отличающихся дисперсным расселением, соответственно испытывающим дефицит женихов или невест своей национальности, удельный вес таких браков многократно превышает однонациональные. Так, в структуре браков белорусов смешанные составляют 97,7%, у немцев – 85,0%, у татар – 83,9%, у украинцев – 83,2 % и т.д. [Демографический ежегодник Казахстана, 2005, с.116-117].

Определенный интерес представляет исследование этой проблемы в разрезе участия в них женихов и невест (см. таблицу 8). Здесь наблюдается несколько иная тенденция, чем та, которую мы показали на основе анализа предыдущей таблицы. У всех семи обследованных этносов, за исключением русских и татар, отмечается повсеместное превышение участия мужчин по сравнению с женщинами своей национальности.

Можно предположить для некоторых этносов нехватку невест своей национальности. С другой стороны, активность женщин из числа русских в таких браках происходит из-за того, что для многих русскоязычных этносов (украинцев, белорусов, поляков, немцев, молдаван и других, включая корейцев) браки с женщинами русской национальности представляются естественным явлением в силу их коммуникабельности, толерантности, а также из-за повседневного общения на русском языке – языке межнационального общения. Такие браки в полиэтнических регионах, областях, районах, городах и населенных пунктах являются распространенным явлением. Если обратиться к татаркам, то к ним, кроме русскоязычного населения, проявляют определенный интерес в качестве брачных партнеров не только представители родственных тюркских этносов (казахи, узбеки, турки, азербайджанцы, уйгуры, башкиры), но и те, которые по традиции придерживаются исламской религии (чеченцы, ингуши, дунгане и пр.).

Теперь обратимся к этой проблеме в разрезе конкретных областей и районов нашей республики, чтобы выяснить важность исследуемой проблемы как бы изнутри.

Таблица 8

**Межэтнические браки в Республике Казахстан в 2003 г.
в разрезе мужчин и женщин
[Демографический ежегодник Казахстана, 2005, с.116-117]**

Этносы	Мужчины, вступившие в брак				Женщины, вступившие в брак			
	всего	с женщиной своей нац-ти	с женщиной другой нац-ти	в %	всего	с мужчиной своей нац-ти	с мужчиной другой нац-ти	в %
Всего	110414	88768	21646	19,6	110414	88768	21646	19,6
Казахи	65148	61742	3406	5,2	64408	61742	2666	4,1
Русские	25769	19162	6607	25,6	27480	19162	8318	30,3
Украинцы	3266	537	2729	83,6	3128	537	2591	82,8
Узбеки	3494	3005	489	14,0	3397	3005	392	11,5
Немцы	3034	468	2566	84,6	3196	468	2728	83,4
Татары	1379	226	1153	83,6	1430	226	1204	84,2
Уйгуры	1871	1430	441	23,6	1788	1430	358	20,0
Корейцы	938	425	513	54,7	803	425	378	47,1
Белорусы	552	12	540	97,8	485	12	473	97,5
Азербайжанцы	892	505	387	43,4	787	505	282	35,8
Турки	441	231	210	47,6	382	231	151	39,5
Др. нац-ти	3630	1025	2605	71,7	3130	1025	2105	67,3

Северный Казахстан. В этнической структуре межэтнических браков у всех без исключения этносов данного региона просматривается тенденция к созданию супружеских пар с русскими. Естественно, они выше среди европейских или русскоязычных этносов. Например, у украинцев браки с русскими составляли в 1989 г. в Баянаульском, Щербактинском, Аксуском и в Иртышском районах Палодарской области соответственно 65,8 – 67,0 – 68,7 – 68,9%. У живущих с ними рядом немцев – соответственно, 73,1 – 61,0 – 66,6 – 56,0%, у белорусов – 54,5 – 38,9 – 61,3 – 49,0%. В свою очередь, русские также в смешанных браках отдают предпочтение перечисленным выше трем этносам. В указанных четырех районах Павлодарского Прииртышья их брачный союз с ними составляет 76,2 – 89,5 – 78,4 – 86,6% (см. Приложение А, та-

блицу7). Приведенные нами статистические данные вполне коррелируются с материалами переписи населения 1999 г. не только Павлодарской области, где аналогичные семьи охватывали 34639 (74,8%) из 46283 74,8%, но и других областей Северного Казахстана. Так, в Северо-Казахстанской, Акмолинской и Костанайской областях смешанные семьи русских с украинцами, немцами и белорусами достигли соответственно 71,9 – 73,6 – 79,0%, или в целом 160523 семьи [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с.192, 210, 225, 228].

Казахи при вступлении в национально-смешанные браки отдают предпочтение русским, потом – татарам, а татары, в свою очередь, – казахам и русским. За исключением Иртышского района, одна треть таких браков у казахов создана с участием русских. На долю этих двух этносов приходится от 57,6% в Баянаульском до 63,9% в Щербактинском районе всех смешанных семей казахов.

Такие же тенденции в этнической структуре национально-смешанных браков наблюдаются в Наурзумском районе Костанайской области за 1966-1990 гг. (см. Приложение А, таблицу 8). Здесь большинство аналогичных браков казахов приходится на представителей русской и татарской национальностей. Для русских предпочтительными являются браки с украинцами, белорусами и немцами, для украинцев – с русскими, белорусами и немцами, для немцев – с русскими и украинцами, а для белорусов – с русскими и украинцами. Для татар на первом месте стоит супружеский союз с русскими, потом с казахами и украинцами.

Если взять в целом по Северному Казахстану, то удельный вес аналогичных супружеских союзов казахов с русскими и татарами в 1999 г. был следующим: в Павлодарской области – 68,9%, Северо-Казахстанской – 73,2%, Акмолинской – 65,2%, Костанайской – 61,7% [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 191, 215, 217, 224, 227].

Указанные выше тенденции в этнической структуре рассматриваемых браков вполне согласуются и с материалами этносоциологического опроса населения (см. таблицу 9). В Павлодарской области от 35,3 до 40,9% респондентов из числа казахов и от 26,3 до 54,6% русских отметили, что национальность для них не имеет никакого значения. С другой стороны, для русских наиболее предпочитаемыми брачными партнерами в таких союзах

являются украинцы, белорусы и немцы, а для казахов – русские и татары.

Таблица 9

**Предпочтения в межэтнических браках
в Павлодарской области**

Этносы	Всего отве- тило	Наиболее предпочитаемые брачные партнеры, %							
		каза- хи	рус- ские	украинцы, белорусы	тата- ры	нем- цы	дру- гие	все равно	затр-ся ответить
Баянаульский район, Кундыкольский с.о.									
Казахи	66	–	13,6	0,0	13,6	0,0	0,0	40,9	31,9
Русские	22	4,5	–	9,1	0,0	0,0	0,0	54,6	31,8
Акусский район, Айнакольский с.о.									
Казахи	51	–	9,8	0,0	19,6	0,0	0,0	35,3	35,3
Русские	19	5,3	–	47,4	0,0	10,5	0,0	26,3	10,5

Значительный интерес представляет распределение браков по национальности жениха и невесты в Павлодарской и Костанайской областях. Здесь прослеживается неодинаковое соотношение между ними, особенно среди казахов. Казахи-мужчины в 1,7–4,2 раза чаще, чем женщины, вступают в браки с лицами иных этносов. Такую же тенденцию можно встретить и в других регионах республики, включая республики Средней Азии и Закавказья [Галимова, 2000, с.12; Толстова, 2005; Сусоколов, 1987, с.98-99]. В смешанных браках русских, немцев, татар, наоборот, женщины опережают аналогичные показатели мужчин своей национальности.

Обратная ситуация наблюдается в супружеских парах с участием женщин русской, украинской, белорусской и немецкой национальностей. Они часто опережают соответствующие показатели мужчин своих национальностей. Браки с казашками составляют всего 1,1% в Баянаульском и 4,2% в Щербактинском районах, что гораздо ниже соответствующих показателей мужчин-казахов. Такая ситуация наблюдается и в Средней Азии [Абдуллаев, 1998].

Западный Казахстан. В этнической структуре таких семей в Западном Казахстане выделяются, в первую очередь, те этносы, которые преобладают в численном отношении в области, райо-

не и селе. Это в основном казахи, затем следующие за ними по численности русские, а также семьи других этносов, создавших с ними супружеские союзы.

В Западно-Казахстанской области, согласно переписи населения 1999 года, зарегистрировано 105566 моногамных или нуклеарных семей, из них 91368 (86,6%) состоят из лиц одной национальности и 14198 (13,4%) – из лиц двух национальностей. В 3312 (23,3%) из указанных семей один из супругов представитель казахской национальности, и они создали супружеские союзы с представителями 24 этносов. В половине из таких семей – 1679 (50,6%) один из супругов является русским, на втором месте находятся семьи с татарами – 847 (25,5%) и на третьем – с украинцами – 239 (7,2%). Во всех супружеских союзах казахов с представителями других этносов преобладают семьи, созданные с участием европейских этносов – 2087 (63,0%), а также славянских (русских, украинцев, белорусов и поляков) – 1987 (59,9%). Вслед за ними располагаются семьи с участием восьми тюркских этносов, на долю которых приходится 1082 (32,6%) семей, в том числе с татарами – 847, башкирами – 90, азербайджанцами – 50, узбеками – 43, киргизами – 24, чувашами – 18, уйгурами – 8, турками – 2. Наряду с ними встречаются смешанные семьи казахов, где одним из брачных партнеров являются представители корейской (35), чеченской (25), таджикской (10) и армянской (2) национальностей [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 256, 257].

Структура межэтнических семей имеет ряд отличительных особенностей. Например, в супружеских союзах русских с европейскими этносами размер семьи такой же, как и в однонациональных. А семьи русских с участием представителей тюркских этносов, особенно с казахами, более многочисленны, но в сравнении с мононациональными казахскими семьями они малочисленнее.

Еще большие показатели национально-смешанных браков характерны для русских, на их долю приходится 11 306, или 79,6%, в Западно-Казахстанской области, они создали семьи с представителями 26 этносов. Здесь также сказывается влияние близости родственных им по происхождению и языку этносов. Так, с украинцами, белорусами и поляками ими созданы около 60% смешанных семей, в том числе с украинцами – 5590 (49,4%), белорусами – 1028 (9,0%), поляками – 65 (0,5%), значительно количество

русско-немецких (5,6%) и русско-удмуртских семей (2,7%). Следующими по распространенности являются семьи русских с представителями тюркских этносов – 3039 (26,8%), в том числе с казахами – 1 679 (14,8%), татарами – 1 137 (10,0%), азербайджанцами – 81(0,7%) [Домохозяйства РК, 2001, ч.3, с.258].

Наши наблюдения показывают, что степень вступления в брак с лицами другой национальности у мужчин и женщин рассматриваемых этносов не идентична. Казахские мужчины, равно как и мужчины родственных им тюркских этносов, в смешанные браки вступают чаще, чем женщины их национальности. У русских, украинцев, белорусов наблюдается противоположная тенденция, больше представлены в таких семьях женщины.

Теперь перейдем к анализу рассматриваемой проблемы в разрезе Актюбинской области. Из зарегистрированных в 1999 году 112 357 нуклеарных семей 91 634 (81,5%) приходится на однонациональные и 20723 (18,4%) на межэтнические [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 241]. Из этих 20 723 этнически неоднородных семей 3 670 (17,7%) созданы с участием казахского этноса. В общей совокупности таких семей преобладают брачные пары, в которых один из супругов русский – 1574 (42,8%). Последующие места занимают казахско-татарские (20,9%) и казахско-украинские (12,3%) семьи.

В целом, среди смешанных семей казахов, как и в Западно-Казахстанской области, превалируют супружеские союзы с представителями европейских этносов – 2 341 (63,7%). Большинство из них приходится на долю русских, украинцев, белорусов и поляков – 2 071 (56,4%). Довольно распространенными являются у них брачные союзы с представителями тюркских этносов – 1 114 (30,3%), в том числе с татарами, башкирами, узбеками, азербайджанцами и киргизами, соответственно, 769 – 159 – 63 – 48 – 26. Переписью отмечены также 2,2% казахско-корейских и 1,3% казахско-чеченских семей [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 242].

В межэтнических семьях Актюбинской области также доминируют русские. С их участием создана 15 041 (72,5%) смешанная семья, куда входят представители 26 этносов. И здесь присутствует сильно выраженная избирательность в отношении лиц иной национальности, с представителями которых создаются исследуемые семьи. Например, с представителями родственных им славянских этносов – 9 449 (62,8%) семей, в том числе с

украинцами – 8 844 (58,7%), белорусами – 540 (3,5%), поляками – 65 (0,4%). Зафиксированы также 1 625 (10,8%) русско-немецких и 318 (2,1%) русско-молдавских семей. Супружеских союзов с представителями тюркских этносов отмечено 2 773 (18,4%), в том числе с казахами – 1574 (10,4%), татарами – 945 (6,2%), азербайджанцами – 78(0,5%) [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 243].

Если обратиться к Мангистауской области, то здесь в 1999 г. из 6 222 межэтнических семей 6 040 (97,1%) пришлось на представителей двух доминирующих этносов – казахов и русских, в том числе 4502 (72,7%) были образованы с участием русских и 1 538 (24,7%) – казахов. В этнической структуре таких семей, представленных казахами, одним из супругов в 48,2% выступали русские, в 15,9% – татары, в 5,3% – украинцы, в 4,2% – узбеки, в 4,0% – азербайджанцы и др. У русских аналогичными брачными партнерами являлись: украинцы (35,1%), казахи (16,5%), татары (10,2%), белорусы (5,2%), азербайджанцы (4,9%), армяне (4,0%) и т.д. [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 221-222].

Мы располагаем более подробными данными по этнической структуре рассматриваемых семей г. Жанаозен Мангистауской области (см. Приложение А, таблицу 9).

Из нее видно, что во многих смешанных семьях основными брачными партнерами являются русские. Например, у украинцев их удельный вес составляет 83,0%, у немцев – 69,0%, у лезгин – 45,4%. Для казахов такими партнерами выступают русские (40,2%) и татары (20,1%).

При анализе степени конкретного участия представителей того или иного этноса в национально-смешанных браках по г. Жанаозен мы выяснили следующее: во-первых, из 2 218 таких браков, созданных в 1966-1990 гг., на долю русских пришлось 1 577 (71,1%), украинцев – 606 (27,3%), татар – 368 (16,6%), казахов – 194 (8,8%), лезгин – 152 (6,9%) и немцев – 87 (3,9%). Во-вторых, удельный вес исследуемых браков по сравнению с однонациональными выглядят следующим образом: у украинцев – 79,3%, у немцев – 76,7%, у татар – 67,2%, у лезгин – 23,5%, у русских – 23,2% и у казахов – 2,4% [Материалы Мангыстауского областного ЗАГСа]. С некоторыми различиями они характерны при их рассмотрении в разрезе женихов и невест.

Южный Казахстан. Несмотря на увеличивающееся количество этносов, вступающих в смешанные браки, в основном лицо

таких браков в регионе определяют казахи, русские и узбеки. Например, в г. Туркестане и одноименном районе Южно-Казахстанской области на долю указанных трех этносов в 1960-1996 гг. пришлось от 47,6 до 79,5% всех национально-смешанных браков.

Материалы архивов ЗАГСа также свидетельствуют, что для проживающих здесь дисперсных групп немцев, таджиков, татар и азербайджанцев участие в таких браках является достаточно высоким, в то время как для преобладающих здесь казахов и узбеков этот показатель не превышает 10%.

Этническая структура смешанных браков населения Туркестанского района показывает наличие двух ярко выраженных тенденций, напрямую связанных с происходящими там этническими процессами. Первое направление свидетельствует о стремлении представителей тюркских этносов к бракам внутри своей общности, отличающихся близостью по многим этнокультурным показателям, включая этноязыковые и этноконфессиональные. Например, для казахов в рассматриваемых семьях основными брачными партнерами выступают узбеки, а для последних, равно как и для уйгур – казахи, для турков – азербайджанцы и т.д.

Такая же близость сказывается в аналогичных браках татар и азербайджанцев с узбеками и казахами. Второе направление находит отражение в браках европейских этносов (украинцев, немцев и пр.), которые стремятся к бракам с русскими (см. Приложение А, таблицу 10). В городе, отличающемся наличием достаточного количества представителей других контактирующих этносов, указанные нами выше тенденции проявляются более сглаженно, так как там брачных партнеров более или менее достаточно. В этнической структуре смешанных браков азербайджанцев в г. Туркестане преобладают браки с турками.

В целом в Южно-Казахстанской области на долю казахов пришлось в 1999 г. 11 894 (38,7%) межэтнических семей, а русских – 15 898 (51,7%). Среди таких семей у казахов преобладают супружеские союзы с узбеками – 4 349 (36,6%), на последующих местах с русскими – 3 358 (28,2%), татарами – 1 519 (12,8%), азербайджанцами – 400 (3,4%), таджиками – 324 (2,7%), кыргызами – 255 (2,1%), уйгурами – 237 (2,0%) и т.д. В аналогичных семьях русских преобладают браки с украинцами (29,2%), казахами (21,1%), татарами (11,9%), узбеками (9,1%), немцами (8,3%) и белорусами (3,0%) [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 230-231].

Отмеченные нами выше ориентации в отношении казахов, узбеков и русских подкрепляются и материалами этносоциологического опроса населения г.Туркестана и одноименного района (см. таблицу 10). Так, подавляющее большинство опрошенных респондентов-казахов в смешанных браках предпочтительными партнерами считают узбеков, затем русских, а также татар. Идентичные ориентации мы наблюдаем среди узбеков, которые в своих ответах высказались в пользу казахов. Русские на первое место поставили близких им по этнокультурным параметрам украинцев, лишь после них указали казахов и узбеков.

Таблица 10

**Предпочтения в межэтнических браках
в Южно-Казахстанской области**

Этносы	Всего ответи- ло	Наиболее предпочитаемые брачные партнеры, %						
		каза- хи	узбе- ки	рус- ские	татары	таджи- ки	украин- цы	дру- гие
Туркестанский район								
Казахи	486	–	61,3	10,3	9,3	3,3	1,8	14,0
Узбеки	629	77,6	–	5,4	4,5	5,7	1,2	5,6
г. Туркестан								
Казахи	731	–	53,8	21,1	10,8	2,9	2,9	8,5
Узбеки	394	69,8	–	11,7	7,9	4,8	0,5	5,3
Русские	262	19,5	16,0	–	11,8	4,2	35,1	13,4

Если обратиться к Кызылординской области, то в Жалагашском и Теренозекском районах (см. Приложение А, таблицу 11) основными брачными партнерами казахов в таких супружеских союзах выступали татары (от 27,9 до 31,3%) и русские (от 10,3 до 20,3%). Для последних приоритетными в таких браках являлись украинцы (от 36,0 до 38,8%), а для корейцев – русские (от 30,0 до 40,0%) и казахи (30,0%). Идентичные процессы характерны и для других районов рассматриваемой области. Естественно, в областном центре указанные тенденции просматриваются более зримо.

В масштабе области подавляющее большинство исследуемых браков создано с участием казахов и русских. У первых женихами

и невестами выступали представители следующих этносов: русские (36,8%), корейцы (18,1%), татары (15,4%) и узбеки (7,9%). Русские в таких брачных союзах предпочитали в основном казахов (34,8%), корейцев (16,5%), украинцев (14,0%) и татар (10,2%) [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с. 218-219].

Если взять соседнюю Жамбылскую область, то в Меркенском районе нами получена следующая этническая структура национально-смешанных браков (см. Приложение А, таблицу 12). Для русских основными брачными партнерами выступают украинцы и немцы, для украинцев – немцы, для последних – русские и украинцы, равно как и для белорусов. Такими же предпочтительными этносами для татар выступают казахи и русские. Казахи построили смешанные браки в основном с русскими, кыргызами, узбеками, татарами и башкирами.

Участие в таких супружеских союзах представителей разных этносов, проживающих в Меркенском районе, неодинаково. Здесь проявляется та же закономерность, которая была высказана нами ранее, т.е. удельный вес национально-смешанных браков довольно высок среди этносов, не представленных компактными массивами и отличающихся малочисленностью. Например, среди белорусов состояли в таких браках 81,8%, среди украинцев – 66,7%, среди татар – 62,0%, среди немцев – 32,7%. В то же время аналогичные показатели русских соответствовали 26,2%, турков – 23,4%, а казахов – лишь 4,4%. У последних проявляется значительный разрыв в показателях женихов и невест, например, первые опережают вторых при заключении таких браков в 2,2 раза. Идентичные тенденции заметны и в браках турков и белорусов. Среди русских, украинцев, немцев и татар, наоборот, более активными являются их женщины [Материалы Жамбылского областного ЗАГСа].

В целом в 1999 году в Жамбылской области из 27333 национально-смешанных семей 94,0% приходилось на долю представителей двух этносов – русских (58,4%) и казахов (35,6%). При этом основными брачными партнерами казахов выступали русские (33,2%), кыргызы (18,0%), узбеки (12,4%), татары (11,8%). Русские чаще создавали аналогичные семьи с украинцами (21,3%), казахами (20,2%), немцами (19,7%), татарами (8,2%) и корейцами (4,8%) [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с.206-207].

Этнические факторы заметны и в отношении предпочтительности в выборе невесты или жениха. Например, респонденты из числа казахов на первое место поставили татар, турки – казахов, а русские – украинцев.

Жетысу. В этнической структуре национально-смешанных браков Алматинской области мы отмечаем ту же тенденцию, которую мы показали по другим регионам и областям Казахстана. Установка на заключение однонациональных браков больше в моноэтнических селениях, населенных преимущественно казахами, уйгурами, что связано со всей системой традиционной соционормативной культуры. Гораздо меньше этот показатель у русских, доходя местами до 26%. Вместе с тем, при создании национально-смешанных браков сказывается влияние этнокультурных, этноязыковых и этноконфессиональных факторов. Это в первую очередь относится к тюркским, славянским этносам. С другой стороны, у многих контактирующих этносов просматривается стремление при образовании таких семей выбрать в качестве брачного партнера русских (см. таблицу 11).

При анализе этнической структуры исследуемых браков на примере Чиликского и Коксуского районов выявляется та же закономерность, что описана нами выше. Для уйгур и татар наиболее предпочтительными выглядят браки с казахами, равно как и для казахов с ними. Это, в первую очередь, относится к женщинам указанных этносов. Например, в Чиликском районе на долю уйгур пришлось 91,8% браков казашек и 78,9% браков уйгурок, вышедших замуж за казахов. В Коксуском районе этот показатель составил соответственно 45,5 – 60,0%. В перечисленных двух районах от 39,6 до 59,0% татарок состояли в браке с казахами. Таким же высоким является удельный вес смешанных браков с русским этносом. Для украинцев он колеблется в пределах 83,2 до 88,9%, немцев – 83,1%, корейцев – 43,7%, татар – от 29,9 до 35,4%, казахов – от 11,9 до 34,4% и т.д. (см. Приложение А, таблицу 13).

По переписи 1999 г., из 42 736 межэтнических семей 32012 (74,9%) созданы с участием русских. Здесь они отдают равное предпочтение украинцам, немцам и казахам, соответственно 18,8 – 18,3 – 17,3%. За ними располагаются татары (6,2%), корейцы (3,2%), белорусы (2,8%) и уйгуры (2,7%) [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с.198].

**Предпочтения в межэтнических браках
в Алматинской области и в г. Алматы**

Этносы	Всего от- ветило	Наиболее предпочитаемые брачные партнеры, %					
		казахи	русские	украинцы	татары	немцы	другие
Енбекшиказахский район							
Казахи	285	–	11,9	2,1	34,4	1,8	49,8
Русские	291	12,0	–	53,3	6,9	19,6	8,2
Уйгуры	287	51,2	12,5	2,1	26,8	1,4	6,0
Немцы	324	9,6	52,1	22,5	7,4	–	8,4
г. Алматы							
Казахи	525	–	35,4	9,0	30,3	7,6	17,7
Русские	454	11,0	–	51,4	7,0	20,7	9,9

Здесь свыше одной трети таких семей (34,5%) приходится на долю казахов. При этом в 37,6% смешанных семей один из супругов является русским. На втором месте у казахов супружеские союзы с уйгурами – 27,0%, на третьем с татарами – 12,9%. Далее располагаются семьи с участием корейцев (3,7%), кыргызов (3,1%), узбеков (2,6%) и немцев (2,3%) [Домохозяйства РК, 2001, ч. 3, с.197].

С другой стороны, при рассмотрении таких браков в разрезе трех районов Алматинской области видно неодинаковое участие в них отдельных этносов. Они встречаются редко среди коренного казахского населения. Так, в моноэтническом Кегенском районе такие браки у казахов составляют всего 1,7%, в полиэтнических Коксуском и Чиликском районах – несколько выше, соответствуя 4,5 – 5,1%. Наибольшей активностью в аналогичных браках отличаются кыргызы (96,5%), украинцы (от 75,7 до 92,9%), белорусы (81,2%), татары (от 30,6 до 96,5%). В Чиликском районе, где достаточно уйгуров, смешанных браков у них немного, порядка 5,0%, а в двух других районах, где их мало, наоборот, удельный вес таких браков колеблется в пределах 31,8 – 53,3%. Среди русского населения в аналогичных браках участвовали, соответственно, 13,8 – 19,8 – 22,5%.

Таким образом, на степень распространения национально-смешанных семей влияют этнический состав населения, близость

этнокультурных параметров, исторически сложившиеся традиции в семейно-бытовой сфере, а также конфессиональная принадлежность. Созданию их способствуют полиэтнический состав населения, работа в многонациональных коллективах, совместная учеба в школе, в средних специальных и высших учебных заведениях и пр. Полученные данные также показали, что казахи при вступлении в национально-смешанные браки отдают предпочтение русским и татарам, а татары – казахам и русским.

Фактическая частота и теоретическая вероятность национально-смешанных браков

Попытаемся выявить значение различных факторов при создании одноплеменной или национально-смешанной семьи, а также роль национальной предпочтительности при образовании последней. Для этого сопоставим фактическую частоту заключенных браков с их теоретической вероятностью.

При сопоставлении фактической частоты и теоретической вероятности, которые имели бы место при независимости браков от этнической принадлежности супругов, видно, что они не всегда совпадают. Они резко проявляются среди казахов и других тюркских этносов, слабее – среди европейских этносов, включая русских. Среди казахов показатели фактической частоты браков ниже теоретически вероятных. В отличие от малочисленных этнических групп, казахи при выборе брачного партнера отдают предпочтение представителям своей национальности. Многие казахи, особенно представители старшего поколения, не всегда одобряют национально-смешанные браки, особенно с представителями других конфессий, отличающихся также по этническим и языковым признакам. У них, как правило, в национально-смешанные браки вступают в основном мужчины и очень редко – женщины. Подавляющее большинство подростков из таких семей, где отец представлен казахской национальностью, записываются казахами, а в тех, где мать-казашка, а отцы из тюркских этносов – наполовину осознают себя казахами.

В отношении национально-смешанных семей русских с другими этносами можно обнаружить совпадение, даже некоторое превышение фактической частоты семей над теоретической ве-

роятностью. Они хорошо прослеживаются в русско-немецких семьях, а в русско-украинских и русско-белорусских семьях фактическая частота превышает теоретическую вероятность. Например, если в Актюбинской области 72,5% всех нуклеарных национально-смешанных семей созданы с участием русских, то однопациональных русских семей зафиксировано лишь 10,3%. Отмеченный факт свидетельствует о том, что в национально-смешанных семьях русских этническая принадлежность не имеет особого значения. С другой стороны, наличие таких семей с участием украинцев, белорусов и других европейских этносов способствует интенсивному их сближению с русским этносом. Этому в значительной степени способствует близость языка, культуры и быта указанных этносов, низкий уровень владения родным языком. Все это приводит к тому, что второе поколение таких семей, выросшее в русскоязычной этнокультурной среде, по достижению совершеннолетия выбирают русскую национальность, практически ассимилируясь в их среде.

Исходные данные показывают, что в однопациональных браках исследуемых этносов фактическая частота и теоретическая вероятность соотносятся по-разному. Разрыв между этими показателями больше у казахов и немцев, меньше у русских и украинцев. Для казахов характерна тенденция роста однопациональных браков, причем фактическая частота их опережает теоретическую вероятность. Например, если фактическое число таких браков в Баянаульском, Ермаковском и Иртышском районах Павлодарской области составляло в 1966 г. соответственно 44,8 – 19,7 – 21,2%, а в 1986 г. 71,5 – 35,0 – 46,4%, то теоретическая вероятность равнялась в 1966 г. всего 20,3 – 3,9 – 5,1%, а в 1986 г. – 53,1 – 14,1 и 22,7%. У русских фактическая частота браков в 1966 г. была 13,9 – 29,1 и 15,6%, в 1986 г. – 6,7 – 20,2 и 13,2%, а теоретическая вероятность в 1966 г. – 5,9 – 21,7 и 9,8% и в 1986 г. – 1,4 – 10,4 и 6,73%. Здесь прослеживается уменьшение доли однопациональных браков. То же можно сказать о браках украинцев и белорусов. Тем не менее, как по Казахстану, так и по странам ближнего зарубежья в целом процент однопациональных браков в сельских районах еще выше, чем в городах [Столярова, 1985; Мархинин, Удалова, 1998; Гайнер, Ашкенази, 1998].

Фактическая частота и теоретическая вероятность браков между представителями восточнославянских народов и каза-

хами различны. Для казахов характерно несовпадение (во всех рассматриваемых сочетаниях) этих показателей, в частности, теоретическая вероятность всегда превышает фактическую частоту. Так, анализ казахско-русских браков (в обоих вариантах: муж – казах, жена – русская и муж – русский, жена – казашка) показывает, что во всех перечисленных трех районах Павлодарской области теоретическая вероятность превышает (от 7,9 до 12,0%) фактическую частоту. Несколько ниже показатель теоретической вероятности в казахско-украинских браках (от 2,0 до 5,2%). В браках казахов с другими этносами (особенно с татарами и башкирами) разрыв между теоретической вероятностью и фактической частотой менее заметен. У казахов все еще сильны традиционные представления о предпочтительности брачного партнера из среды родственных народов, хотя эти представления постепенно стираются.

В браках русских с другими этносами обнаруживается совпадение рассматриваемых показателей, даже некоторое превышение фактической частоты заключенных браков над теоретической вероятностью. Совпадение отчетливо прослеживается в русско-немецких браках (в обоих вариантах). Это же относится к бракам русских с представителями этносов, живущих дисперсно в изучаемом регионе. В русско-украинских браках (также в обоих вариантах) фактическая частота на протяжении изучаемого периода неизменно превышала теоретическую вероятность от 1,0 до 3,0%. Исходя из сопоставляемых данных, можно определенно сказать, что в национально-смешанных браках русских национальная принадлежность не имеет особого значения.

Таким образом, в зависимости от этнического состава населения в каждом из обследованных районов преобладают те вариации национально-смешанных семей, которые включают представителей основной национальности района. Часты браки между русскими, украинцами и белорусами – народами, близкими по языку и культурно-бытовым укладам, причем в значительной части таких браков один из супругов – русский. Этнокультурная близость сказывается на браках казахов с татарами, узбеками, уйгурами, башкирами и др. В настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа браков между казахами и русскими.

Сопоставление данных фактической частоты браков и их теоретической вероятности показало, что при выборе брачно-

го партнера предпочтение представителю своей национальности отдается во всех этнических группах, в том числе и малочисленных. В то же время в национально-смешанных браках в абсолютном большинстве вариантов наблюдается обратная картина – показатели фактической частоты ниже теоретически вероятных.

Для представителей европейских этносов характерно не только стремление, но сильно выраженная и далеко не однозначная избирательность в отношении лиц иной национальности, с которыми можно было бы заключить брак: с русскими, украинцами, белорусами, немцами, с одной стороны, и с казахами, узбеками, уйгурами, турками и пр. – с другой.

Очевидно, в этом и аналогичных процессах немалую роль наряду с миграцией и урбанизацией сельского населения играет межэтническая интеграция, способствующая широкому распространению русского языка как языка межнационального общения.

В Казахстане доля национально-смешанных браков выше у тех народов, которые проживают дисперсно в иноэтнической среде, например у белорусов, поляков в северном регионе. У народов же, составляющих компактные массивы (казахи), этот показатель гораздо ниже.

Все вышеуказанное позволяет нам сделать вывод о том, что казахи и русские этносы, проживающие в различных областях и регионах Казахстана, в целом не испытывают этнической модификации, сохраняются и развиваются как довольно устойчивые этносы. Другие малочисленные этносы, вступающие в национально-смешанные браки с указанными этносами, активно сближаются с ними, второе поколение которых идентифицирует себя казахами или русскими.

В них находят отражение и этнический состав жителей того или иного региона или области и длительность проживания в них представителей того или другого этноса, и давность этнокультурных контактов.

Таким образом, возникновению национально-смешанных семей не мешают ни национальные, ни конфессиональные, ни расовые, ни языковые и пр. преграды. Основными мотивами образования таких семей являются любовь, взаимные чувства, общность духовных интересов и взглядов.

Национально-смешанные семьи, являющиеся прямым следствием полиэтничности населения рассматриваемых областей, напрямую отражают реальное содержание этнических и этнокультурных процессов. Исходя из этнического состава населения всех областей нашей республики, большинство смешанных семей создаются с участием русского, казахского и украинского этносов. В каждом из регионов или областей Казахстана к этим ведущим этносам в качестве четвертого присоединяется тот, который в численном отношении стоит вслед за ними. Например, в областях Западного Казахстана – татары, Северного и Восточного Казахстана – украинцы или немцы, Южного Казахстана – узбеки, в Жетысу – уйгуры.

При анализе структуры национально-смешанных семей видно, что в них, за исключением русских, больше принимают участие представители тех этносов, которые отличаются дисперсным расселением или составляют этническое меньшинство. Фактор их малочисленности, отсутствие или дефицит подходящих брачных партнеров среди представителей своего этноса, по-видимому, действуют как катализатор увеличения доли смешанных браков в их среде. Аналогичная закономерность наблюдается и в других областях и регионах нашей республики.

Этническая идентификация подростков в национально-смешанных семьях

Значительный интерес представляет второе поколение национально-смешанных семей, которое органически вбирает в себя этнические черты своих родителей, их культурно-бытовые ценности, традиции, язык. Внимание заслуживает и развитие их национального самосознания, выбор ими своей этнической принадлежности, в ходе которого прерывается этническая линия одного из родителей в пользу другого, т. е. происходит так называемый этнотрансформационный процесс. При анализе интересующей нас проблемы главным источником для ее написания явились статистические материалы паспортных столов отделений милиций. Задача облегчалась тем, что подростки, достигшие 16-летнего возраста, при получении паспортов заполняли форму №1 с указанием избранной национальности, а также сведения о роди-

телях без указания их национальности. Сопоставляя выбранную национальность подростка и находя национальность родителей в картотеке, мы фиксировали, совпадает ли национальность подростка с национальностью одного из родителей.

Объектом нашего исследования стали национально-смешанные семьи Баянаульского и Аксуского районов Павлодарской области, а также Жалагашского и Кармакчинского районов Кызылординской области, Чиликского и Коксуского районов Алматинской области. Указанные районы представляют собой как компактную зону расселения коренного казахского населения с инонациональными вкраплениями, так и этноконтактную зону со смешанным населением.

При выборке мы просмотрели по картотеке паспортных столов все без исключения формы №1, чтобы не допустить элемента случайности. Как и следовало ожидать, среди молодежи, получившей впервые паспорта, преобладали лица из однопациональных семей. Так, из 3429 паспортов, выданных подросткам в 1976-1981 г. в Аксуском районе, 807 (23,6%) пришлось на долю юношей и девушек из национально-смешанных семей.

Анализ материала показал, что в исследуемых нами областях большинство молодежи проживало в следующих пяти группах смешанных по своему составу семей в порядке распространенности: русско-украинские, русские с представителями других национальностей, казахско-русские, казахи и украинцы с представителями других национальностей. Такие же вариации, с учетом местной специфики, встречаются и в других регионах республики.

В двух первых группах семей Павлодарской, Кызылординской и Алматинской областей большинство молодежи в них при определении своей этнической принадлежности отдают предпочтение русской национальности (см. таблицы 12–14).

Так, в Баянаульском и Аксуском районах в русско-украинских семьях 73,0 и 70,7% молодежи считают себя русскими. Этот показатель высок и в русско-белорусских, русско-немецких семьях (87% – в Баянаульском и 60-67% – в Аксуском районах). Приблизительно такое же соотношение прослеживается и в русско-польских семьях. Одинаковая пропорция характерна для русско-молдавских и русско-татарских семей Аксуского района, хотя в Баянаульском районе соответственно 18,2 и 22,7% молоде-

жи признают себя русскими. Сходная тенденция прослеживается и в украинско-молдавских семьях.

Таблица 12

**Определение национальной принадлежности
16-летними подростками в межэтнических семьях Павлодарской области
(в % к общему числу молодежи в каждой из выделенных групп семей)
[Данные формы № 1 паспортных столов
Баянаульского и Аксуского РОВД Павлодарской области, 1979-1981]**

Группы семей	Баянаульский район		Аксуский район	
	избранная национальность		избранная национальность	
I – II	I	II	I	II
Казахско-русские	95,8	4,2	87,3	12,7
Казахско-татарские	97,9	2,1	100,0	0,0
Казахско-немецкие	85,7	14,3	87,5	12,5
Казахско-украинские	90,9	9,1	83,3	16,7
Русско-украинские	73,0	27,0	70,7	29,3
Русско-белорусские	87,5	12,5	60,5	39,5
Русско-польские	66,7	33,3	71,4	28,6
Русско-немецкие	87,2	12,8	67,2	32,8
Русско-молдавские	18,2	81,8	55,6	44,4
Русско-татарские	22,7	77,3	46,2	53,8
Украинско-белорусские	28,6	71,4	40,9	59,1
Украинско-польские	100,0	0,0	33,3	66,7
Украинско-немецкие	86,7	13,3	68,3	31,7
Украинско-молдавские	0,0	100,0	50,0	50,0

В семьях третьей и четвертой групп с участием лиц коренной казахской национальности с русскими и другими национальностями можно заметить ту же картину, что и в первой и второй группах с участием русских. Здесь также явное предпочтение юноши и девушки отдают казахской национальности. Например, в казахско-русских семьях в Баянаульском и Аксуском районах

95,8 и 87,3% осознают себя казахами. Очень высок процент в пользу казахского этноса в казахско-татарских семьях (от 97,9 до 100,0%). Вместе с тем в казахско-украинских семьях Аксуского района 16,7% молодежи приняли украинскую национальность. В аналогичных семьях Баянаульского района доля молодежи, считающей себя казахами, выше, чем в Аксуском районе.

Таблица 13

**Определение национальной принадлежности
16-летними подростками в межэтнических семьях
Кызылординской области (в % к общему числу молодежи
в каждой из выделенных групп семей) [Данные формы
№ 1 паспортных столов Жалагашского и Кармакчинского
РОВД Кызылординской области, 1979-1981]**

Группы семей	Жалагашский район		Кармакчинский район	
	избранная национальность		избранная национальность	
I – II	I	II	I	II
Казахско-русские	77,6	22,4	98,3	1,7
Казахско-татарские	84,0	16,0	100,0	0,0
Казахско-уйгурские	100,0	0,0	69,8	30,2
Русско-украинские	63,0	37,0	91,3	8,7
Русско-белорусские	100,0	0,0	100,0	0,0
Русско-немецкие	75,0	25,0	100,0	0,0
Украинско-белорусские	100,0	0,0	–	–
Украинско-польские	100,0	0,0	–	–
Корейско-казахские	50,3	49,7	45,7	54,3
Корейско-русские	48,4	51,6	35,7	64,3
Корейско-татарские	44,5	55,5	–	–

Отмеченная традиция устойчиво сохраняется и в семьях с участием лиц казахской национальности, особенно в районах их наибольшего расселения. Например, в Жалагашском и Кармакчинском районах Кызылординской области в супружеских парах

казахов с корейнками (от 45,7 до 50,3%), русскими (от 77,6 до 98,3%), уйгурками (от 69,8 до 100,0%) и татарками (от 84,0 до 100,0%) подростки осознают себя казахами.

Таблица 14

**Определение национальной принадлежности
16-летними подростками в межэтнических семьях Алматинской области
(в % к общему числу молодежи в каждой из выделенных групп семей)
[Данные формы № 1 паспортных столов
Чиликского и Коксуского РОВД Алматинской области, 1981-1983]**

Группы семей	Чиликский район		Коксуский район	
	избранная национальность		избранная национальность	
I – II	I	II	I	II
Казахско-русские	100,0	0,0	100,0	0,0
Казахско-татарские	100,0	0,0	71,4	28,6
Казахско-немецкие	–	–	100,0	0,0
Казахско-уйгурские	36,4	63,6	33,3	66,7
Казахско-кыргызские	50,0	50,0	100,0	0,0
Русско-украинские	80,0	20,0	100,0	0,0
Русско-немецкие	72,7	27,3	57,1	42,9
Русско-уйгурские	0,0	100,0	0,0	100,0
Уйгурско-татарские	62,5	37,5	–	–
Уйгурско-узбекские	100,0	0,0	–	–
Немецко-татарские	100,0	0,0	100,0	0,0
Немецко-украинские	0,0	100,0	50,0	50,0

В Алматинской области в семьях с участием лиц коренной национальности с русскими и другими этносами прослеживается та же картина, что и в предыдущих группах семей. Здесь также, за исключением уйгур, явное предпочтение молодежь отдает казахской национальности. Например, в казахско-русских семьях до 100,0% юношей и девушек осознают себя казахами. Очень

высок процент в пользу титульного этноса в казахско-татарских семьях, варьируясь от 71,4% в Коксуском районе до 100,0% в Чиликском районе. Такие же показатели наблюдаются в казахско-кыргызских и казахско-немецких семьях.

В пятой группе семей, представленных украинцами, а также корейцами с лицами других национальностей, наблюдается примерно равное соотношение юношей и девушек, избравших ту или иную национальность в Аксуском и Жалагашском районах. Этот показатель несколько колеблется в Баянаульском и Кармакчинском районах. Лишь в украинско-немецких семьях большинство молодежи осознают себя украинцами (68,3% – в Аксуском и 86,7% – в Баянаульском районе).

В группе семей, представленных браком уйгур с другими этносами, включая казахов и русских, подавляющее большинство подростков считают себя уйгурами. Например, в уйгурско-казахских семьях данный показатель составляет от 63,6 до 66,7%, а в уйгурско-татарских и уйгурско-узбекских семьях – от 62,5 до 100,0%. Это же можно сказать о уйгурско-русских семьях, где в Чиликском и Коксуском районах 100,0% молодежи относят себя к уйгурской национальности.

Такие же тенденции отмечены нами по материалам г. Алматы. Например, в межэтнических семьях русских с белорусами, украинцами и немцами в Ауэзовском, Октябрьском (Турксибском) и Фрунзенском (Медеуском) районах от 65% до 100% подростков идентифицировали себя русскими. В казахско-русских и в казахско-украинских семьях от 77,6% до 95,8% молодежи считали себя казахами, а в браках казахов с татарами, узбеками, уйгурами – до 100% [Данные формы № 1 паспортных столов Ауэзовского, Октябрьского и Фрунзенского РОВД Алматинской области, 1989-1990].

Таким образом, в выборе подростками своей национальной принадлежности наблюдается определенная закономерность. Межэтнические процессы в указанном регионе протекают в трех направлениях, и активное участие в них принимают такие многочисленные здесь этносы, как русские и казахи.

Первое направление проявляется в значительном слиянии с русским этносом главным образом представителей восточнославянских этносов – украинцев, белорусов, а также поляков. Даже в однонациональных украинских семьях велико желание юношей и девушек определить себя русскими. В Аксуском районе

нами отмечено четыре таких случая. В смешанных семьях, где один из супругов украинец, подростки также часто записываются русскими. То же наблюдается среди подростков немецкой национальности.

Второе и третье направления связаны с интенсивным сближением татар, русских, украинцев, немцев и представителей других национальностей с казахами. Эти межэтнические процессы более заметны в моноэтнических районах, где большинство населения составляют лица казахской национальности. Однако и здесь имеются случаи, когда молодые люди, приняв национальность отца, выходят замуж или женятся на представителях русской и других национальностей.

В большинстве случаев в межэтнических семьях исследуемых нами районов и областей подростки при получении паспортов отдают свое предпочтение представителям казахской, русской и уйгурской национальностей. В свою очередь, в смешанных казахско-русских семьях большинство молодежи идентифицируют себя представителем титульного казахского этноса.

На определение национальной принадлежности молодежи в межэтнических семьях значительное влияние оказывают такие факторы, как общая направленность межэтнических процессов, сохранение или ослабление, а отчасти и утрата традиционных и этнически особенных моментов. В частности, в настоящее время наблюдается изменение традиции определять национальность по отцу.

По нашим материалам, молодежь отдает явное предпочтение национальности отца, если он русский, казах или уйгур (см. таблицы 15–16).

Например, в Баянаульском районе в русско-украинских, в русско-белорусских, русско-польских, русско-немецких семьях, где отцы русские, 100% подростков определяют себя русскими, в Акуском районе – от 92,3 до 100%. В Чиликском и Кокуском районах Алматинской области это соотношение колеблется в пределах 50,0–100,0%. Высокая тенденция в определении себя русскими в идентичных семьях характерна и для других регионов бывшего СССР, включая республики Поволжья [Титова, 1999; Воронцов, 1999]. Аналогичные процессы отмечены исследователями по Казахстану и для тех юношей и девушек, которые идентифицируют себя с казахами [Баудиярова, 2005; Otarbaeva, 1998; Crowe, 1998].

Таблица 15

**Соотношение совпадения национальности подростков
с национальностью отца и матери в межэтнических семьях
Павлодарской области (в % к общему числу случаев в данном сочетании
национальностей) [Данные формы № 1 паспортных столов Баянаульского
и Аксуского РОВД Павлодарской области, 1979-1981]**

Национальность		Баянаульский район		Ермаковский район	
Отец	мать	избранная национальность		избранная национальность	
I	II	I	II	I	II
Казах	Русская	96,8	3,2	87,3	12,7
Казах	Татарка	97,9	2,1	100,0	0,0
Казах	Немка	100,0	0,0	87,5	12,5
Казах	Украинка	90,9	9,1	83,3	16,7
Русский	Украинка	100,0	0,0	96,0	4,0
Украинец	Русская	46,9	55,1	52,3	47,7
Русский	Белоруска	100,0	0,0	100,0	0,0
Белорус	Русская	14,3	85,7	53,8	46,2
Русский	Полька	100,0	0,0	100,0	0,0
Поляк	Русская	50,0	50,0	40,0	60,0
Русский	Немка	100,0	0,0	97,8	2,2
Немец	Русская	23,1	76,9	51,0	49,0
Русский	Молдаванка	100,0	0,0	92,3	7,7
Молдаванин	Русская	90,9	9,1	59,4	40,6
Русский	Татарка	–	–	100,0	0,0
Татарин	Русская	77,3	27,7	58,3	41,7
Украинец	Белоруска	100,0	0,0	100,0	0,0
Белорус	Украинка	100,0	0,0	73,3	26,7
Украинец	Полька	100,0	0,0	–	–
Поляк	Украинка	–	–	66,7	33,3
Украинец	Немка	100,0	0,0	86,4	13,6
Немец	Украинка	40,0	60,0	52,6	47,4
Украинец	Молдаванка	–	–	100,0	–
Молдаванин	Украинка	–	–	100,0	–

Таблица 16

**Соотношение совпадения национальности подростков
с национальностью отца и матери в межэтнических семьях
Алматинской области (в % к общему числу случаев
в данном сочетании национальностей)**

**[Данные формы № 1 паспортных столов
Баянаульского и Аксуского РОВД Павлодарской области, 1979-1981]**

Национальность		Чиликский район		Коксуский район	
отец	мать	избранная национальность		избранная национальность	
И	II	И	II	И	II
Казах	Русская	100,0	0,0	100,0	0,0
Казах	Татарка	100,0	0,0	100,0	0,0
Татарин	Казашка	–	–	100,0	0,0
Казах	Уйгурка	100,0	0,0	–	–
Уйгур	Казашка	87,5	12,5	100,0	0,0
Казах	Немка	–	–	100,0	0,0
Казах	Кыргызка	50,0	50,0	–	–
Русский	Украинка	100,0	0,0	66,7	33,3
Украинец	Русская	25,0	75,0	0,0	100,0
Русский	Немка	80,0	20,0	50,0	50,0
Немец	Русская	33,3	66,7	66,7	33,3
Уйгур	Русская	100,0	0,0	100,0	0,0
Русский	Татарка	100,0	0,0	–	–
Татарин	Русская	0,0	100,0	–	–
		23,1	76,9	51,0	49,0
Уйгур	Татарка	100,0	0,0	–	–
Татарин	Уйгурка	100,0	0,0	–	–
Уйгур	Узбечка	71,4	28,6	–	–
Узбек	Уйгурка	–	100,0	–	–
Немец	Украинка	0,0	100,0	50,0	50,0

В Алматинской области отдают предпочтение национальности отца и при браках уйгур с представителями других этносов: с казашками (от 87,5 до 100,0%), узбечками (71,4%), русскими и татарами (100,0%). Это же можно сказать о браках украинцев с представителями других национальностей, за исключением русских и казахов. В украинско-белорусских и украинско-польских семьях до 100% молодежи выбирают национальность отца. Слабо выражено стремление выбрать немецкую национальность в национально-смешанных семьях с участием немцев. Так, в немецко-русских, немецко-украинских семьях: только 23,1 и 40,0% осознают себя немцами в Баянаульском районе, а в Аксуском районе это соотношение равномерно. Если взять лиц казахской национальности, то в Баянаульском районе традиция определять свою национальность по отцу устойчиво держится: при браке с русскими – 96,8%, татарами – 97,9%, украинцами – 90,9%, немцами – 100% подростков считают себя казахами. В Алатауском районе г. Алматы, где достаточно компактно представлено казахское население, в супружеских парах казахов с кореянками (50,8%), русскими (77,5%), уйгурками, узбечками и татарами до 100% подростков также осознавали себя казахами.

Стремление определять национальность по отцу сильнее проявляется в районах, где преобладает казахское население. В районах смешанного расселения процент таких подростков несколько ниже. Так, в Аксуском районе этот показатель составляет 83,3% в казахско-украинских семьях, 90% – в казахско-русских и казахско-немецких семьях. Это и понятно, так как в районе этническая ситуация иная, здесь межэтнические процессы выражены ярче, традиции в национальных установках несколько снижаются.

Определение этнической принадлежности подростков по национальности матери прослеживается достаточно зримо в таких межэтнических семьях, где женщина принадлежит русской национальности. Например, при браках с белорусами, немцами и татарами до 100,0% молодежи в Кармакчинском районе определили себя русскими. В Баянаульском районе в супружеских союзах русских с украинцами, белорусами, поляками, немцами, соответственно, 53,1 – 85,7 – 50,0 – 76,9% молодежи относят себя к русским. Такие же показатели мы имеем по Чиликскому и Коксускому районам Алматинской области. В Ауэзовском, Туркисибском и Медеуском районах г. Алматы при браках русских с

белорусами, немцами, татарами до 100% молодежи в названных районах г. Алматы определили себя русскими. Равное соотношение наблюдалось в национально-смешанных семьях, с участием корейнок. При браках корейнок с татарами, русскими и казахами соответственно 38,7 – 43,6 – 56,0% молодежи придерживались национальности матери.

Несколько ниже этот процент в Аксуском районе, соответственно 47,7 – 46,2 – 60,0 и 49,0%. В Центральном Казахстане национальность матери взяли 31,9% подростков [Кауанова, 1982, с.87]. Равное соотношение наблюдается в национально-смешанных семьях с участием корейнок. В таких семьях корейнок с татарами, русскими и казахами соответственно 38,7 – 43,6 – 50,0% молодежи придерживались национальности матери. Идентичная ситуация отмечена исследователями и в отношении корейских подростков в Жетысу [Тен, 2003].

В отношении этнической идентификации по национальности матери в семьях других этносов встречается редко. Самый низкий показатель наблюдается в смешанных семьях, где мать немка. В Аксуском районе в русско-немецких семьях он составляет 2,2%, в казахско-немецких – 12,5%, в украинско-немецких – 13,6%. Аналогичных данных о смешанных семьях, где мать казашка, мы не имеем, поскольку последние относительно редко вступают в идентичные браки.

Имеются случаи, когда юноши и девушки из одной межэтнической семьи относят себя к представителям разных этносов: один из подростков записывается по национальности отца, другой – по национальности матери. Это характерно для украинско-русских семей и встречается в казахско-русских семьях. В частности, в одной украинско-русской семье в Аксуском районе четыре подростка взяли национальность отца, а один – матери. В другой семье, русско-казахской, только один из них выбрал национальность отца, а трое определили себя русскими, по национальности матери. В Баянаульском районе молодые люди из аналогичных семей, взяв казахскую национальность, выходили замуж или женились на русских.

Рассматриваемые этнические процессы оказывают определенное влияние на численность малых этносов – украинцев, белорусов, поляков, немцев, татар, представители которых, вступая в аналогичные браки с более многочисленными русскими или ка-

захами, во многом утрачивают свою этническую идентичность во втором поколении, конечной стадией которого является этническая ассимиляция.

Наши материалы показывают определенную зависимость между направленностью этнических процессов и степенью расхождения при выборе юношами и девушками своей этнической принадлежности по линии отца или матери. Там, где этническая ассимиляция выражена сильнее во втором поколении, показатели эти сильно колеблются, а в тех семьях, где она выражена менее, расхождения незначительные. Названные показатели еще раз подтверждают ту закономерность, что в выборе молодежью той или иной национальности родителей важную роль играют свобода выбора, интенсивность и общая направленность этнических процессов.

Рассмотренный материал дает нам возможность сделать следующие выводы:

1. Казахский и русский этносы не испытывают этнической модификации и развиваются как довольно устойчивые этнические единицы.

2. Представители других этносов (украинцы, белорусы, поляки, немцы, татары и др.) активно сближаются с вышеназванными этносами.

3. Ассимиляционные процессы происходят в основном у тех этносов, для которых характерны близость языковых и культурно-бытовых параметров, например русских с другими славянскими народами, казахов – с тюркскими.

4. Наблюдается ослабление этнических признаков у украинцев, белорусов, поляков и немцев, второе поколение которых утрачивает язык своих родителей и владеет только русским языком. Нередко в украинско-белорусских и других смешанных семьях, а также в однонациональных (украинских, белорусских) подростки связывают свою этническую принадлежность с русской национальностью.

Литература

1. Шаукенова З.К. Социальное взаимодействие этносов в современном казахстанском обществе. – Астана: Парламент РК, 2002. – 128 с.
2. Попов Н. Национальные проблемы в общественном мнении // Национальные проблемы в государственной политике Казахстана: по материалам казахстанской и российской прессы / Вып. 3. – М., 1998. – С.149-152.
3. Сванберг И. Казахские беженцы в Турции // Казахская диаспора: проблемы этнического выживания. – Алматы: Атамура, 1997. – С.86–222.
4. Борзых Н.П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов // СЭ. – 1984. – № 3. – С.101-112.
5. Население СССР. Справочник. – М.: Политиздат, 1983. – 228 с.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Алма-Ата: Респ. инф.-изд. центр, 1992. – Т. II. – 371 с.
7. Домохозяйства Республики Казахстан. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический справочник. – Ч. 3. – Алматы: Казстатинформ, 2001. – 292 с.
8. Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР: (Историко-социологический очерк межнациональных отношений). – М.: Мысль, 1981. – 263 с.
9. Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. – 2-е изд. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.
10. Прманов А.Б., Қалышев А.Б. Қызылорда облысындағы әр ұлтты семьялардың жасөспірімдерінің ұлтын анықтау // Қазақ ССР Ғылым Академиясының Хабарлары. Қоғамдық ғылымдар сериясы. – 1983. – № 4. – 48-52 бб.
11. Қазақстанның демографиялық жылнамалығы. Статистикалық жинақ = Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. – Астана: ҚР Статистика агенттігі, 2011. – 592 б.
12. Қазақстанның этнодемографиялық жылнамасы. Статистикалық жинақ = Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. – Алматы: ҚР Статистика агенттігі, 2006. – 440 б.
13. Қазақстанның демографиялық жылнамасы. Статистикалық жинақ = Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. – Алматы: ҚР Статистика агенттігі, 2007. – 389 б.
14. Қазақстанның демографиялық жылнамасы. Статистикалық жинақ = Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. – Алматы: ҚР Статистика агенттігі, 2005. – 284 б.
15. Галимова А.К. Современная сельская семья казахов Северного Казахстана (этносоциологическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – 30 с.
16. Галимова А.К. Современная сельская семья казахов Северного Казахстана (этносоциологическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – 30 с.
17. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. – М.: Наука, 1987. – 142 с.

18. Абдуллаев У.С. Изучение однонациональных и национально-смешанных семей в сельской местности Андижанской области Узб.ССР // Новое в этнографии. – М., 1989. – Вып.1. – С. 85-90.
19. Архив Мангистауского областного ЗАГСа, 1966-1990.
20. Архив Жамбылского областного ЗАГСа, 1960-1990 гг.
21. Столярова Г.Р. Национально-смешанные семьи в сельских районах ТатАССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 24 с.
22. Мархинин В.В, Удалова И.В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации: По материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Ханты-Мансийского, Октябрьского и Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 235 с.
23. Гайнер М., Ашкинази Л. Зависимость вероятности вступления в брак от национальности партнеров// Рос. демограф. журн.= J.of demography of Russia. – М., 1998. – № 2. – С.64-65.
24. Данные формы № 1 паспортных столов Баянаульского и Аксуского РОВД Павлодарской области, 1979-1981.
25. Данные формы № 1 паспортных столов Жалагашского и Кармакчинского РОВД Кызылординской области, 1979-1981.
26. Данные формы № 1 паспортных столов Чиликского и Коксуского РОВД Алматинской области, 1981-1983.
27. Данные формы № 1 паспортных столов Ауэзовского, Октябрьского и Фрунзенского РОВД Алматинской области, 1989-1990.
28. Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. – Казань: Форт-Диалог, 1999. – 163 с.
29. Воронцов В. Проблемы национального самоопределения подростков из этнически смешанных семей в Удмуртии // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1999. – № 1. – С. 140-143.
30. Баудиярова Қ.Б. Ұлтаралас некедегі ажырасу себептері және ондағы балалардың ұлтын таңдауы // Қазақстан және қазіргі әлем мәселесі: Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары. – Алматы, 2005. – 16-20 бб.
31. Otarbaeva V. Evolution of ethnic identity of Quazaq people // Eurasian studies. – 1998. – № 13. – P. 33-43.
32. Кауанова Х.А. Образ жизни и быт рабочих семей (на материалах Казахстана). – Алма-Ата: Наука, 1982. – 168 с.
33. Тен В.А. О культурной ассимиляции и этническом самосознании подростков немецкого и корейского происхождения в Казахстане // Немцы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 2003. – С.129-131.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1

**Национально-смешанные браки в Павлодарской области
в 1966-1986 гг. [Архив Павлодарского областного ЗАГСа, 1966-1986]**

Год	Баянаульский район			Аксуский район			Иртышский район			Щербактинский район		
	всего браков	из них смешанных		всего браков	из них смешанных		всего браков	из них смешанных		всего браков	из них смешанных	
		число	%		число	%		число	%		число	%
1966	344	98	28,5	337	133	39,5	404	187	46,3	305	118	38,7
1967	314	89	28,3	351	163	46,4	369	146	39,6	307	139	45,3
1968	303	59	19,5	250	87	34,8	361	147	40,7	313	125	39,9
1969	340	90	26,5	235	89	37,9	396	154	38,9	320	136	42,5
1970	318	73	23,0	282	95	33,7	440	174	39,6	369	155	42,0
1966-1970	1619	409	25,3	1455	567	39,0	1970	808	41,0	1614	673	41,7
1971	271	61	22,5	256	98	38,3	422	171	40,5	380	156	41,1
1972	278	54	19,4	236	94	39,8	414	174	42,0	361	142	39,3
1973	332	54	16,3	305	115	37,7	425	173	40,7	405	162	40,0
1974	348	70	20,1	318	118	37,1	454	191	42,1	387	166	42,9
1975	337	62	18,4	316	117	37,0	438	172	39,3	352	156	44,3
1976	295	49	16,6	244	87	35,7	428	160	37,4	351	156	44,4
1977	328	66	20,1	266	102	38,4	407	171	42,0	373	180	48,3
1978	341	69	20,2	301	110	36,5	460	182	39,6	346	139	40,2
1979	348	71	20,4	287	115	40,0	501	199	39,7	358	137	38,3
1980	404	75	18,6	367	150	40,9	500	203	40,6	458	188	42,9
1971-1980	3282	631	19,2	2896	1106	38,2	4449	1796	40,4	3771	1582	42,0
1981	328	58	17,7	370	143	38,6	495	176	35,6	425	208	48,9
1982	393	74	18,8	305	127	41,6	471	180	38,2	381	181	47,5
1983	327	58	17,7	311	123	39,6	461	172	37,3	418	169	40,4
1984	368	61	16,6	293	99	33,8	439	163	37,1	373	139	37,3
1985	359	56	15,6	333	131	39,3	487	183	37,6	349	132	37,8
1986	350	51	14,6	315	109	34,6	438	133	30,4	358	151	42,2
1966-1986	7027	1398	19,9	6278	2405	38,3	9210	3611	39,2	7669	3235	42,2

Таблица 2

**Национально-смешанные браки в Костанайской области
в 1966-1990 гг. [Архив Костанайского областного ЗАГСа, 1966-1990]**

Год	Нурзумский район			Аулиекольский		
	всего браков	из них смешанных		всего браков	из них смешанных	
		число	%		число	%
1966	143	39	27,3	562	210	37,4
1967	157	48	30,6	565	207	36,6
1968	160	45	28,1	515	211	41,0
1969	137	40	29,2	534	219	41,0
1970	185	57	30,8	581	244	42,0
1966-1970	782	229	29,3	2757	1091	39,6
1971	143	41	28,7	534	203	38,0
1972	162	34	21,0	540	231	42,8
1973	158	35	22,2	583	250	42,9
1974	186	55	29,6	544	242	44,5
1975	182	60	33,0	602	254	42,2
1976	201	44	22,0	569	252	44,3
1977	168	48	28,6	603	229	38,0
1978	206	55	26,7	651	298	45,8
1979	217	55	25,3	699	259	37,1
1980	144	46	31,9	712	309	43,4
1971-1980	1767	473	26,8	6037	2527	41,9
1981	232	70	30,2	490	188	38,4
1982	186	62	33,3	692	311	44,9
1983	218	67	30,7	678	273	40,3
1984	245	85	34,7	630	292	46,3
1985	246	66	26,8	591	256	43,3
1986	253	75	29,6	842	285	33,8
1987	237	64	27,0	571	233	40,8
1988	244	69	28,3	728	291	40,0
1989	261	71	27,2	694	274	39,5
1990	258	68	26,4	631	243	38,5
1981-1990	2380	697	29,3	6547	2676	40,4
1960-1990	4929	1399	28,4	15341	6294	41,0

Таблица 3

**Национально-смешанные браки в г. Жанаозен
Мангистауской области в 1966-1990 гг.
[Архив Мангистауского областного ЗАГСа, 1966-1990]**

Годы	Всего браков	В том числе		
		однонациональные	национально-смешанные	в %
1966	65	48	17	26,2
1967	143	88	55	38,5
1968	235	126	109	46,4
1969	234	155	79	33,8
1970	297	215	82	27,6
1966-1970	974	632	342	35,1
1971	249	171	78	31,3
1972	298	208	90	30,2
1973	362	260	102	28,2
1974	393	270	123	31,3
1975	375	270	105	28,0
1976	355	258	97	27,3
1977	405	309	96	23,7
1978	454	366	88	19,4
1979	558	402	156	27,9
1980	461	372	89	19,3
1971-1980	3910	2886	1024	26,2
1981	454	364	90	19,8
1982	510	417	93	18,2
1983	540	450	90	16,7
1984	530	424	106	20,0
1985	506	410	96	19,0
1986	492	399	93	18,9
1987	507	425	82	16,2
1988	477	397	80	16,8
1989	500	445	55	11,0
1990	568	501	67	11,8
1981-1990	5084	4232	852	16,8
1966-1990	9968	7750	2218	22,2

Таблица 4

Сведения о заключении однонациональных и национально-смешанных семей в Южно-Казахстанской области в 1960-1996 гг. [Архив Южно-Казахстанского областного ЗАГСа, 1966-1996]

Год	Туркестанский район			г.Туркестан		
	всего браков	из них этнически-смешанных		всего браков	из них этнически-смешанных	
		число	%		число	%
1960	504	17	3,4	548	65	11,9
1961	496	28	5,7	498	82	16,5
1962	457	26	5,7	361	55	15,2
1963	450	21	4,7	330	56	17,0
1964	317	19	5,9	308	44	14,3
1965	379	24	6,3	299	53	17,7
1966	345	21	6,1	376	65	17,3
1967	318	21	6,6	339	54	15,9
1968	314	16	5,1	398	69	17,3
1969	403	32	7,9	301	55	18,3
1970	461	41	8,9	344	53	15,4
1960-1970	4444	266	6,0	4102	651	15,9
1971	447	36	8,1	325	46	14,2
1972	499	38	7,6	392	56	14,3
1973	571	32	5,6	352	35	9,9
1974	550	22	4,0	468	48	10,3
1975	640	25	3,9	548	46	8,4
1976	523	35	6,7	589	40	6,8
1977	554	22	4,0	466	43	9,2
1978	543	33	6,1	485	39	8,0
1979	580	38	6,6	643	59	9,2
1980	644	46	7,1	654	51	7,8
1971-1980	5551	327	5,9	4922	463	9,4
1981	646	45	7,0	568	66	11,6
1982	682	30	4,4	683	77	11,3

Продолжение таблицы 4

Год	Туркестанский район			г.Туркестан		
	всего браков	из них этнически-смешанных		всего браков	из них этнически-смешанных	
		число	%		число	%
1983	736	55	7,5	671	79	11,8
1984	705	39	5,5	644	64	9,9
1985	809	48	5,9	630	42	6,7
1986	718	40	5,6	676	46	6,8
1987	770	38	4,9	729	71	9,7
1988	645	30	4,7	735	53	7,2
1989	762	33	4,3	636	52	8,2
1990	901	46	5,1	724	58	8,0
1981-1990	7374	404	5,5	6696	608	9,1
1991	808	39	4,8	715	57	8,0
1992	849	33	3,9	697	45	6,5
1993	905	34	3,8	661	47	7,1
1994	828	15	1,8	596	34	5,7
1995	804	21	2,6	571	28	4,9
1996	813	27	3,3	580	25	4,3
1991-1996	5007	169	3,4	3820	236	6,2
1960-1996	22376	1166	5,2	19540	1958	10,0

Таблица 5

**Национально-смешанные браки в Меркенском районе
Жамбылской области в 1960-1990 гг.
[Архив Жамбылского областного ЗАГСа, 1960-1990]**

Годы	Всего браков	В том числе		
		однонацио- нальные	национально- смешанные	в %
1960	793	629	164	20,7
1961	553	452	101	18,3
1962	494	414	80	16,2
1963	519	426	93	17,9
1964	419	325	94	22,4
1965	456	366	90	19,7
1966	405	325	80	19,8
1967	399	311	88	22,1
1968	366	301	65	17,8
1969	418	329	89	21,3
1970	464	374	90	19,4
1966-1970	5286	4252	1034	19,6
1971	555	422	133	24,0
1972	520	398	122	23,5
1973	639	483	156	24,4
1974	556	422	134	24,1
1975	695	504	191	27,5
1976	629	494	135	21,5
1977	446	343	103	23,1
1978	697	543	154	22,1
1979	573	457	116	20,2
1980	670	554	144	21,5
1971-1980	5980	4620	1388	23,2
1981	591	487	104	17,6
1982	565	431	134	23,7
1983	549	432	117	21,3
1984	548	432	116	21,2
1985	466	392	73	15,7
1986	822	639	183	22,3
1987	646	507	139	21,5
1988	619	518	101	16,3
1989	663	519	144	21,7
1990	651	524	127	19,5
1981-1990	6120	4882	1238	20,2
1966-1990	17386	13754	3660	21,1

Таблица 6

**Сведения о заключении однонациональных и
национально-смешанных семей в Жетысу в 1960-1980 гг.
[Архив Алматинского областного ЗАГСа, 1960-1980].**

Год	Алматинская область								
	Чиликский район			Кегенский район			Коксуский район		
	всего бра-ков	из них этнически смешанных		всего бра-ков	из них этнически смешанных		всего бра-ков	из них этнически смешанных	
		число	%		число	%		число	%
1960	443	32	7,2	391	26	6,6	320	46	14,4
1961	558	69	12,4	302	14	4,6	338	50	14,8
1962	430	57	13,3	341	22	6,5	395	68	17,2
1963	473	49	10,4	280	15	5,4	387	54	14,0
1964	560	46	8,2	403	14	3,5	544	60	11,0
1965	524	73	13,9	442	13	2,9	447	55	12,3
1966	414	54	13,0	291	6	2,1	353	48	13,6
1967	466	55	11,8	263	11	4,2	327	53	16,2
1968	448	56	12,5	276	11	3,9	325	53	16,3
1969	443	55	12,4	222	9	4,1	338	51	15,1
1970	387	77	19,9	237	6	2,5	307	79	19,9
1960-1970	5146	623	12,1	3448	147	4,3	4081	617	15,2
1971	464	64	13,8	281	7	2,5	356	67	18,8
1972	431	66	15,3	270	8	2,9	387	78	20,2
1973	507	74	14,6	279	5	1,8	427	86	20,1
1974	541	78	14,4	290	3	1,0	451	79	17,5
1975	624	76	12,2	393	7	1,8	402	86	21,4
1976	606	81	13,4	315	10	3,2	421	88	20,9
1977	736	91	12,4	350	7	2,0	429	70	16,3
1978	759	65	8,6	368	3	0,8	501	88	17,6
1979	710	76	10,7	378	8	2,1	488	79	16,2
1980	649	69	10,6	387	3	0,7	476	90	18,9
1970-1980	6027	740	12,3	3311	61	1,8	4338	811	18,7
1960-1980	11173	1363	12,2	6759	208	3,1	8419	1428	17,0

Таблица 7

**Этническая структура национально-смешанных браков
в Павлодарской области (%)
[Архив Павлодарского областного ЗАГСа, 1966-1986]**

Национальность и пол	Баянаульский район						Аксуский район					
	казахи	русские	украинцы	немцы	татары	белорусы	казахи	русские	украинцы	немцы	татары	белорусы
Казахи	-	31,8	12,9	9,2	25,8	2,8	-	32,6	9,3	8,8	28,8	0,4
мужчины	-	33,9	11,1	7,0	26,3	2,9	-	35,7	9,7	9,1	25,3	0,7
женщины	-	23,9	19,6	17,4	23,9	2,2	-	26,0	8,2	8,2	32,9	-
русские	6,9	-	31,8	38,3	3,9	6,1	4,2	-	40,9	29,7	3,3	7,8
мужчины	2,4	-	34,6	39,3	3,8	6,4	2,2	-	43,2	31,1	3,0	7,4
женщины	10,7	-	29,4	37,4	3,9	5,7	6,0	-	38,7	28,3	3,6	8,2
украинцы	5,7	65,8	-	13,9	2,7	3,5	2,0	68,7	-	14,0	1,9	4,3
мужчины	3,7	65,7	-	14,0	2,9	3,3	1,2	68,1	-	16,8	2,3	4,2
женщины	7,7	65,9	-	13,8	2,4	3,7	2,8	69,2	-	11,3	1,5	4,3
немцы	3,8	73,1	12,9	-	0,9	2,3	2,5	66,6	18,7	-	1,3	3,6
мужчины	3,0	74,8	12,6	-	1,5	1,7	71,7	71,9	16,7	-	0,8	2,5
женщины	4,7	71,3	13,2	-	0,4	2,7	2,7	50,8	16,6	-	1,3	3,6
татары	42,4	29,5	9,8	3,8	-	3,0	35,0	32,8	11,1	5,6	-	1,7
мужчины	22,9	43,8	12,5	2,1	-	4,2	28,9	39,8	9,6	8,4	-	1,2
женщины	53,6	21,4	8,3	3,8	-	2,4	40,2	26,8	12,4	3,1	-	2,1
белорусы	5,4	54,5	15,2	10,7	3,6	-	0,4	61,3	20,0	12,4	1,3	-
мужчины	1,3	56,4	16,4	12,7	3,6	-	-	60,0	18,4	15,2	1,6	-
Женщины	8,8	52,6	14,0	8,8	3,5	-	1,0	63,0	22,0	9,0	1,0	-
	Иртышский район						Щербактинский район					
Казахи	-	26,0	11,7	12,1	31,8	3,6	-	34,3	8,9	8,5	29,6	0,5
мужчины	-	27,2	13,3	12,7	31,5	2,4	-	37,5	10,6	11,8	27,0	0,7
женщины	-	22,4	6,9	10,3	32,8	6,9	-	26,2	4,9	-	36,1	-
русские	2,2	-	52,5	29,6	1,5	4,5	3,1	-	52,5	34,7	1,6	2,3
мужчины	1,0	-	53,7	29,2	1,4	4,0	1,3	-	51,1	36,5	1,8	3,4
женщины	3,5	-	51,3	29,9	1,6	5,0	5,1	-	54,1	32,6	1,3	1,2

Националь- ность и пол	Баянаульский район						Аксуский район					
	каза- хи	рус- ские	укра- инцы	нем- цы	тата- ры	бело- русы	каза- хи	рус- ские	укра- инцы	нем- цы	тата- ры	бело- русы
украинцы	1,3	68,9	-	20,7	0,5	3,1	1,0	67,0	-	24,3	1,2	3,7
<i>мужчины</i>	0,4	69,4	-	21,7	0,6	2,6	0,3	66,0	-	25,5	1,3	4,2
<i>женщины</i>	2,1	68,4	-	19,7	0,4	3,5	1,7	66,0	-	23,1	1,0	3,1
немцы	2,0	56,0	29,8	-	1,1	3,1	1,3	61,0	33,5	-	0,9	0,9
<i>мужчины</i>	0,9	57,0	29,7	-	1,3	2,8	-	60,1	36,3	-	0,8	0,7
<i>женщины</i>	3,0	55,1	30,0	-	0,9	3,4	2,4	61,8	31,2	-	0,9	1,1
татары	48,0	26,0	6,7	10,0	-	2,0	44,7	27,0	15,6	8,5	-	-
<i>мужчины</i>	33,3	36,8	7,0	10,5	-	1,8	40,0	27,3	18,2	12,7	-	-
<i>женщины</i>	55,9	19,4	6,5	9,7	-	2,2	47,7	26,7	14,0	5,8	-	-
белорусы	3,3	49,0	25,3	17,0	1,2	-	0,7	38,9	47,9	8,8	-	-
<i>мужчины</i>	3,0	48,1	26,7	16,3	1,5	-	-	25,5	58,8	15,7	-	-
<i>женщины</i>	3,7	50,0	23,6	17,9	0,9	-	1,2	49,4	44,8	4,6	-	-

Таблица 8

**Этническая структура национально-смешанных браков
в Наурзумском районе Костанайской области (%)
[Архив Костанайского областного ЗАГСа, 1966-1990]**

Националь- ность и пол	Национальности жениха и невесты, %					
	казахи	русские	украинцы	немцы	татары	белорусы
Казахи	-	24,8	8,0	2,7	25,7	7,9
<i>мужчины</i>	-	17,1	7,9	3,9	28,9	7,8
<i>женщины</i>	-	40,5	8,1	0,0	18,9	8,1
Русские	3,7	-	49,0	11,9	5,7	14,3
<i>мужчины</i>	4,1	-	48,5	14,3	6,9	13,5
<i>женщины</i>	3,2	-	49,4	9,7	4,7	15,1
Украинцы	1,5	63,9	-	10,1	4,1	11,4
<i>мужчины</i>	1,0	65,8	-	8,3	4,3	9,9
<i>женщины</i>	2,1	61,9	-	12,0	3,9	13,0
Немцы	1,6	48,9	31,7	-	2,2	5,9
<i>мужчины</i>	0,0	46,4	40,4	-	3,6	4,8

Националь- ность и пол	Национальности жениха и невесты, %					
	казахи	русские	украинцы	немцы	татары	белорусы
<i>женщины</i>	2,9	50,9	24,5	–	1,0	6,9
Татары	19,5	29,7	16,2	2,7	–	4,0
<i>мужчины</i>	12,1	32,7	18,9	1,7	–	1,7
<i>женщины</i>	24,4	27,7	14,4	3,3	–	5,6
Белорусы	4,0	48,5	29,5	4,8	2,6	–
<i>мужчины</i>	2,4	49,1	29,8	5,6	4,0	–
<i>женщины</i>	5,8	47,5	29,1	3,9	9,7	–

Таблица 9

**Этническая структура национально-смешанных браков
в г. Жанаозен Мангистауской области
[Архив Мангистауского областного ЗАГСа, 1966-1990]**

Националь- ность и пол	Национальность жениха и невесты, %					
	казахи	русские	украинцы	татары	немцы	лезгины
Казахи	–	40,2	4,6	20,1	1,0	4,6
<i>мужчины</i>	–	55,7	6,8	21,6	2,3	0,0
<i>женщины</i>	–	27,4	2,8	18,9	0,0	8,5
Русские	4,9	–	31,9	11,9	3,8	4,4
<i>мужчины</i>	5,2	–	39,2	16,6	6,1	0,9
<i>женщины</i>	4,8	–	27,9	9,2	2,6	6,3
Украинцы	1,5	83,0	–	3,3	1,0	0,5
<i>мужчины</i>	0,9	87,4	–	3,1	1,2	0,3
<i>женщины</i>	2,1	77,9	–	3,6	0,7	0,7
Татары	10,6	10,6	5,4	–	1,1	1,6
<i>мужчины</i>	12,1	11,5	6,1	–	1,2	0,6
<i>женщины</i>	9,4	9,9	4,9	–	1,1	3,0
Немцы	2,3	69,0	6,9	4,6	–	2,3
<i>мужчины</i>	0,0	65,0	5,0	5,0	–	0,0
<i>женщины</i>	4,3	72,3	8,5	72,3	–	4,3
Лезгины	5,9	45,4	2,0	3,9	1,3	–
<i>мужчины</i>	7,9	56,1	1,8	4,4	1,8	–
<i>женщины</i>	0,0	13,2	2,3	2,6	0,0	–

Таблица 10

**Этническая структура национально-смешанных браков
в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области,
1960-1996 гг., в %**

[Архив Южно-Казахстанского областного ЗАГСа, 1966-1996]

Националь- ность и пол	Национальности жениха и невесты, %								
	каза- хи	узбе- ки	рус- ские	тата- ры	азер- байд- жане	укра- инцы	уйгу- ры	нем- цы	тад- жики
Казахи	–	91,6	1,0	3,7	0,1	0,2	0,2	0,0	0,2
<i>мужчины</i>	–	86,1	1,8	5,8	0,0	0,4	0,0	0,0	0,2 0,2
<i>женщины</i>	–	96,8	0,2	1,7	0,2	0,0	0,5	0,0	
Узбеки	80,7	–	4,6	5,4	1,0	0,4	4,4	0,2	2,6
<i>мужчины</i>	75,4	–	7,2	7,4	1,3	0,5	6,0	0,3	1,6
<i>женщины</i>	88,1	–	0,9	2,5	0,5	0,2	0,0	0,0	3,9
Русские	6,6	35,3	–	13,2	0,0	16,2	0,0	6,6	0,0
<i>мужчины</i>	3,3	13,3	–	16,7	0,0	26,7	0,0	10,0	0,0
<i>женщины</i>	7,6	41,5	–	12,3	0,0	13,2	0,0	5,7	0,0
Татары	25,8	42,4	13,6	–	0,0	1,5	0,0	0,0	0,0
<i>мужчины</i>	17,4	23,9	28,3	–	0,0	4,4	0,0	0,0	0,0
<i>женщины</i>	30,2	52,3	5,8	–	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Азерб-цы	7,2	71,4	0,0	0,0	–	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>мужчины</i>	16,7	33,3	0,0	0,0	–	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>женщины</i>	0,0	100,0	0,0	0,0	–	0,0	0,0	0,0	0,0
Украинцы	5,7	11,4	62,9	5,7	0,0	–	0,0	5,7	0,0
<i>мужчины</i>	0,0	6,7	93,3	0,0	0,0	–	0,0	0,0	0,0
<i>женщины</i>	10,0	15,0	40,0	10,0	0,0	–	0,0	10,0	0,0
Уйгуры	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–	0,0	0,0
<i>мужчины</i>	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–	0,0	0,0
<i>женщины</i>	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–	0,0	0,0
Немцы	0,0	12,5	56,3	0,0	0,0	12,5	0,0	–	0,0
<i>мужчины</i>	0,0	0,0	66,7	0,0	0,0	22,2	0,0	–	0,0
<i>женщины</i>	0,0	28,6	42,9	0,0	0,0	0,0	0,0	–	0,0
Таджики	6,7	90,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–
<i>мужчины</i>	5,6	94,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–
<i>женщины</i>	8,3	83,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–

Таблица 11

**Этническая структура национально-смешанных браков
в Кызылординской области (%)
[Архив Кызылординского областного ЗАГСа, 1966-1986]**

Национальность и пол	Жалагашский район						Теренозекский район					
	казахи	русские	украинцы	татары	корейцы	белорусы	казахи	русские	украинцы	татары	корейцы	белорусы
Казахи	–	10,3	1,5	27,9	8,8	5,9	–	20,3	7,8	31,3	4,7	4,7
<i>мужчины</i>	–	10,2	1,7	32,2	8,5	6,8	–	21,9	9,1	30,9	1,8	3,6
<i>женщины</i>	–	11,1	0,0	0,0	11,1	0,0	–	11,1	0,0	33,3	7,2	11,1
Русские	9,3	–	36,0	8,0	10,7	13,3	15,3	–	38,8	5,9	3,5	11,8
<i>мужчины</i>	2,0	–	30,6	12,2	10,2	14,3	2,3	–	40,9	2,3	2,4	9,1
<i>женщины</i>	23,1	–	46,2	0,0	11,5	11,5	29,3	–	36,6	9,8	4,5	14,6
Украинцы	3,0	81,8	–	3,0	6,1	6,0	9,4	62,3	–	5,7	1,9	11,3
<i>мужчины</i>	0,0	70,6	–	5,9	11,8	6,0	0,0	71,4	–	0,0	4,8	9,5
<i>женщины</i>	6,3	93,8	–	0,0	0,0	6,0	15,6	56,3	–	9,4	0,0	12,5
Корейцы	30,0	40,0	10,0	15,6	–	0,0	30,0	30,0	10,0	0,0	–	10,0
<i>мужчины</i>	16,7	50,0	0,0	16,7	–	0,0	50,0	25,0	0,0	0,0	–	25,0
<i>женщины</i>	35,7	35,7	14,3	14,3	–	0,0	16,7	33,3	16,7	0,0	–	0,0

Таблица 12

**Этническая структура национально-смешанных браков
в Меркенском районе Жамбылской области, 1960-1990 гг., в %
[Архив Жамбылского областного ЗАГСа, 1960-1990]**

Националь- ность и пол	Национальности жениха и невесты, %						
	казахи	русские	украин- цы	немцы	белору- сы	татары	турки
Казахи	–	28,9	1,8	0,7	0,0	9,4	1,2
<i>мужчины</i>	–	38,5	2,3	1,1	0,0	10,3	0,6
<i>женщины</i>	–	4,7	0,5	0,0	0,0	7,2	2,4
Русские	9,3	–	49,8	27,1	3,0	3,8	0,8
<i>мужчины</i>	0,9	–	54,7	29,2	1,8	3,3	0,2
<i>женщины</i>	17,3	–	45,0	25,2	4,1	4,3	1,4
Украинцы	1,0	85,0	–	7,1	1,4	1,1	0,1
<i>мужчины</i>	0,2	84,5	–	9,1	1,6	0,7	0,0
<i>женщины</i>	1,7	85,4	–	5,3	1,2	1,4	0,2
Немцы	0,7	75,7	11,5	–	1,9	1,1	0,3
<i>мужчины</i>	0,0	80,6	10,3	–	2,4	0,9	0,6
<i>женщины</i>	1,2	71,7	12,5	–	1,5	1,2	0,0
Белорусы	0,0	61,6	17,2	14,1	–	5,1	2,0
<i>мужчины</i>	0,0	74,1	13,8	10,3	–	1,7	0,0
<i>женщины</i>	0,0	43,9	22,0	19,5	–	9,8	4,9
Татары	31,7	38,6	6,4	4,0	2,5	–	1,0
<i>мужчины</i>	17,2	51,7	10,3	5,7	4,6	–	0,0
<i>женщины</i>	42,6	28,7	3,5	2,6	0,9	–	1,7
Турки	1,8	3,8	0,2	0,4	0,0	0,4	–
<i>мужчины</i>	1,9	5,6	0,4	0,0	0,0	0,7	–
<i>женщины</i>	1,7	1,1	0,0	1,1	0,0	0,0	–

Таблица 13

**Этническая структура национально-смешанных браков
в Алматинской области, 1960-1980 гг., %
[Архив Алматинского областного ЗАГСа, 1960-1980]**

	Чиликский район					Коксуский район						
	каза- хи	рус- ские	укра- ин- цы	уйгу- ры	тата- ры	каза- хи	рус- ские	укра- ин- цы	уй- гу- ры	тата- ры	нем- цы	ко- рей- цы
Казахи	–	11,9	0,9	65,3	8,9	–	34,4	1,6	17,8	24,3	5,3	6,1
<i>мужчины</i>	–	23,7	2,0	37,7	18,1	–	43,7	1,1	7,7	25,4	5,5	6,6
<i>женщины</i>	–	0,5	0,0	91,8	0,0	–	9,1	3,0	45,5	21,2	4,6	4,6
Русские	6,5	–	35,1	8,3	6,9	7,7	–	31,0	0,5	3,6	37,9	2,8
<i>мужчины</i>	0,3	–	44,9	1,7	7,6	1,2	–	27,8	0,0	2,7	51,9	1,9
<i>женщины</i>	10,9	–	28,1	13,0	6,5	12,8	–	33,6	0,8	4,4	27,0	3,6
Украинцы	1,4	88,9	–	0,7	2,8	1,0	83,2	–	0,2	1,2	7,8	1,2
<i>мужчины</i>	0,0	93,1	–	0,0	0,0	0,9	88,1	–	0,0	1,3	6,8	0,9
<i>женщины</i>	2,6	87,2	–	1,3	5,1	1,1	76,7	–	0,6	1,1	9,1	1,7
Уйгуры	64,8	14,9	0,5	–	10,5	64,7	7,4	1,5	–	11,8	1,5	1,5
<i>мужчины</i>	60,5	17,8	0,6	–	9,9	60,0	10,0	2,0	–	14,0	2,0	0,0
<i>женщины</i>	78,9	5,3	0,0	–	12,6	77,8	0,0	0,0	–	5,6	0,0	2,0
Татары	25,0	35,4	5,6	29,9	–	44,8	29,9	3,7	6,0	–	3,7	3,0
<i>мужчины</i>	0,0	22,6	15,1	22,6	–	25,0	48,2	3,6	1,8	–	7,1	5,4
<i>женщины</i>	39,6	25,3	0,0	34,1	–	59,0	16,7	3,9	9,0	–	1,3	1,3
Немцы	–	–	–	–	–	2,6	83,1	6,4	0,2	1,0	–	1,6
<i>мужчины</i>	–	–	–	–	–	1,6	85,6	8,3	0,0	0,5	–	1,0
<i>женщины</i>	–	–	–	–	–	3,2	81,6	5,2	0,3	1,3	–	1,9
Корейцы	–	–	–	–	–	21,1	43,7	7,0	1,4	5,6	11,3	–
<i>мужчины</i>	–	–	–	–	–	7,5	55,0	7,5	2,5	2,5	15,0	–
<i>женщины</i>	–	–	–	–	–	38,7	29,0	6,5	0,0	9,7	6,5	–

ДИАСПОРА VS ИРРЕНДЕНТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Распад Советского Союза, появление на его территории новых суверенных государств, раздробление ранее единых этносов, населявших одну общую страну, ренессанс этнического самосознания, смена гражданства и лояльности к вновь возникшим государствам и многое другое стали причинами бума использования слова «диаспора». Причем, дискурс диаспоры вышел далеко за пределы научной сферы, так как не термин, а слово «диаспора» стало широко использоваться повсеместно в СМИ, культуре, общественных организациях и обиходе. Поэтому зачастую диаспорой стали называть этнические сообщества людей, которые на самом деле ею не являлись. На мой взгляд, диссонанс в диаспорном дискурсе происходил по той причине, что диаспору не различали от других этнических групп, проживающих за пределами своей исторической родины.

Ключевые слова: диаспора, ирредента, ирредентизм, сепаратизм, конфликт.

Зачастую этническую диаспору ставили и продолжают ставить в один ряд с иммигрантами только по признаку общности страны происхождения, не учитывая разницу во временном разрыве с ней.

Порой под диаспорой понимают этнические сообщества, которые на самом деле являются ирредентой, которая по одним признакам отличается от первой, а по другим – имеет с ней схожесть.

Цель настоящего доклада носит тройкий характер: во-первых, дать определения основным понятиям «диаспора» и «ирредента», показать типологические сходства и различия между этими двумя этническими группами. Во-вторых, применить хронотопный метод, учитывающий не только территориальное, но и хронологическое измерение диаспоры и ирреденты как разных, но и во многом схожих пространственно-временных моделей. И наконец, в-третьих, показать на примере стран постсоветской Центральной Азии тенденции ирредентизма и риски возникновения межэтнических конфликтов на почве территориальных споров.

Основные дефиниции: диаспора и ирредента. Два ключевых термина «диаспора» и «ирредента» не получили общепризнанного определения, дискуссии в академической среде продолжают по сей день, а исследователи предлагают разные наборы

признаков, присущие этим двум этническим группам, проживающим за пределами своей исторической родины в отрыве от материнского ядра.

Термин «диаспора» первоначально использовали в очень узком понимании, когда под ним подразумевались только классические диаспоры – еврейская и армянская. В настоящее время число этнических общностей людей, обозначаемых как «диаспора», намного увеличилось, а частота употребления этого термина существенно возросла. В связи с этим первоначальный смысл, вкладываемый в слово «диаспора», значительно изменился¹.

Контент-анализ понятия диаспоры выявил ряд схожих положений, синтез которых привел к следующему определению: *диаспора – это часть этноса, мигрировавшая в иную страну, где полностью сменяет национальную идентичность (гражданство), сохраняет этническую идентичность и приобретает диаспорную идентичность и не претендует на автохтонность.*

Понятие «ирредента»² изначально было двусмысленным и касалось оно только одной страны – Италии. Во-первых, под ирредентой понимались «неосвобожденные земли», населенные итальянцами в соседних государствах. Во-вторых, ирредентой (ирредентизмом) называли политическое движение, возникшее в Италии в конце XIX – начале XX века за присоединение пограничных земель (с частично итальянским населением), не вошедших в состав Италии при ее воссоединении.

Парадигма ирреденты (как в случае с диаспорой) существенно расширилась и теперь термин используется не только применительно к истории Италии, но и в других случаях, связанных с компактным или анклавным проживанием этнической группы в приграничном регионе со спорной территорией. В настоящее время термины «ирредента» и «ирредентизм» утратили первоначальное общее значение, они получили более точное семантическое наполнение.

---

¹ Brubaker R. The “diaspora” diaspora // *Ethnic and racial studies*. – N.Y., 2005. – Vol. 28, №1. – P. 1-19; Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // *Диаспоры*. – 1999. – № 1. – С. 8-23.

² Понятие ирредента происходит от итальянского слова *irredenta* – «неискупленная» (земля), обозначавшего политическое движение, основанное в 1878 г. М. Гарибальди, за присоединение к Итальянскому королевству пограничных территорий Австро-Венгрии с итальянским населением.

Определение ирреденты, предлагаемое мной, заключается в следующей формулировке: *ирредента – это часть этноса, разделенная от своего материнского ядра, являющегося титульной нацией соседнего государства, заявляющая о своей аборигенности на населяемой приграничной территории и выступающая за ее объединение с государством ко-этников*. Дефиниция получилась пространной, но включила в себя основные параметры, которые отличают ирреденту от диаспоры или этнических иммигрантских сообществ³.

Таким образом, сознательное групповое отношение этнической группы к населяемой территории, в частности претензии на исконность проживания или признание своего миграционного происхождения – вот наиболее существенная разница между диаспорой и ирредентой.

Территориальная дистанцированность. Во всех исследованиях диаспор подразумевается их пространственная дистанцированность от страны происхождения и материнского этноса. Расстояния могут измеряться несколькими километрами или многими тысячами миль, так как миграция может быть приграничной, трансграничной, трансконтинентальной и трансокеанской. Соответственно этническая группа, проживающая даже непосредственно у границ своей исторической родины, но не претендующая на исконность проживания на населяемой территории и не стремящаяся к воссоединению со своим этническим ядром в соседнем государстве – осознает себя диаспорой. Например, корейцы, проживающие в Хасанском районе⁴ Приморского края в непосредственной близости от российско-северокорейской границы, так же как корейцы на Гавайских островах, находящихся за несколько тысяч километров от Корейского полуострова, схожи в своем диаспорном статусе. Диаспоры обычно оторваны от своей исторической родины на значительные расстояния, что

---

³ Chazan N. Approaches to the Study of Irredentism (Introduction) // Chazan N. (ed.) Irredentism and International Politics. Boulder, 1991. P. 1–8; Пауса Э. Бараш. Ирредентизм как категория дискурса и политической практики // Вестник Российской нации. – 2012. – № 2-3. – С. 151-171.

⁴ Хасанский район, расположенный на крайнем юге Приморского края, граничит с Корейской Народно-Демократической Республикой. Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 июня 1939 г. Посъетский район переименован в Хасанский район.

лишает их основания претендовать на исконность населяемой территории.

Ирредента, как правило, проживает в непосредственной близости от материнского ядра своего этноса, являющегося субъектом соседнего государства. Близость государственной границы, длительное проживание на населяемой территории, неравноправное по сравнению с титульной нацией положение обуславливают зарождение ирредентистских настроений.

Этническое и диаспорное самосознание. Второй наиболее часто отмечаемый признак диаспоры и ирреденты – общее с материнским этносом самосознание, хотя, следует признать, что оно свойственно также и иммигрантским группам. Однако диаспора обладает своим, особым диаспорным самосознанием, отличным от этнического самосознания единокровного ядра, оставшегося на исторической родине. То есть признак «общности этнического самосознания» бесспорен для диаспоры, при параллельном наличии диаспорной идентичности.

Длительное проживание в другой стране превращает поколение иммигрантов в субэтнос, диаспору, осколок, оторванный от основного этнического ядра, с культурой, образом жизни и языком, отличающимся от оригинала. Представители такого рода субэтнотсов (диаспора) обычно имеют двойственную этническую идентичность, с сознанием принадлежности к большому этносу и сознанием принадлежности к диаспоре. В отличие от этнических групп иммигрантов, которые не уверены, будут ли они укореняться в принимающей стране, диаспоры осознают, что их жизнь и жизнь будущих поколений напрямую связаны с новой родиной.

Современные диаспоры, которые преимущественно урбанизированы, характеризуются более высокими темпами ассимиляции и вынужденным переходом от традиционного образа жизни к современному. Переход от одного этапа генезиса Диаспоры к другому, прошедшему столетия в прошлом, сейчас происходит стремительно и в ускоренном режиме в XXI веке. Сдвиг многих этнокультурных маркеров, таких как традиции, обычаи, родной язык и религия предков, будет происходить в городской и единой среде на протяжении нескольких поколений.

В случае с ирредентой, совпадение этнического самосознания с ко-тниками соседнего государства более полное, нежели чем у

диаспоры. Образно говоря, диаспора отличает себя не только от всех иных этносов, но и от своего материнского ядра, противопоставляя себя – «Мы» всем другим – «Они», включая ко-этников. Ирредента же чаще говорит «Мы», подразумевая еще не состоявшееся единство, но желаемое и возможное единение с ко-этниками соседнего государства.

Лояльность диаспоры и ирреденты к стране-реципиенту и исторической родине. Диаспора, которая глубоко пустила корни в стране проживания, ставшей ей новой родиной, и поддерживает связи со страной происхождения (исторической родиной) – имеет двойную лояльность (dual loyalty) и к первой, и ко второй родине. Причем перевес склоняется в пользу первой⁵. Ирредента всегда более лояльна к стране происхождения или иному государству, где живет этническое ядро, хотя вполне возможно, что отношение к стране проживания будет оставаться неантагонистическим до введения против нее дискриминационных или насильственных мер.

Габриэль Шеффер считает, что *«.. Еврейский народ в диаспоре и в Израиле не однороден. Он состоит из разных секторов, чья лояльность к еврейскому народу в целом и Израиля в частности, довольно четко различается. Таким образом, имеются существенные различия в этом отношении между “радикальными евреями” в диаспоре и людьми еврейского происхождения, но которые не подчеркивают свою еврейскую национальность и которые хорошо приспособлены к общинам и культурам стран, в которых они живут. Радикальные евреи проявляют лояльность к Израилю и интерес к нему, но могут и выражать критику в некоторых случаях. Евреи, которые хорошо приспособились к культурам и общинам, в которых они живут, не участвуют в местных еврейских общинах и в значительной степени не соперничают Израилю»*⁶. Это утверждение о лояльности еврейской диаспоры может быть вполне экстраполировано на ситуации с другими диаспорами.

---

⁵ Yossi Shain and Barry Bristman. Diaspora, Kinship and Loyalty: The Renewal of Jewish National Security International Affairs (Royal Institute of International Affairs). Vol. 78, No. 1 (Jan., 2002), pp. 69-95.

⁶ Gabi Sheffer. Loyalty and Criticism in the Relations between the World Jewry and Israel. For the Israeli Presidential Conference, 2011. pp.1-2.

Этническая сеть. Третьим наиболее частотным признаком диаспоры и ирреденты оказалось наличие общественных организаций для «развития данной этнической общности», «для поддержания своей идентичности и общности». Но этот признак безусловен не только для диаспоры и ирреденты, но и для иммигрантской, зарубежной земляческой общины.

Однако для диаспорной среды характерна более широкая сеть общественных организаций, профессиональных обществ, союзов бизнесменов, творческих ассоциаций, средств массовых информационных, религиозных институтов, учреждений образования и культуры, которые могут частично финансироваться как правительством страны проживания, так и исторической родиной. Эмбриональная стадия институционализации, начавшись в иммигрантской среде, получает завершенное оформление в диаспоре. При этом диаспорные социальные институты не претендуют на то, чтобы стать государственными или правительственными органами, оставаясь общественными объединениями⁷.

Для ирреденты также свойственна разветвленная сеть самоорганизации, однако, в отличие от диаспорных, ее социальные институты имеют более широкие каналы связи с исторической родиной, нежели чем со страной проживания. Ирредентисты явно или подспудно стремятся к формированию своих государственных органов, образованию «теневых правительств»⁸.

Временной фактор. Лишь в немногих дефинициях диаспоры упоминается временной фактор, хотя диаспора, в отличие от иммигрантской группы, дистанцирована от исторической родины не только в территориальном, но и хронологическом измерении. Диаспора складывается в стране-реципиенте, как правило, в течение ряда поколений и процесс диаспоризации может занять не одно столетие⁹. Российский исследователь Сергей Арутюнов отметил мобильность диаспоры во времени следующим образом:

---

⁷ *Conner W.* The Impact of Homelands upon Diasporas. In: G. Sheffer (ed.), *Modern Diasporas in International Politics*, pp. 16-45, New York, St. Martin's Press, 1986; *Тишков В.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*. – М., 2003. – № 2. – С. 160-183.

⁸ *Saideman S., Ayres R.* Determining the Causes of Irredentism: Logit Analyses of Minorities of Risk Data from the 1980s and 1990s // *The Journal of Politics*. 2000. Vol. 62. № 4. P. 1126–1144.

⁹ *Ким Г.Н.* Введение в диаспорологию. – Алматы: *КазНУ*, 2016. – С. 43-44.

“Диаспоры представлены не только и не столько условно, диаспорой является развитие от «будучи диаспорой» до «действительно диаспора», чтобы «не столько диаспора»”.

Следует различать этническую диаспору и иммигрантов из общей страны происхождения, учитывая разницу во временном разрыве с ней. Например, двухмиллионная корейская диаспора Китая, насчитывающая более 150-летнюю историю, в течение которой сменилось уже три поколения, не одно и то же, что “новые пришельцы” (newcomers) – южнокорейские предприниматели или студенты, прибывшие сравнительно недавно в эту страну. Образно говоря, государство Чосон во второй половине XIX века и современная Республика Корея это не одна и та же страна. Вряд ли кто станет утверждать, что корейские крестьяне из глухой провинции Северный Хамген, бежавшие от голода в Маньчжурию, и южнокорейские студенты из Сеула, прибывающие на учебу в Пекин – одни и те же люди, только потому, что они относятся к одному корейскому этносу¹⁰.

Что касается ирреденты, то она испокон века проживает на территории расселения, при этом она могла иметь в прошлом государственность и утратить, или не иметь ее вовсе, но, несмотря на это, претендует на свой аборигенный статус. Исконность или временный характер проживания на территории – вот, что отличает ирреденту от диаспоры.

Собирательность диаспоры и индивидуальность ирреденты. Понятие диаспоры зачастую имеет собирательный, полиэтничный смысл, в основе которого лежит фактор общности страны происхождения. К их числу относится русская (российская) диаспора, особенно в так называемом дальнем зарубежье, где русскими считаются все, кто прибыл из России. Но в Германии так называют немцев, приехавших не только из России, но из Казахстана или стран Балтии, а бывшие советские евреи остаются в глазах американцев «русскими».

Под диаспорой зачастую понимаются группы людей, объединенных по признаку региона, или даже континента происхождения. В обиход и в научный дискурс прочно вошли такие

---

¹⁰ Ким Г.Н. Введение в диаспорологию. – Алматы: КазНУ, 2016. – С. 43-44.

собираательные понятия, как «арабская диаспора»¹¹, «средиземноморская диаспора»¹², «африканская диаспора»¹³, «карибская»¹⁴ и т.д. Другим критерием принадлежности к одной диаспоре может быть раса (континент), поэтому нередко используются такие определения, как «азиатская диаспора», «африканская диаспора» с вариантом их употребления во множественном числе – «азиатские диаспоры», «африканские диаспоры» и т.п. Однако, речи нет об «африканской» или «карибской» ирреденте, то есть ирредента, в отличие от диаспоры, имеет точную географическую локализацию и четко очерченные границы¹⁵.

Говоря о диаспоре, как правило, имеют ввиду этническую диаспору, но при этом зачастую происходит объединение целого ряда самостоятельных этносов под одно название, как правило, это название страны. Например, в «индийскую диаспору» входят пенджабцы, бенгальцы, сикхи, тамилы, гуджаратцы, которые, в свою очередь, могут делиться по конфессиональному признаку на сикхов, буддистов, мусульман и т.д. Афганская диаспора состоит из пуштунов, таджиков, хазарейцев, узбеков, аймаков, туркменов и т.д.¹⁶

Характер территориального размещения. Несмотря на широкое использование в научной литературе термина «диаспора» в этническом понимании, поиск наиболее четкого его определения именно в этом узком смысле продолжается до сих пор. Разлад в диаспорном дискурсе происходит из-за того, что диаспору не раз-

---

¹¹ Arab Diaspora refers to descendants of the Arab immigrants who, voluntarily or as refugees, emigrated from their native lands in non-Arab countries, primarily in East Africa, South America, Europe, North America, and parts of South Asia, Southeast Asia, the Caribbean, and West Africa.

¹² *Konstantina Zanou, Maurizio Isabella (éd.), Mediterranean Diasporas. Politics and Ideas in the Long 19th Century. Londres, Bloomsbury Academic, 2015, 240 p.*

¹³ *Akyeampong E. Africans in the Diaspora: The Diaspora and Africans // African Affairs, 2000, 99 (395), 183–215.*

¹⁴ *Patterson, Orlando. Reflections on the Caribbean Diaspora and its Policy Implications” in K. Hall & D. Benn, Contending with Destiny: The Caribbean in the 21st Century. Kingston: Ian Randle Publishers. 2000, P.*

¹⁵ *Naby, Eden. The Afghan Diaspora: Reflections on the Imagined Country. in: Touraj Atabaki and Sanjyot Mehendale Central Asia and the Caucasus. Transnationalism and Diaspora, London: Routledge. 2000, pp. 169-183.*

¹⁶ *Artis Zelmenis. “Immigration for Indians to Europe; History & Law”. – Immigration World Guru. 2014, 1 (1), p.: 10-24.*

личают с другими этническими группами, территориально оторванными от своей исторической родины.

Диаспору и ирреденту отличает характер территориального размещения в стране проживания. В этнической социологии и этнологии пространственный аспект может быть описан как дисперсное или компактное (локальное) проживание этнической группы. Понятие «дисперсный» предполагает, что представители какой-то этнической общности не образуют ареала, где они численно доминируют. Для диаспоры свойственно рассеяние в разных регионах и городах, дистанцированных друг от друга на сотни и даже тысячи километров. Представители диаспоры как бы «рассеяны» в массе основного населения.

Следует ли причислять к диаспорам группы мигрантов, принадлежащих к неавтохтонным для данного государства этносам? При утвердительном ответе понятие «диаспора» можно легко заменить словосочетаниями: коренные (автохтонные) и некоренные этнические меньшинства. Поэтому неавтохтонность, являясь одним из основных характеристик диаспоры, не исчерпывается только ею.

Юрий А. Поляков, указывая на существование иммигрантских диаспор и групп коренных жителей страны, оказавшихся оторванными от основного места пребывания своего этноса в силу перекройки государственных границ и других исторических обстоятельств, предлагает в этом смысле лучше говорить не о диаспоре, а об «ирреденте»¹⁷.

В настоящее время термином *ирредента* обозначается часть этноса, компактно проживающая в непосредственной близости к государству, в котором идентичный ей народ составляет автохтонное численно доминирующее население. Территориальная близость и компактность проживания отличают ирреденту от диаспоры.

При ощущении дискриминации со стороны властей или окружающего доминирующего населения возникает *ирредентизм*. Многие ученые понимают ирредентизм как попытку суверенного государства интегрировать территории этнически связанного

---

¹⁷ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв.: Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 4.

населения в соседние страны. Еще есть разногласия о том, как именно определить ирредентизм. В случае этнотерриториальных приграничных конфликтов, ирредентистские и сепаратистские движения часто совпадают.

Культурная схожесть и различие с иноэтническим окружением. Данное основание предполагает разделение диаспорных общин на три типа. К первому типу следует отнести диаспорные общины с близкой культурной дистанцией; ко второму типу – со средней; а к третьему – с дальней культурной дистанцией к культуре принимающего населения региона. Причем культурная дистанцированность не обязательно совпадает с пространственной удаленностью, то есть, не факт, что чем ближе живут друг к другу народы, тем больше схожесть их культур. Иммигранты с дальней культурной дистанцией испытывают *культурный шок*¹⁸ – эмоционально-психологический и физический дискомфорт, вызванный резкой сменой природно-экологической среды и культурно-языкового окружения. С течением времени проходит этап первоначальной адаптации, сменяемый обширной аккультурацией. На стадии полной аккультурации, граничащей с частичной ассимиляцией, завершается процесс формирования диаспоры.

Ирредента, в силу своего исконного соседства, как правило, относится к одному и тому же типу цивилизации, соответственно и культурная дистанция должна быть близкой. Однако, прямая пропорциональность культурной и территориальной дистанции не обязательный факт. Культурно-типологический или религиозный разлом может проходить именно по разграничительной линии территории расселения.

Отношение к проживаемой территории диаспоры и ирреденты: Джордж Фредриксон, известный американский ученый, сказал следующее: «... Есть два способа получить территорию другой страны. Один из них – это завоевание... Другой способ восстановить территорию – это проникновение населения и демографическое доминирование...»

Область, под политической юрисдикцией одной страны, но связанная с другой через культурные, исторические или этниче-

---

¹⁸ The notion “cultural shock” was coined by American anthropologist Kalervo Oberg in 1954 in his talk to the Women’s Club of Rio de Janeiro on August 3, 1954, explaining feelings by Immigrants facing their first cross-cultural experience.

ские связи, иногда называют ирредентой. Но есть и другой смысл ирреденты в качестве этнического меньшинства, живущего компактно и на протяжении долгого исторического периода, в приграничном с родиной государстве, в качестве этнического ядра, который притворяется, что он коренной житель.

Во многих случаях, цели соседних стран, более радикальны, чем просто защита прав «своих» ирредентов или диаспорных национальных меньшинств. В меньшинстве: их цель состоит в том, чтобы «освободить» или «искупить» это меньшинство и территорию, на которой оно проживает. Эта цель и комплекс мер политики по ее достижению составляют ядро «ирредентизма». Ирредентизм неизменно оказывает отягчающее влияние на конфликты меньшинств-большинств. Усиливая взаимные подозрения и вражду, он часто порождает насилие, а иногда и войну. Поэтому ирредента и диаспора по-разному относятся к месту проживания, первый претендует на аборигенов, а второй имеет родовое государство, откуда их предки мигрировали в принимающую страну. Его наиболее распространенные определения довольно ограничены, но в исследованиях существует консенсус в отношении того, что ирредентизм является особым видом территориального спора.

Ирредентизм относится к политическим усилиям по объединению этнически связанных частей конкретного населения, проживающего в двух или более соседних государствах. Претензии ирредентов, как правило, предъявляются этническим группам, которые являются доминирующим большинством в суверенном государстве, желающим включить землю и территорию своих этнических родственников, живущих в качестве меньшинств, в соседнюю страну или страны. Подобно сепаратистским утверждениям, ирредентизм также ставит под сомнение территориальную целостность суверенных государств. Однако очевидное различие заключается в том, что в большинстве случаев претензии предъявляются суверенным государством с хорошо организованными и способными военными. Когда ходатайство о включении территории и/или ее населения отклоняется, заявитель не сразу и не легко отказывается. Ситуация обостряется, поскольку заявитель толкает ее задачи выполнены любыми возможными способами. Такое нежелание отступить создает обстановку враждебности и насилия, что в конечном счете ведет к войне.

Одной из важнейших основ этногенного геноза является общая территория с специфическими географическими и климатическими условиями, определяющими экономический и культурный тип цивилизации, отраженный в менталитете, обычаях, традициях и др. Важность территории объясняет тот факт, что она представляет собой одну из главных причин межэтнического или межгосударственного конфликта, в котором все стороны отстаивают собственное право на владение этой территорией. Сепаратизм в зависимости от его целей можно перевести в две основные формы: сепаратизм, направленный на отделение части территории страны для создания нового суверенного государства, и ирредентизм, претендующий на присоединение территориальной части одной страны для аншлюса к другой соседней стране, на основании общей этнической принадлежности или предшествующей исторической принадлежности.

Что является главным во многих ирредентистских движениях – территория, а не население, несмотря на утверждения государства ирредента в обратном. Есть несколько случаев ирредентизма, в которых важное место занимают территории, даже без существования самого этнического меньшинства, связанного с нацией. Поэтому именно меньшинства страдают от негативных последствий ирредентизма. Именно поэтому этнические меньшинства часто не очень увлечены ирредентизмом. По мнению Горовица, они даже более склонны к развитию сепаратистских движений, чем к поддержке ирредентистских движений, берущих начало с их Родины.

Диаспора VS ирредента в постсоветской Центральной Азии. Все советские республики Центральной Азии без исключения превратились за годы советской власти полиэтнические по составу населения. Но формирование многонациональной структуры населения началось еще ранее, еще до русской колониальной политики, затем оно ускорилося в период депортаций, трудовой мобилизации, освоения целины, территориального распределения людских ресурсов и т.д. То есть диаспоры стали зарождаться на территории Центральной Азии с давних пор, однако, их современное появление на этнической карте произошло стремительно, в связи с развалом Советского Союза, изменившим внутренние границы между равноправными союзными республиками во внешние границы между суверенными государствами с

титულными нациями, которые стали отличаться статусно от всех остальных народов, проживающих в стране.

С распадом Советского Союза Россия, Китай и все пять центральноазиатских государств – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан приняли старые советские границы. В настоящее время между всеми бывшими советскими республиками существует напряженность в вопросе делимитации границ. Казахстан является территориально крупнейшим государством и экономически наиболее развитой страной региона. Его оппонент – Узбекистан – второй по величине, но первый по численности населения и солдат. И Казахстан, и Узбекистан долго соперничали, чтобы стать региональным лидером в Центральной Азии.

Узбекские ирреденты в регионе являются общей проблемой пяти постсоветских республик и Афганистана. При общей численности населения Узбекистана, оцениваемой в 30 млн. человек (в целом в пяти республиках бывшего СССР проживает около 56-57 млн. человек), сравнительно гомогенного, узбекские ирреденты играют заметную роль в окружающих странах: в Афганистане – около 2,5 млн. человек; Таджикистане – около 1,2 млн. человек; Киргизии – около 0,8 млн. человек; Туркмении – около 0,5 млн. человек; Казахстане – около 0,2 млн. человек.

The global Kazakh population exceeded around 15 million peoples, and 11,7 million living in Kazakhstan. One quarter of Kazakhs are residing outside of country. Numerous significant Kazakh Diasporas are in China – 1, 25 Mln, России – 870 000, Узбекистане – почти 900 000, Монголии – 145 000, Турции – 15 000 и остальные более чем в 40 странах. Среди более чем 3 миллионов казахов, проживающих за рубежом, около 800 тысяч – казахская диаспора. Остальные – это представители ирредента, которые не столько покинули свою родину, сколько были отделены от основной части своего этноса государственными границами. Казахи являются и ирредентами, и диаспорой в России, Китае и Узбекистане. В России казахская диаспора живет в Москве и Санкт-Петербурге. Ирреденты появились (области) в Астраханской, Курганской, Волгоградской, Оренбургской, Омской, Челябинской и Горно-Алтайском провинциях, территориях, ставших российскими в результате колониальных завоеваний, начиная с шестнадцатого века. Дальнейшее разделение казахского народа

произошло в первое десятилетие XX века, особенно в начале советского периода, с национально-государственного территориального размежевания между Казахстаном и Центральной Азией в 1925 г. в Китае, в то время как Казахская диаспора обосновалась в центральных районах, ирреденты живут в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Последняя ситуация является результатом исторических событий XVIII-XIX веков, в том числе территориальной делимитации Средней Азии между Российской и Китайской империями во второй половине XIX века. Дестабилизирующий сценарий в Туркмении усложняется и наличием существенных туркменских этнических ирредент в сопредельных странах. При общей численности населения Туркмении около 5 млн. человек, в приграничных районах Афганистана проживает около 1 млн. этнических туркмен (преимущественно племена иомудов и других, кроме текинцев), в приграничье Ирана – более 1 млн. 300 тыс. человек (также не относящихся к племени «теке»). Дополнительный фактор усложнения – наличие крупных нетуркменских ирредент на севере (казахи-адайцы) и западе (Лебапский вেলাят, узбеки).

Таджики являются титульной нацией Таджикистана, но их численность в северном и западном Афганистане больше, чем в родной стране. Таджики являются меньшинством в Узбекистане, а также в зарубежных общинах. Таджики составляют около 25% населения Афганистана, и они не объединяются в племена, распространившись по региону, провинции, городу или деревне.

Официальные статистические данные в Узбекистане утверждают, что таджикская община составляет 5% от общего населения страны, но на самом деле их гораздо больше, потому что многие из них по разным причинам зарегистрированы в официальных документах и паспортах как узбеки. Поэтому некоторые эксперты полагают, что таджики могут составить треть населения Узбекистана. В Казахстане (около 25 000 человек), Кыргызстане (47 500 человек в 2007 году) и Туркменистане (более 3000 человек) не существует значительной группы таджиков. В России население таджиков превысило 200 тысяч по данным переписи 2010 года. Большинство таджиков приехали в Россию после распада Советского Союза в качестве трудовых мигрантов для работы в городах России.

Внезапный распад СССР, появление новых стран Центральной Азии и спорные территориальные вопросы привели к продолжающимся пограничным спорам с участием Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, ставшими значительными источниками региональной межгосударственной напряженности.

Соглашение от 16 ноября 2001 года, подписанное президентами Назарбаевым и Каримовым, разграничивает 96% казахстанско-узбекской границы. Наконец, Казахстан и Узбекистан в 2003 году решили вопрос о демаркации и делимитации своих границ. Однако на самом деле пограничный режим остается строгим и напряженным. С момента обретения независимости было зарегистрировано 19 инцидентов, в том числе в одном из которых были убиты четыре казахстанских и два узбекских граждан. Без разрешения пограничных споров на паритетной основе потенциал вооруженных конфликтов будет высоким. Учитывая ужесточение пограничного контроля, неудивительно, что и этнические узбеки, и казахские меньшинства продолжают мигрировать из Казахстана и Узбекистана, соответственно. Даже если разграничение будет завершено, обе страны продолжат сталкиваться с трудной задачей обеспечения свободы передвижения через границу (Пограничные вопросы между Казахстаном и Узбекистаном).

Еще одной горячей точкой для Казахстана были северные приграничные с Россией районы, где этнические русские составляли большинство, тогда как казахи преобладали на юге и западе. Политика переселения казахов в северные регионы Казахстана началась с 1990-х годов, когда Астана переселила казахов с юга страны на север с целью изменения этнического состава местного населения на севере.

Правительство Казахстана с целью изменения баланса населения в пользу титульной нации способствовало переселению казахов, возвращавшихся из-за рубежа на север. Как известно, в 1990-е годы за пределами Казахстана проживало от четырех до пяти миллионов этнических казахов: 1,3 миллиона – в Китае, 870 тысяч – в Узбекистане, 660 тысяч – в Российской Федерации и 157 тысяч – в Монголии. В период с 1991 по 2011 год около 860 000 так называемых оралманов из Узбекистана вернулось обратно в родное государство. Затем, в апреле 2012 года, Астана

прекратила программу репатриации, видимо, была обеспокоена навыками, ценностями и адаптацией тех, кто вернулся.

Программа правительства Казахстана по изменению этнического состава северных регионов этой страны действовала. Так, к началу 2010 года русские превосходили этнических казахов только в Северо-Казахстанской области, где прежние составляли 48,2% населения.

Самым трагичным конфликтом между двумя этническими группами в приграничной зоне на постсоветском пространстве Центральной Азии стали ошские беспорядки. Массовые убийства произошли в июне 1990 года в городах Ош и Узген, частью Киргизской Советской Социалистической Республики (Киргизская ССР). Непосредственной причиной беспорядков стал спор о земле бывшего колхоза. В то время, как официальные оценки смертей колеблются от более чем 300 до более чем 600, неофициальные цифры колеблются до более чем одной тысячи.

Десять лет спустя, в июне 2010 года, президент Кыргызстана Роза Отунбаева объявила чрезвычайное положение на юге Кыргызстана, признав, что этнические погромы, совершенные в период с 10 по 14 июня, в 10 раз превышают число жертв, предыдущего официального числа погибших. Эти смерти имели место в основном тогда, когда этнические киргизские толпы напали на общины узбекского меньшинства в районах юга Кыргызстана, в том числе в городах Ош и Джалалабад. Многие этнические узбеки бежали в импровизированные лагеря вдоль киргизско-узбекской границы, участки которых опечатаны ограждением, построенным узбекским правительством. Чиновники Красного Креста заявили, что была серьезная нехватка продовольствия, воды, жилья и медицины.

Некоторые отечественные киргизские и международные эксперты заявляют, что беспорядки 2010 года были не просто повторением беспорядков 20 лет назад, а продолжением конфликта.

Международная помощь в решении кровавого конфликта достаточно пассивна и ограничена направлением гуманитарной помощи. США сосредоточились на безопасности своей собственной базы Манас, которая имеет ключевое значение для афганской операции. Россия, Казахстан, Китай и международные организации, такие как Шанхайская организация сотрудничества или возглавляемая Казахстаном ОБСЕ, остались пассивными и про-

сто ожидали, что столкновения прекратятся сами по себе. Но в долгосрочной перспективе возвращение недавних беспорядков вполне вероятно.

Map showing the distribution of Kyrgyz, Uzbeks, and “other” nationalities of the population of Kyrgyzstan in 2009.

“Other includes Russians, Dungans, Uyghurs, Tajiks, Koreans etc.

Сепаратизм VS ирредентизм. Для постсоветской Центральной Азии не характерны радикальные формы ирредентизма, за исключением уйгурского сепаратизма в Китае, нацеленного на выход из состава КНР и создание независимого государства Уйгурстан (Восточный Туркестан)¹⁹. Отчасти уйгурское население в Казахстане ощущает на себе влияние сепаратистов из Синьцзян-Уйгурского автономного района, граничащего с Казахстаном. Ирредентистские настроения в разных частях света зачастую по-

¹⁹ Beller-Hann, Ildiko. Situating the Uyghurs between China and Central Asia. Ashgate Publishing.2007, 276 pp.; Bovingdon, Gardner. Autonomy in Xinjiang: Han nationalist imperatives and Uyghur discontent (PDF). Political Studies 15. Washington: East-West Center. 96 pp.

догреваются извне, точнее из соседних государств, но правительства постсоветской Центральной Азии призывают соблюдать мирные и дружественные отношения в регионе и не поддерживают националистически настроенные движения.

Призывы, раздающиеся из уст некоторых известных популистов, как правило, не воспринимаются всерьез ни на той, ни на другой стороне. Ни в России, ни в Казахстане не собираются преследовать Владимира Жириновского или Эдуарда Лимонова, говорящих об исконности русских земель в Северном Казахстане. Подобные Жириновскому и Лимонову личности есть в каждой центральноазиатской стране, только они менее известны.

Диаспора и ирредента в этнических конфликтах Центральной Азии. С 1988 по 1991 гг. на этнической почве в бывших республиках СССР вспыхивало более 150 конфликтов, в том числе в центральноазиатском регионе. Столкновения между представителями диаспор или какой-либо диаспоры с группой титульной нации происходили, как правило, на почве личной неприязни или бытовой ссоры, в которую оказывались вовлеченными сородичи и соплеменники. Такие стычки носили узколокальный характер в границах сельского поселения или городского района, быстро гасились силами полиции. Число жертв было незначительным.

Серьезные конфликты с участием большой численности людей происходили из-за недовольства национально-территориальным размежеванием, проведенным советской властью. В результате ошибочных директивных решений Москвы в центральноазиатском регионе оказалось немало исконных мест проживания народов, переданных под юрисдикцию соседнего государства. Например, Ферганскую долину, являвшуюся единым социокультурным, но полиэтническим ареалом, советское руководство разделило на три части, отдав их Узбекистану, Таджикистану и Киргизии. Проживавшие в долине этнические группы оказались разделенными государственными границами, не совпадающими с этническим разделением. Никита Хрущев не только «подарил» Крым Украине, но и отдал хлопкосеящие районы Казахстана соседнему Узбекистану, передав взамен другую населенную узбеками территорию Казахстану. Такая политика закладывала «мины замедленного действия», и через десятки лет именно в местах несовпадения этнических и территориальных границ, в приграничной зоне чаще всего происходят этнические

конфликты. Задача текущего времени заключается в обезвреживании таких мин, в упреждении новых взрывов межэтнических конфликтов. Выполнить ее нелегко, но возможно.

Вместо заключения. Диаспора и Ирредента имеют сходства и различия во многих особенностях, но отличительным является их отношение к области проживания; первый признает родственные государства, откуда их предки мигрировали в принимающей стране, а последний претендует на звание аборигенов. По этой причине Ирредента стремится присоединить населенный пограничный район принимающей страны к соседствующей Родине.

Распад Советского Союза и крах Восточно-Европейского блока привели к появлению нескольких десятков новых независимых и суверенных государств, в том числе 5 постсоветских стран Центральной Азии: Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. Советская политика разделения территорий национальных союзных республик привела к несоответствию этнической и государственной границы. Наследие советского прошлого способствовало формированию ирредентистских настроений среди центральноазиатских этнических меньшинств, проживающих в соседних странах. Взаимные территориальные претензии привели к широкомасштабным конфликтам между узбеками и киргизами, небольшим локальным столкновениям в приграничной зоне между Казахстаном и Узбекистаном. Эти недавние острые региональные проблемы определили научные интересы исследований диаспоры и ирреденты. Дискурс этих двух этносов происходит в основном в Америке и Западной Европе. Сравнительные исследования диаспоры и ирреденты находятся на начальном этапе и многие вопросы остаются нерешенными. В документе была предпринята одна из первых попыток уточнить важные аспекты, подлежащие глубокому изучению.

Литература

1. Akyeamong E. Africans in the Diaspora: The Diaspora and Africans // African Affairs, 2000, 99 (395), 183–215.
2. Asel Suinaly kyzy. Kyrgyzstan's tragedy in the south: political provocation or ethnic confrontation. Master of Art Dissertation. Central European University, Budapest, Hungary, 2012. 80 p.;

3. Ambrosio, Thomas, *Irredentism: ethnic conflict and international politics*. Chapters 1-2, Praeger Publishers, 2001, pp. 1-30.
4. Arutyunov S.A. *Diaspora – eto protsess // Etnograficheskoe obozrenie. – 2000. – № 2.*
5. Beller-Hann, Ildiko. *Situating the Uyghurs between China and Central Asia*. Ashgate Publishing, 2007
6. *Border issues between Kazakhstan and Uzbekistan*. <https://www.neweurasia.net/politics-and-society/border-issues-between-kazakhstan-and-uzbekistan/>
7. Bovingdon, Gardner. *Autonomy in Xinjiang: Han nationalist imperatives and Uyghur discontent (PDF)*. Political Studies 15. Washington: East-West Center.
8. Brubaker R. *The “diaspora” diaspora // Ethnic and racial studies. - N.Y., 2005. - Vol. 28, №1. - P.1-19;*
9. *Central Asia: border disputes and conflict potential*. International crisis Group. Report N 33, Osh-Brussel, 2002. - <http://www.crisisgroup.org/~media/>
10. Chazan N.. *Approaches to the Study of Irredentism (Introduction)*, in N. Chazan (ed.) *Irredentism and International Politics*. «Boulder, CO: Lynne Rienner Publ., 1991, p. 1-8.
11. Cohen R. (Ed). *Theories of Migration*. The International Library of Studies on Migration. An Elgar Reference Collection, Cheltenham, UK-Northampton, MA, USA, 1996;
12. Cohen R. (Ed). *The Sociology of Migration*. The International Library of Studies on Migration. An Elgar Reference Collection, Cheltenham, UK-Northampton, MA, USA, 1996.
13. Dyatlov V. *Diaspora: popytka opredelitsya v ponyatiyakh // Diaspory, 1999. № 1. pp. 8-23.*
14. *Encyclopedia of the Social Sciences*, 1St ed. 1937; rpt. New York: Macmillan, 1950, VIII, p. 325.
15. Gokcek G. 2011. *Irredentism versus Secessionism: The Potential for International Conflict*. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 17. Is. 3. P. 276.
16. Gokcek G. 2012. *Ethnic Groups in Conflict, Neighboring Governments, and Interstate war*. prepared for presentation at the Western Political Science Association Annual Conference, Portland, March 23-24, 2012. <http://wpsa.research.pdx.edu/meet/2012/gokceck.pdf>
17. Horowitz D.L. *Irredentas and Secessions: Adjacent Phenomena, Neglected Connections // International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 23. № 1-2. P. 118-130.
18. Ismailbekova A., Roche S. *The glimmer of hope in bloody Kyrgyzstan*. <http://enews.fergananews.com/articles/2654>
19. Kalust'yants Zh.S. *Diaspornoie soznanie v sovremennom obshchestve // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 50/2007, s. 288-294.
20. Kemal Kirisci and Gareth M. Winrow, *The Kurdish Question and Turkey: An Example of a Trans-state Ethnic Conflict*, (Portland: Frank Cass Publishers, 1997): 114.
21. Kim German. *Irredentism in disputed territories and its influence in the border conflicts and wars. – JTMS. The Journal of Territorial and Maritime Studies*. Vol. 3, Number 1, Winter/Spring 2016.- p. 87-103.

22. Kim G.N. Vvedeniye v diasporologiyu. Almaty, KazNU, 2016, pp. 43-44
23. Knyazev A.A. Diaspora ili Irredenta? – «Yedinstvo v raznoobrasii». <http://www.yaik.ru/forum/showthread.php?1393>
24. The Kurdish Conflict in Turkey: Obstacles and Chances for Peace and Democracy, (New York: St. Martin's Press, 2000): 120.
25. Lantier Alex. Kyrgyz ethnic pogroms leave 2,000 dead, 400,000 homeless. 22 June 2010.- <https://www.wsws.org/en/articles/2010/06/kyrg-j22.html>.
26. List of irredentist claims or disputes.- <http://en.wikipedia.org>.
27. Mayall, James. Nationalism and International Society. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 1990, p. 57.
28. Markus Kornprobst, Irredentism in European Politics. Diplomatiscbe Akademie Wien, Austria, 2008, p.9.
29. McKiernan K. "Turkey's War on the Kurds," The Bulletin of the Atomic Scientists, (March/April 1999): 26, 29.
30. Mendiculova G. M. Казахская диаспора и ирредента: история и современность. <http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=8>
31. Kornprobst M. Irredentism in European Politics. Diplomatiscbe Akademie Wien, Austria, 2008, p.10-12
32. Naby E. The Afghan Diaspora: Reflections on the Imagined Country. in: Touraj Atabaki and Sanjyot Mehendale Central Asia and the Caucasus. Transnationalism and Diaspora, London: Routledge. 2000, pp. 169-183.
33. Naomi Chazan (Editor). Irredentism and International Politics (Studies in International Politics) Publisher: Lynne Rienner Pub, 1991, 161 p.
34. Natsionalnye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX-XX vv.. Sb. statey. Pod red. Yu.A. Polyakova i Tarle G.Ya. – M.: IRI RAN, 2001. C. 4.
35. Oiarzabal, P.J.; Reips, U.-D. Migration and diaspora in the age of information and communication technologies. Journal of Ethnic and Migration Studies. 2012, 38 (9), pp. 1333-1338.
36. Olson R. Turkish and Syrian Relations since the Gulf War: The Kurdish Question and the Water Problem," in Ferhard Ibrahim and Gulistan Gurbey, Ed.,
37. Patterson O. Reflections on the Caribbean Diaspora and its Policy Implications" in K. Hall & D. Benn, Contending with Destiny: The Caribbean in the 21st Century. Kingston: Ian Randle Publishers. 2000, P.
38. Pogroms in Kyrgyzstan. International Crisis Group. <http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/kyrgyzstan>;
39. Report of the independent International Commission of Inquiry into the events in Southern Kyrgyzstan. June 2010. <http://reliefweb.int/sites/reliefweb>.
40. Rongxing Guo. Territorial Disputes and Resource Management: A Global Handbook. Nova Publishers, 2006, p.59.
41. Saideman S., Ayres R. Determining the Causes of Irredentism: Logit Analyses of Minorities of Risk Data from the 1980s and 1990s // The Journal of Politics. 2000. Vol. 62.№ 4. P. 1126-1144
42. Semenov Yu.I. Etnos, natsiya, diaspora. // Etnograficheskoe obozrenie, 2000, №2; Tekst odnoimennoi leksii na saite elektronnoho zhurnala «Skepsis». http://scepsis.ru/library/id_75.html

43. Sheffer G. Loyalty and Criticism in the Relations between the World Jewry and Israel. For the Israeli Presidential Conference, 2011. pp.1-2.
44. Tishkov, Valery. «'Don't Kill Me, I'm a Kyrgyz!': An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict». Journal of Peace Research, 1995, no. 32 (2): 133–149. /193-the-pogroms-in-kyrgyzstan.aspx
45. Tocqueville's America 1982, Washington, D.C.:LTV Corp., 1982, p. 91.
46. Wolff St. Disputed Territories: The Transnational Dynamics of Ethnic Conflict Settlement. New York and Oxford: Berghahn,2002, pp. 28
47. Yagcioglu D. Irredentism: An Inevitable Tendency of Ethnic Nationalism (Some Initial Thoughts, Some Tentative Conclusions).- www.academia.edu
48. 김 게르만. 민족, 종족, 디아스포라의 자아의식. Journal of Siberian Studies. Pai Chai University, Korea, 2012, Vol. XVI -1, pp. 81-105.
49. Zanou K., Maurizio I. (éd.),Mediterranean Diasporas. Politics and Ideas in the Long 19th Century. Londres, Bloomsbury Academic, 2015, 240 p.
50. Zelmanis A. «Immigration for Indians to Europe; History & Law». – Immigration World Guru. 2014, 1 (1), p.: 10-24.
51. Yossi Shain and Barry Bristman. Diaspora, Kinship and Loyalty: The Renewal of Jewish National Security International Affairs (Royal Institute of International Affairs). Vol. 78, No. 1 (Jan., 2002), pp. 69-95.
52. Conner W. The Impact of Homelands upon Diasporas. In: G.Sheffer (ed.), Modern Diasporas in International Politics, pp. 16-45, New York, St.Martin's Press, 1986; Tishkov V. Uvlechenie diasporoi (o politicheskikh smyslakh diasporalnogo // Diaspory. – M., 2003. № 2, pp. 160-183.

Ракишева Б.И.

*Учредитель/научный консультант
Исследовательского института
«Общественное мнение»,
кандидат социологических наук*

Мажитова А.Б.

*Директор Исследовательского института
«Общественное мнение», магистр социологии*

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ ЭТНИЧЕСКИХ КАЗАХОВ,
ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ И
АЛТАЙСКОМ КРАЕ
(социологический анализ)

Республика Казахстан и Российская Федерация имеет самую протяженную сухопутную границу протяженностью 7591 км. Семь областей Казахстана – Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская граничат с 12 регионами Российской Федерации (Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Челябинской, Курганской, Омской, Тюменской, Новосибирской областями, Алтайским краем, Республикой Алтай).

Казахи, проживающие в приграничной с Казахстаном территории, являются коренным населением и крупным по численности этносом страны. По данным Всероссийской переписи населения, в стране проживает 647 732 этнических казаха.

Таблица 1

Распределение казахов по регионам России¹

Регионы	Численность (чел.)	Доля от казахов России, %	Доля от нас. региона, %	Гор. нас., %	Сель. нас., %	Сред. возраст (лет)
Астраханская область	149 415	23,07	14,79	33,2	66,8	30,1
Оренбургская область	120 262	18,57	5,91	21,8	78,2	29,2
Омская область	78 303	12,09	3,96	47,7	52,3	28,5

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года//http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Продолжение таблицы 1

Регионы	Численность (чел.)	Доля от казахов России, %	Доля от нас. региона, %	Гор. нас., %	Сель. нас., %	Сред. возраст (лет)
Саратовская область	76 007	11,73	3,01	21,35	78,65	30,9
Волгоградская область	46 223	7,13	1,77	21,08	78,92	29,6
Челябинская область	35 297	5,45	1,01			
Тюменская область	19 146	2,95	0,56			
Самарская область	15 602	2,41	0,48			
Республика Алтай	12 524	1,93	6,07	8,1	91,8	25,7
Курганская область	11 939	1,84	1,31			
Новосибирская область	10 705	1,65	0,40			
Москва	9393	1,45	0,08			
Алтайский край	7979	1,23	0,33			
Республика Калмыкия	4948	0,76	1,7			
Свердловская область	4406	0,68	0,10			
Ханты-Мансийский автономный округ	4382	0,67	0,28			
Республика Башкортостан	4373	0,67	0,11			
Московская область	3507	0,54	0,05			
Санкт-Петербург	3349	0,52	0,07			
Ростовская область	3046	0,47	0,07			
Красноярский край	1970	0,3	0,07			
Ставропольский край	1861	0,28	0,07			
Татарстан	1758	0,27	0,05			
Томская область	1705	0,26	0,16			
Кемеровская область	1701	0,26	0,06			
Краснодарский край	1616	0,25	0,03			
Ямало-Ненецкий автономный округ	1532	0,23	0,29			
Республика Саха (Якутия)	1338	0,21	0,14			
Приморский край	1235	0,19	0,63			
Регионы с населением меньше 1 тыс.чел	12 210	1,88	-			
Всего	647732	100,00	0,45	32,5	67,5	30,2

Методология социологического исследования

В данной статье предоставлены результаты социологического опроса этнических казахов, проживающих в Республике Алтай и Алтайском крае. Опрос проведен авторами в ходе экспедиции в 2014-2015 гг.

Опрос этнических казахов был проведен в селе Кулунда, являющемся административным центром Кулундинского района, в селе Керей Кулундинского района, в селе Куатовка Славгородского района, в г. Славгороде Алтайского края и в с. Кош-Агач, с. Төбелер, с. Жана-Ауыл, с. Ташанта Кош-Агачского района Республики Алтай.

Методология исследования основана на комплексном использовании количественных (опрос) и качественных (нарративное биографическое интервью, глубинное интервью) методов сбора информации.

Методы сбора информации:

– опрос диаспорантов по месту проживания. Всего 239 респондентов;

– нарративное биографическое интервью и глубинное интервью. Всего 50 интервью.

Метод сбора информации: анкетирование по домам/местам компактного проживания этнических казахов, проживающих в Российской Федерации.

Статистические данные

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года в данных субъектах Российской Федерации проживало 21 933 этнических казаха². По результатам ВПР 2010 года на 1430 человек стало меньше и составило 20 503 человека³.

Таблица 2

Количество казахов Алтая

	2002 год	2010 год
Республика Алтай	12 108	12 524
Алтайский край	9 825	7 979
Всего	21 933	20 503

² Всероссийская перепись населения 2002 года// [http:// www.infostat.ru](http://www.infostat.ru)

³ Всероссийская перепись населения 2010 года// http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Социально-демографическая характеристика респондентов

Среди этнических казахов Алтая, участвовавших в опросе, 54% составляют женщины, 46% – мужчины.

Таблица 3

Пол респондентов

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Мужской	110	46,0
Женский	129	54,0
Итого	239	100,0

Исходя из образовательного уровня, среди респондентов преобладают следующие группы: 37,7% – с полным средним образованием, 23,4% – с профессионально-техническим и 20,9% – с высшим образованием, научной степенью (см. таблицу 4).

Таблица 4

Образование респондентов

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Начальная школа (1-4/6)	2	0,8
Неполная средняя школа (1-8/9)	20	8,4
Полная средняя школа (1-10/11)	90	37,7
Профессионально-техническое (техникум, училище, колледж и т.д.)	56	23,4
Незаконченное высшее (1-3 курс)	19	7,9
Высшее, научная степень (3-4/6 курс)	50	20,9
Нет ответа	2	0,9
Итого	239	100,0

66,2% респондентов состоят в браке, 18,8% – являются холостыми, 6,7% – разведены, вдовцы/вдовы (см. таблицу 5).

Большинство респондентов живут с супругом/супругой и детьми (64%), 18,8% – с родителями (см. таблицу 6).

Таблица 5

Скажите, пожалуйста, каково Ваше семейное положение?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Не замужем (никогда не была)/ не женат (никогда не был)	45	18,8
Замужем/ женат (живем вместе)	144	60,3
Замужем/ женат (живем отдельно)	14	5,9
Разведен(а)	5	2,1
Вдова/ вдовец	11	4,6
Живем вместе в незарегистрированном браке	2	0,8
Отказ от ответа	18	7,5
Итого	239	100,0

Таблица 6

С кем Вы проживаете?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Один, без семьи	18	7,5
Живу с женой/мужем и детьми	153	64,0
Живу с родителями	45	18,8
Живу с родственниками	16	6,7
Живу с детьми	1	0,4
Нет ответа	6	2,6
Итого	239	100,0

Результаты опроса этнических казахов

Этническая идентичность

В плане национальной принадлежности практически все участники опроса относят себя к казахам (98,3%, таблица 7). 1,7% назвали себя русскими.

Таблица 7

К какой национальности Вы себя относите?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Казах/казашка	235	98,3
Русский/русская	4	1,7
Итого	239	100,0

Как считает большинство респондентов, национальную принадлежность казаха определяют владение языком своего этноса (39,3%, таблица 8), обычаи, традиции, культурные ценности (33,5%) и национальность отца (31,0%). Четверть опрошенных в качестве этнонационального признака назвали исповедуемую религию (25,5%).

Таблица 8

Что определяет национальную принадлежность казаха?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент*
Владение языком своего этноса	94	39,3
Исповедуемая религия	61	25,5
Гражданство	32	13,4
Расовый тип	39	16,3
Обычаи, традиции, культурные ценности	80	33,5
Личный выбор	7	2,9
Место рождения	18	7,5
Национальность отца	74	31,0
Национальность матери	16	6,7
Затрудняюсь ответить	7	2,9

* Сумма не равна 100%, т.к. респонденты могут выбрать несколько вариантов ответов.

Традиции и обычаи этнических казахов, проживающих в Республике Алтай

Трансформируясь, меняясь, но сохраняя аутентичность, традиции и обряды в повседневной жизни казахов играют важную роль. Об этом пишут российские исследователи Е.И. Ларина и О.Б. Наумова⁴: «Называя бытующие сегодня обычаи и обряды «традиционными», мы понимаем некоторую условность этого определения. Естественно, это уже не те обряды, которые соблюдались казахами в конце XIX – начале XX века или даже раньше. Понятно, что формы обрядов эволюционируют, меняются от поколения к поколению».

⁴ Ларина Е.И., Наумова О.Б. Сквозь модернизацию: традиции в современной жизни российских казахов. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 119.

Группа исследователей К.Н. Балтабаева, Т.А. Мамашев, Ж.А. Ермакбай, А.Ж. Баймагабетова⁵ считают, что в «культуре казахов Западной Сибири выделяется этнический комплекс явлений, исторически восходящих к традиционной культуре кочевников-скотоводов. Внутри этнической группы основную социализирующую функцию выполняет семья, которая закладывает основы духовной народной культуры через почтительное отношение к старшим, приобщение к традициям. Рост темпов урбанизации в значительной степени определил влияние сельской среды на городскую культуру, формируя этнический характер сознания. Соблюдение казахских традиционных обрядов и обычаев представлено как средство социализации личности в этнической среде».

В ходе социологического опроса респондентам были заданы вопросы, касающиеся национальных традиций, обрядов, обычаев.

Среди опрошенных казахов Алтая свои национальные казахские традиции и обычаи знают 92,5% респондентов (таблица 9). Отрицательно ответили на вопрос лишь 4,6% респондентов.

Таблица 9

Знаете ли Вы свои национальные казахские традиции и обычаи?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Да	152	63,6
Скорее да, чем нет	69	28,9
Скорее нет, чем да	7	2,9
Нет	4	1,7
Затрудняюсь ответить	7	2,9
Итого	239	100,0

⁵ Балтабаева К.Н., Мамашев Т.А., Ермакбай Ж.А., Баймагабетова А.Ж. / науч.ред Мажитов С.Ф. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012). – Алматы, 2015. – С. 123.

Из интервью:

«Благополучие казахов в Алтайском крае, придерживающихся старины, начинается с наших обрядов, когда накрываем дастархан во время поминок, кудалыка. У нас все так же, как и у вас».

«Мы стараемся сохранить традиции, очень хорошо сохранились обычаи, начиная со встречи невесты и во всех других случаях. В Казахстане мы были в Семее, потом поехали в другую часть страны, в Талдыкоргане были, в самом Алматы были, ездили по аулам. В Монголии был, тогда заметил, что наиболее хорошо обычаи сохранились в Кыпшакалды. К примеру, у нас очень искусно развито іркіт пісіру – варение перебродившей простокваши, а также приготовление курта, кумыса, а в Казахстане мы так и не смогли попить местный кумыс, очень плохой кумыс, разница между нашим, как небо и земля. И при рождении ребенка, при обряде тұсаукесер – разрезание пупа мы верны нашим традициям, все детские обычаи у нас очень хорошо сохранились. Также проводим обрезание детей. Этому обряду у нас уделяют очень большое внимание. Все обычаи сохранены и проводятся регулярно».

Подобный вопрос также задавался авторами отчета в ходе социологических исследований, проводимых в ряде стран Центральной Азии и Монголии по заказу Комитета по развитию языков и общественно-политической работы Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. Результаты примерно везде одинаковы – большинство респондентов-участников опроса знают национальные традиции и обычаи.

Стараются соблюдать обычаи и традиции казахского народа в целом 94,6% опрошенных казахов (таблица 11). Намеренно не соблюдают или не задумывались об этом – 1,6%.

Знаете ли Вы свои национальные традиции и обычаи?⁶

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ/ страны	Туркменистан 2010 г.	Кыргызстан 2010 г.	Таджикистан 2010 г.	Монголия ⁷ 2011 г.	Китай ⁸ 2012 г.	Узбекистан ⁹ 2013 г.	РФ 2014 г.
Выборка	500 респ.	500 респ.	200 респ.	300 респ.	104 респ.	300 респ.	239 респ.
Да	61,0	50,7	76,0	92,6	87,5	47,0	63,6
Скорее да, чем нет	38,0	35,0	18,0	6,7	11,5	40,7	28,9
Скорее нет, чем да	-	8,0	6,0	0,7	1,0	9,0	2,9
Нет	1,0	5,0	-	-	-	3,0	1,7
Затрудняюсь ответить	-	1,3	-	-	-	0,3	2,9

⁶ «Языковая ситуация соотечественников, проживающих за рубежом (Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан)»: Аналитический доклад по результатам социологического исследования // Комитет по языкам Министерства культуры Республики Казахстан, Институт сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан». – Астана, 2010.

⁷ Моңғолияда тұратын этникалық қазақтар ортасындағы тіл ахуалы (кешенді әлеуметтік зерттеулер нәтижелері). Языковая ситуация в среде этнических казахов, проживающих в Монголии (результаты комплексного социологического исследования) / А. Садвокасова, Б. Ракишева, А. Мажитова; ҚР Мәдениет министрлігі Тіл комитеті, Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты. – Астана, 2011. – 167 б. – қазақша, орысша.

⁸ Қытайда тұратын этникалық қазақтар ортасындағы тіл ахуалы (кешенді әлеуметтік зерттеулер нәтижелері). Языковая ситуация в среде этнических казахов, проживающих в Китае (результаты комплексного социологического исследования) / А. Садвокасова, Б. Ракишева, А. Мажитова; ҚР Мәдениет министрлігі Тіл комитеті, Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты. – Астана, 2012. – 162 б. – қазақша, орысша.

⁹ Өзбекстанда тұратын этникалық қазақтар ортасындағы тіл ахуалы (кешенді әлеуметтік зерттеулер нәтижелері). Языковая ситуация в среде этнических казахов, проживающих в Узбекистане (результаты комплексного социологического исследования) / А. Садвокасова, Б. Ракишева, А. Мажитова; ҚР Мәдениет министрлігі Тіл комитеті, Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты. – Астана, 2013. – 162 б. – қазақша, орысша.

Соблюдаете ли Вы свои национальные традиции и обычаи?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Да, стараюсь тщательно соблюдать все традиции	124	51,9
Соблюдаю отдельные традиции	72	30,1
Соблюдаю традиции по отдельным, особым событиям (свадьба, рождение ребенка, похороны т.п.)	30	12,6
Нет, намеренно не стараюсь соблюдать национальные традиции	2	0,8
Никогда об этом не задумывался	2	0,8
Затрудняюсь ответить	9	3,8
Итого	239	100,0

Из интервью:

«Детям нужно дать воспитание, чтобы не забывали обычаи, язык и религию казахов. Во-вторых, никогда нельзя забывать как казахский язык, так и нашу религию. В-третьих, касательно культуры, нужно всегда быть культурным. Сохранять свою культуру и в быту, и в своих намерениях.

В-четвертых, нужно уметь уважать как старших, так и младших».

«Я тут думаю, наши казахи очень организованные, на поминки, пиры всегда ходят вместе, в любом ауле так. Ни один человек не остается в стороне. Полагаю, что воспитание неплохое дали, поскольку мы все уважаем наших старших. Даже о домах престарелых слышим очень редко. В принципе, и в Казахстане нет такого, чтобы отводили стариков в дом престарелых. Мы очень чтим пожилых людей. Будь до дети или внуки, ухаживают за ними до самой смерти. Когда умирает человек, ничего не жалеем, режем скот, щедро накрываем дастархан, сейчас справляют семь дней и сорок дней. Каждую пятницу дают пятничный чай».

«Во-первых, я думаю, нужно уважать родителей. Проявлять заботу о наших детях, внуках. Уважать старших в ауле. По возможности давать воспитание младшим. Вот говорят же, вся чистота, почтительность и вежливость, благополучие в семье заключаются в нашей религии, конечно, нельзя сильно увлекаться религией, однако нужно работать и в то же время на определен-

ном уровне следует соблюдать. Хорошо, если будем соблюдать пост, читать намаз, ежегодно отдавать в мечеть в качестве подаяния скот, если мечеть в чем-то нуждается, организовать и оказать помощь. Деньгами либо тем, чем сможем, помогаем. Вот теперь думаю, так как мы казахи, то нужно детям совершать обряд обрезания. Соблюдение таких обычаев и традиций, идущих от наших предков, к примеру приданое невесты или национальная вышивка, все храним и чтим. Но вот некоторые виды, к примеру валяние войлока, ковра-сырмак, вон они лежат за вами, все это сейчас немного устарело. Молодежь этого уже не делает, лишь некоторые из них изредка занимаются этим. В наше время, когда мы были молодыми, все валяли войлок».

Основная часть опрошенных считает, что основным фактором, благодаря которому казахи как этнос сохранились в Республике Алтай и Алтайском крае, является ислам (66,5%, таблица 12). Также этому способствовало знание казахского языка (30,1%).

Таблица 12

Как Вы считаете, что позволило сохранить казахов Алтая?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент*
Религия (ислам)	159	66,5
Знание казахского языка	72	30,1
Знание генеалогии (ру, жуз), шежире	46	19,2
Знание и соблюдение обычаев, традиций казахской культуры	45	18,8
Знание о том, что мы являемся казахами, национальное самосознание каждого представителя диаспоры	44	18,4
Затрудняюсь ответить	23	9,6

*Сумма не равна 100%, т.к. респонденты могут выбрать несколько вариантов ответов

В следующем блоке опрошенным были заданы вопросы о состоянии таких составляющих национальной культуры, как песни и танцы, элементы одежды и домашней обстановки.

Национальные песни

Казахскую национальную музыку слушают 78,7% опрошенных алтайских казахов (таблица 13).

Таблица 13

Слушаете ли Вы казахскую национальную музыку?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Да	188	78,7
Нет	46	19,2
Нет ответа	5	2,1
Итого	239	100,0

Национальные танцы

Казахские народные танцы или их элементы исполняют 61,1% опрошенных.

Таблица 14

Исполняете ли Вы казахские танцы?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Да	146	61,1
Нет	93	38,9
Итого	239	100,0

Наиболее распространенными в среде казахов Алтая являются следующие казахские национальные танцы: «Қара жорға бий» (52,1%, таблица 5), «Қамажай» (45,2%). Также назван танец «Айгөлек» (3,4%).

Таблица 15

Какие танцы Вы исполняете?*

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент*
Қара жорға	76	52,1
Қамажай	66	45,2
Айгөлек	5	3,4
Затрудняюсь ответить	3	2,1
Нет ответа	26	17,8

*Сумма не равна 100%, т.к. респонденты могут выбрать несколько вариантов ответов

Национальные блюда

Большинство респондентов из числа этнических казахов Алтай готовят дома блюда казахской кухни (89,1%, таблица 16).

Таблица 16

Готовите ли Вы дома блюда казахской кухни?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Да	213	89,1
Нет	26	10,9
Итого	239	100,0

Традиционный чайный стол,
Алтайский край (из архива авторов статьи)

Чаще всего готовятся следующие этнические блюда: молочные изделия – *Иримшык, Айран, Сузбе, Курт, Кымыз, Май, Сут кеспе, Шубат, Куйрык май, Кеспе коже, Коспа*, мучные изделия – *Баурсак, Шелпек, Талкан*, мясные – *Бешбармак, Казы-карта, Куырдак, Бәліш (мясной пирог), Сорпа, Ет сорпа, Орама, Сірне, Торта* и т. д.

Таблица 17

Какие блюда казахской кухни Вы готовите чаще всего дома?

	ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ
Молочные изделия	Иримшык, Айран, Сузбе, Курт, Кымыз, Май, Сут кеспе, Шубат, Куйрык май, Кеспе коже, Коспа
Мясные блюда	Бешбармак, Казы-карта, Куырдак, Бәліш (мясной пирог), Сорпа, Ет сорпа, Орама, Сірне, Торта
Мучные изделия	Бауырсақ, Шелпек, Талкан

Национальная одежда

Национальную одежду или ее элементы используют около трети опрошенных казахов Алтая (36,4%).

Таблица 18

Носите ли Вы национальную одежду или, может быть, используете какие-то ее элементы?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Да	87	36,4
Нет	152	63,6
Итого	239	100,0

Традиционные элементы домашнего убранства казахов

В интерьере домов казахов Алтая нередко присутствуют традиционные элементы (таблица 19). В основном это ковры (63,7%), сундуки (55,1%), корпеше (48,7%), пспеки (26,9%), саба (13,7%), деревянные астау (8,5%) и др.

Убранство дома, Республика Алтай (из архива авторов статьи)

**Используете ли Вы в доме казахские традиционные элементы
домашнего убранства, такие как...**

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент*
Ковер	149	63,7
Сундук	129	55,1
Корпеше	114	48,7
Пспек	63	26,9
Саба	32	13,7
Деревянные астау	20	8,5
Не используем	1	0,4
Затрудняюсь ответить	4	1,7
Дополнительно были названы: камшы, домбыра, тус кииз, казахский стол		

* Сумма не равна 100%, т.к. респонденты могут выбрать несколько вариантов ответов

Из интервью:

«Это домбра моего отца. Вон тот, что стоит первым. Сам собственноручно изготовил. Домбра Абая тоже здесь. В мое отсутствие дети отрезали струны. Вон там две домбры ручной работы для маленьких детей. Прикладное искусство. Сырмак».

«Сундук. Вон ключи из серебра. Вот эти два сундука открываются ключами. Это мой собственный музей. Вот это серебряный нагрудник. Это старая традиция нашего Куйбоя. Это серебряное седло. Это чепрак. Это коржын. Наша. Это серебряный мешочек. Старый, достался от деда. Вот этот коржын, все досталось от отца».

«В Алтайском крае много старых обычаев, можно научиться древним казахским традициям. В основном можно научиться валянию войлока, шитью сырмака, ковра-түскиіз, изготовлению изделий из кожи, все это ведь старинные казахские вещи, всему можно научиться».

«Седла с принадлежностями, все у нас сохранилось. Проводы невесты, кыз куу, конные состязания, аударыспак».

«Вот говорим про конные состязания, к примеру, очень это любят. Особенно байга. Летом у нас проводятся грандиозные скачки, в этом году даже разыграли автомобиль. Наши аким в

первый год организовал, мой сын тоже очень любит конные скачки. Все что интересует, из интернета смотрим – байга, состязания, праздник наурыз. Как это прекрасно, что у нас такое тоже проходит».

Следующий блок исследования посвящен основным традициям и обычаям казахов, связанным с рождением, бракосочетанием и похоронами.

Рождение детей. Имя наречение

В семьях этнических казахов Алтая особенно распространены казахские традиции и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей. В основном это следующие: *калжа, шилдехана, бесик той, кыркынан шыгару, тусаукесу, сундет той, ат кою, азан шақыру, атқа мінгізу, тіл ашар* (см. таблицу 20).

Таблица 20

Какие обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, проводят в Вашей семье?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Да		Нет		Нет ответа	
	N	%	N	%	N	%
Калжа	161	67,4	47	19,6	31	13,0
Шилдехана	178	74,5	37	15,5	24	10,0
Бесик той	195	81,6	21	8,8	23	9,6
Кыркынан шыгару	207	86,6	14	5,9	18	7,5
Тусаукесу	209	87,4	16	6,7	14	5,9
Сундет той	202	84,5	19	7,9	18	7,6
Ат кою, азан шақыру	165	69,0	50	20,9	24	10,1
Атқа мінгізу	135	56,5	77	32,2	27	11,3
Тіл ашар	209	87,4	16	6,7	14	5,9

Имя наречение младенцев.

Практически все этнические казахи Алтая дают своим детям казахские имена (90,4%, таблица 21). В отдельных случаях даются арабские (4,2%), русские (2,5%) или тюркские имена (1,7%).

Таблица 21

Какие имена чаще всего дают казахи своим новорожденным детям?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Казахские	216	90,4
Арабские	10	4,2
Русские	6	2,5
Тюркские	4	1,7
Затрудняюсь ответить	3	1,3
Итого	239	100,0

Самыми популярными именами **мальчиков** являются Арман, Бауыржан, Азамат, Адил, Алихан, Аслан и т.д. (таблица 22).

Таблица 22

Популярные мужские имена

Арман, Бауыржан, Азамат, Адил, Алихан, Аслан, Еркин, Дархан, Ернур, Ернар, Мирас, Амир, Биржан, Алишер, Али, Аман, Еркебулан, Алим, Даурен, Ербол, Дияр, Тамерлан, Ермурат, Данияр, Олжас, Ринат, Есил, Ерболат, Жасулан, Ислам, Нурлан, Ержан, Есимжен, Батырбек, Марат, Мурад, Ермек, Нурсултан, Рахат, Амирлан, Умар, Исмагулла, Ильяс, Омар, Асылжан, Ертай, Нурали, Ерганат, Сагындык, Асан, Арыстан, Ергали, Галымжан, Айдос, Аскар, Нурика, Канат, Жумат, Жарас, Раушан, Мейіржан, Ербатыр, Сабит, Ерзат, Мадияр, Нурсат, Бекжан, Ерасыл, Куатбек, Болат, Айдар, Кайрат, Аблай, Ельдар, Руслан, Серик, Жумабек, Еділбай, Талгат, Асылбек, Майдан, Акжан, Токтар, Аблайхан, Жомарт, Нуртай, Айбек, Асет

Девочек чаще всего называют Аружан, Гульжан, Айгуль, Айжана, Амина, Алия, Мадина и др. (таблица 23).

Таблица 23

Популярные женские имена

Аружан, Гульжан, Айгуль, Айжана, Амина, Алия, Мадина, Айгерим, Айнур, Раушан, Айсулу, Сауле, Жадыра, Маржан, Карлыгаш, Сания, Наргиз, Аяжан, Асель, Гуля, Жамиля, Асыл, Динара, Меруерт, Арай, Галия, Гауһар, Анар, Гульмира, Сандугаш, Айдана, Гульнур, Шолпан, Асем, Гульнара, Айым, Жансая, Молдир, Махаббат, Гульдана, Ажар, Зарина, Жайна, Асемгуль, Айман, Алина, Гульназ, Салима, Жансулу, Кундыз, Калима, Жибек, Армангуль, Амира, Айша, Мая, Бану, Лейла, Алтынжан, Ляззат, Асия, Куралай, Жансулу, Арина, Жанаргуль, Дария, Алмагуль
--

Из интервью:

«Мое мусульманское имя Хабибулла, в паспорте записал как Владимир. Мой отец много лет проработал здесь на таможне, рядом с ним работал его друг Владимир».

Бракосочетание

Среди казахов Республики Алтай в отношении обряда, сопровождающего женитьбу, создание семьи, взгляды различаются. Так, 30,1% предпочитают современный гражданский обряд, 28,9% – современный гражданский обряд с элементами традиционной свадьбы, а 26,4% указали, что хотели бы свою свадьбу провести как развернутый традиционный обряд с приглашением на кудалык со стороны невесты и жениха (таблица 24).

Таблица 24

Как Вы сыграли (хотели бы сыграть) свою свадьбу?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Без обрядов	20	8,4
Современный гражданский обряд (торжественное бракосочетание с застольем)	72	30,1
Современный гражданский обряд с элементами традиционной свадьбы	69	28,9
Развернутый традиционный обряд (с приглашением на кудалык со стороны невесты и жениха)	63	26,4
Затрудняюсь ответить	15	6,2
Итого	239	100,0

На свадебных торжествах респондентов или их детей чаще всего проводились такие обряды, как свадебный вечер – той (89,1%, таблица 25), сватовство – куда тусу (86,2%), ритуальные песни (84,9%), шашу (84,5%), приданое – жасау (80,3%), взаимное одаривание подарками – киит (71,5%). Менее всего распространены калым (54,0%) и умыкание – алып кашу (54,8%).

Помимо этого, опрошенными были отмечены такие обряды, как *Белая дорожка с пожеланием счастливого пути, Коржын шай, Совершение обряда бракосочетания в мечети и пр.*

Таблица 25

**Соблюдались ли на Вашей свадьбе,
свадьбе Ваших детей следующие обряды?**

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Да		Нет		Нет ответа	
	N	%	N	%	N	%
Сватовство (куда тусу)	206	86,2	17	7,1	16	6,7
Умыкание (алып кашу)	131	54,8	86	36,0	22	9,2
Взаимное одаривание подарками (киит)	171	71,5	48	20,1	20	8,4
Калым	129	54,0	83	34,7	27	11,3
Приданое (жасау)	192	80,3	29	12,1	18	7,6
Свадебный вечер (той)	213	89,1	11	4,6	15	6,3
Исполнялись ли ритуальные песни: жар-жар, саукеле, бет ашар	203	84,9	18	7,5	18	7,6
Песни прощания невесты с отчим домом (бос агаш, сынсу, таньсу)	141	59,0	69	28,9	29	12,1
Шашу	202	84,5	20	8,4	17	7,1
Кемпірөлер	114	47,7	93	38,9	32	13,4
Куда таргыс	130	54,4	78	32,6	31	13,0

Похороны

В среде алтайских казахов, наряду со свадебными, также распространены и традиционные похоронные обряды. Чаще всего назывались следующие из них: «жылы», «қырқы», «жетісі», «намаз шығару», «оң жаққа салу», «қонақ асы», «бейсенбі», «үші», «шек» (таблица 26).

Таблица 26

**Какие обряды, связанные с похоронами,
проводятся в Вашей семье?**

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Да		Нет		Нет ответа	
	N	%	N	%	N	%
Оң жаққа салу	171	71,5	55	23,0	13	5,4
Қонақ асы	170	71,1	51	21,3	17	7,1

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Да		Нет		Нет ответа	
	N	%	N	%	N	%
Намаз шығару	171	71,5	51	21,3	17	7,1
Үші	143	59,8	65	27,2	31	13,0
Жетісі	176	73,6	50	20,9	13	5,4
Қырқы	212	88,7	13	5,4	14	5,9
Жылы	213	89,1	14	5,9	12	5,0
Бейсенбі	155	64,9	57	23,8	27	11,3
Шек	137	57,3	68	28,5	34	14,2

Кроме этого, респонденты указали: 52 дня, Жұмалық шай, Бата беру, Қабырды ата-бабаларының қасынан қазып, Құран оқу.

Казахская мечеть, Республика Алтай
(из архива авторов статьи)

Исследование, проведенное в двух субъектах Российской Федерации, выявило ряд тенденций, которые напрямую связаны с компактностью проживания казахов, численностью и миграционным потенциалом.

Большая часть этнических казахов, относят себя к казахам, считают важной свою национальную принадлежность, знают собственную родовую принадлежность и «жеті ата».

Как и казахи, живущие в странах Центральной Азии, Монголии и Китае, алтайские казахи знают свои национальные традиции и обычаи, стремятся соблюдать их. Казахи предпочитают национальную кухню, народное песенное и танцевальное творчество, традиционные ремесла, но в соответствии с современными требованиями практически не носят национальную одежду, только по праздникам.

В среде алтайских казахов распространены традиционные обряды, связанные с похоронами, рождением и воспитанием детей, проведением свадеб.

В местах более компактного проживания – устойчивее идентификационные параметры и, наоборот, более дисперсное (разбросанное) проживание является угрозой для этнической ассимиляции. В настоящее время среда казахов Алтая достаточно моноэтнична, но имеются предпосылки к ассимиляции с местным населением (больше это касается казахов, проживающих в Алтайском крае): респонденты в повседневной жизни не обращают внимания на национальную принадлежность окружающих, допускают возможность смешанных браков, имеют достаточное количество родственников других национальностей, представители смешанных браков идентифицирует себя русскими.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 года//http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Сквозь модернизацию: традиции в современной жизни российских казахов. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 119.
3. Балтабаева К.Н., Мамашев Т.А., Ермекбай Ж.А., Баймагабетова А.Ж. / науч.ред Мажитов С.Ф. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012). – Алматы, 2015. – С.123.

Раздел 3

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДИАСПОРАХ КАЗАХСТАНА

Ракишева Ботагоз Ислямовна

*Директор Института
сравнительных социальных исследований
ЦЕССИ-Казахстан,
кандидат социологических наук*

КАЗАХИ В РОССИИ, РУССКИЕ В КАЗАХСТАНЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одним из аспектов стратегического партнерства между Казахстаном и Россией является проживание на территории этих стран казахской и русской этнических групп. По официальным данным в Российской Федерации проживает около 655 тыс. этнических казахов, в основном в приграничных с Казахстаном районах [1]. В Казахстане русские являются второй по величине этнической группой и составляют четверть населения страны.

Русские в Казахстане

В Казахстане проживает 4 024 357 русских [2]. По плотности населения в разрезе областей ВКО занимает первое место, здесь проживает около 15,41% русских от всего количества, на втором месте Карагандинская область – 13,74%, на третьем город Алматы – 11,66% (таблица 1).

В настоящее время в Казахстане после массового отъезда неукоренившихся, русская этническая группа в большинстве своем состоит из тех, кто имеет предков, которые издавна проживали в Казахстане либо сами родились в Казахстане, а также из приехавших в послевоенные годы прошлого столетия.

Таблица 1

Количество русских, проживающих в Казахстане

	Кол-во человек
Республика Казахстан	4024357
Акмолинская область	278944
Актюбинская область	94404
Алматинская область	306172
Атырауская область	33482
Западно-Казахстанская область	150037
Жамбыльская область	150550
Карагандинская область	553058
Костанайская область	378484
Кызылординская область	13254
Мангистауская область	39674
Южно-Казахстанская область	151802
Павлодарская область	296474
Северо-Казахстанская область	330976
Восточно-Казахстанская область	620062
Астана	157822
Алматы	469162

Данная группа адаптировалась к рыночным отношениям, общественно-политическим реалиям, имеет собственность или бизнес, достаточно высокий социальный статус, причастны к государственной службе, работе в бюджетных, социальных, общественных организациях. Для них важными стали вопросы языка, политики, социальной справедливости, этнической культуры. В целом 90% этих граждан при ответе на вопрос социологического опроса исследования 2007 года (общая выборка исследования – 1500 респондентов, время опроса – май 2007 года, выборка репрезентативовала население Казахстана) высказались, что они считают себя казахстанцами, представителями единого народа Казахстана [3]. В целом эта группа имеет достаточно низкий миграционный потенциал, но ставит вопросы удовлетворения их социально-статусных и культурологических вопросов.

Меры, принимаемые в России для поддержки прибывающих соотечественников, большого влияния на увеличение выезда казахстанских славян не окажут. Они скорее привлекут русскоязычное население из республик Средней Азии, Кавказа, где по-прежнему много проблем с занятостью, доходами и в целом с уровнем жизни. Казахские славяне и представители других народов, имеющих исторические связи с Российской Федерацией, стремятся выехать в престижные, благополучные регионы и города, а не на осваиваемые территории и местности.

Также исходя из результатов различных социологических исследований, проводимых Институтом сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, в целом можно отметить, что социальное самочувствие группы представителей славянских национальностей, их политические ориентации, гражданские позиции приобрели некоторую устойчивость и в последние годы в малой степени меняются. Это можно отнести за счет общего влияния стабильного характера экономического, социального и общественно-политического развития страны, а также неизменности акцентов государственной политики, направленных на сохранение в Казахстане политической стабильности, межнационального и межконфессионального мира и согласия.

Казахи в России

Казахскую этническую группу, проживающую в Российской Федерации, можно разделить на две группы: диаспора, проживающая в большей степени в городах (Москва и Санкт-Петербург), и ирредента, проживающая в приграничных с Казахстаном регионах (Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Курганская, Омская, Новосибирская, Тюменская и Челябинская области, Республика Алтай и Алтайский край, в Татарстане, Башкортостане, Саха и Калмыкия). Всего в России, по данным Переписи 2002 года, проживает **653 962 этнических казаха**, или примерно 200 семей (таблица 2).

Большая часть представителей диаспоры, живущей в городах, имеет высшее образование и занимается интеллектуальным трудом. Именно получение или повышение образования стало

одной из основных причин миграции этнических казахов в период СССР из Казахстана в Россию.

Таблица 2

Этнический состав населения Российской Федерации в 2002 году

	2002 год		1989 год	
	тысяч человек	% к итогу	тысяч человек	% к итогу
Все население	145164,3	100,00	147021,9	100,00
русские	115868,5	79,82	119865,9	81,54
татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76
украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97
башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92
чуваши	1637,2	1,13	1773,6	1,21
чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61
армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36
мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73
белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82
аварцы	757,1	0,52	544,0	0,37
казахи	655,1	0,45	635,9	0,43
удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49
азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23
марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44
немцы	597,1	0,41	842,3	0,57
кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26
осетины	514,9	0,35	402,3	0,27
даргинцы	510,2	0,35	353,3	0,24
буряты	445,3	0,31	417,4	0,28
якуты	444,0	0,31	380,2	0,26
кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19
ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15
лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18
другие и не указавшие	5780,0	3,98	4036,1	2,70

В основном казахи стали выезжать на учебу в Москву и Санкт-Петербург, оставалось учиться в аспирантуре. В этот период (с 30 по 90-е годы XX века) в этнической казахской среде поощрялись межэтнические браки и количество таких браков было достаточно высоким. После принятия Независимости Республикой Казахстан (после 1991 года) в диаспоре формируется гражданская и этническая идентичность. Межэтнических браков становится меньше (еще и в силу того, что к этому времени повысилось количество разводов в семьях с различными национальностями), увеличивается поток казахов-возвращенцев.

Нужно отметить, что для соотечественников, проживающих в России, закономерны те же проблемы, что и для самих россиян. Особенно это типично для городского населения и для тех соотечественников, кто живет обособленно в рамках полиэтничного сообщества (не в компактных местах проживания казахов).

У сельской части диаспоры несколько иные социально-экономические проблемы. Как известно, большинство диаспоры проживает в сельской местности (около 70%) и это откладывает отпечаток на развитие данной части диаспоры.

Среди городской части диаспоры идентификация с собственной национальностью несколько слабее, так как они значительно меньше общаются с другими представителями диаспоры, а в результате этого – теряют родной язык и корни.

Основанием для такой ассимиляции стало то, что носители казахского языка в силу объективных и субъективных причин уже не испытывают потребность продолжать традицию общения на казахском языке, вполне удовлетворяясь русским языком, который обслуживает все коммуникативные потребности. Переход на русский язык многих казахов представляет собой выбор в пользу языка, который дает больше возможностей как для жизненного самоопределения, личностного и профессионального роста граждан в российском государстве, так и для большей социальной и пространственной мобильности. Все же, большинством из представителей диаспоры соблюдаются национальные обычаи, популярной является казахская музыка, литература на родном языке. В плотнозаселенных районах используется в большей степени казахский язык, сохранение которого является ярким индикатором общности диаспоры.

Наличие около сорока культурных центров по всей территории России, регулярно проводимые Курултай казахов, поддержка со стороны государства, целенаправленная деятельность Посольств и Консульств Республики Казахстан позволяют сохранить этноязыковые идентификации в среде казахской диаспоры и ирреденты. Особую роль в этом играет Всемирная Ассоциация Казахов, являющаяся органом консолидации казахов, проживающих почти в 40 странах мира.

Политика во многом определяет жизнь граждан стран и политические взаимоотношения между Казахстаном и странами, принявшими этнических казахов, во многом определяют и жизнь самой диаспоры. В этом отношении добрососедские отношения Казахстана и России стали фактором успешной адаптации и консолидированности в своих социумах и русской этнической группы в Казахстане и казахской диаспоры и ирреденты в России.

Литература

1. Данные переписи населения Российской Федерации 2002 г.
2. Данные Агенства по статистике Республики Казахстан 2007 г.
3. Результаты социологического исследования социального самочувствия населения Республики Казахстан//Институт ЦЕССИ-Казахстан, 2007 г.

Изменения в социальной и профессиональной структуре корейской диаспоры Казахстана

Корейцы, депортированные в Казахстан и ограниченные в гражданских правах, проживали в основной массе в сельской местности и занимались аграрным хозяйством. Успехи корейских колхозников стали широко известны по всему Советскому Союзу, многие из них были награждены советским правительством медалями и орденами, а 68 лучших тружеников села в Казахстане получили высшую награду – медаль «Золотая Звезда» и звание Героя Социалистического Труда.

После смерти Сталина и обретением свободы передвижения по стране корейцы стали переселяться в города, обучаться в высших учебных заведениях, приобретать новые специальности и профессии. В 1960-х гг. происходило **ускоренное изменение** социальной структуры корейского населения, а именно переход из колхозного крестьянства в слой интеллигенции, инженерно-технических работников, дипломированных специалистов.

Социальная структура и основные занятия. Анализ социальной структуры корейского населения Казахстана советского периода имеет объективные трудности, так как в статистической отчетности корейцы подпадали под графу «и другие», а специальных этносоциологических исследований еще не проводилось. Однако некоторое представление можно получить по данным переписи населения 1970 г. по Кызыл-Ординской области, где компактно проживала значительная часть корейского населения. Всех корейцев области, имевших занятия, насчитывалось 4,206 человек, из них: руководители предприятий – 141; инженерно-технические работники – 514; агрономы, зоотехники, ветеринары – 30; работники литературы и печати – 31; культпросветработники – 42; работники искусства – 26; работники связи – 45; работники торговли и общепита – 114; химики – 2; текстильщики – 14; швейники – 280; сельскохозяйственные занятия – 203, в том числе трактористы – 38; не указали профессию – 97; медицинские работники – 216, в том числе врачи – 55; медсестры – 107; научные работники, педагоги, воспитатели – 355, в том числе преподаватели школ – 288; преподаватели вузов – 31; работники планирования и учета – 464, в том числе бухгалтеры – 271; занятия в машиностроении и металлообработке – 366; занятия на лесозаготовках и деревообработках – 24; бумажники и картонажники – 11; занятия в пищевой промышленности – 17; строители – 135; железнодорожники – 16.

Данные по области в известной степени можно экстраполировать на все трудоспособное корейское население Казахстана советского периода. Уже в 1970-х гг. основную часть трудоспособных корейцев составляли работники не аграрного сектора экономики, так как доля занятых в сельском хозяйстве была менее 5%. Эта доля сокращалась и в дальнейшем. К началу обретения Казахстаном независимости число корейцев, занятых сельским хозяйством, сократилось до 2-3%.

Высокий уровень образования, деловые и организационные качества позволили многим корейцам стать руководителями предприятий: заводов, фабрик, государственных учреждений. Высокая доля корейцев приходилась на ведущих специалистов, инженерно-технических работников. Если приплюсовать к этой группе работников планирования и учета, к которым относились главные финансисты и бухгалтеры, то эта доля увеличивается до 20-25%.

За советский период сформировалась численно большая группа научной, педагогической интеллигенции и работников культуры, искусства. По количеству научных сотрудников и преподавателей университетов с учеными степенями кандидатов и докторов наук корейцы занимали одно их первых мест среди других национальностей. Корейцы были представлены довольно широко в таких профессиях, как школьный учитель, врач, медицинский работник, деятели культуры и искусства, многие корейцы служили офицерами в милиции, но лишь незначительное число корейцев выбирало профессию военных, так как негласно существовали ограничения в карьере. Среди советских корейцев наблюдалось определенное предпочтение профессиям, к примеру, многие женщины-корейки были заняты в фабричном и индивидуальном швейном деле.

Анализ профессиональной занятости, по данным справочника «Советские корейцы Казахстана (1992 г.), дал следующие результаты. Корейцы – «Заслуженные деятели» распределялись по сферам деятельности следующим образом: промышленность – 21 человек; сельское хозяйство – 43; строительство и архитектура – 6; торговля и бытовое обслуживание – 2; народное образование – 31; здравоохранение – 9; наука – 36; литература – 10; искусство – 30; финансы и страхование – 6; юстиция – 4; культура и спорт – 11. Итого: 209 человек.

Больше всего имеющих звание «Заслуженный деятель» в сельском хозяйстве, однако, доля «аграриев» среди всех лауреатов составила всего 20%. Из 209 отмеченных в списках признанных в Казахстане специалистов корейской национальности женщин 25 человек, причем более трети из них – актрисы Корейского театра, а вторая треть – школьные учителя. Большое количество заслуженных деятелей в области искусства объясняется также тем, что звание это получили актеры, драматурги, режиссеры и другие работники Корейского театра. Большая часть корейцев получила высокое звание в 1960-80-х годах как признание многолетней и успешной трудовой деятельности. Средний возраст обладателей почетных званий превышает 50-летний рубеж, молодые или среднего возраста составляют лишь незначительное исключение.

За десятилетие, прошедшее с момента обретения Казахстаном государственного суверенитета, произошли изменения в соци-

альной и профессиональной занятости корейцев. По данным переписи населения 1999 г., около 30% всего населения корейской национальности, или 38% населения в возрасте 15 лет и старше были заняты в сфере экономики, а в целом по республике этот показатель составил 27,9% и 39,1% соответственно. Более низкий уровень второго показателя объясняется, видимо, тем, что в возрасте от 15 до 24 лет среди корейцев значительный удельный вес занимают учащиеся школ и студенты.

По регионам среди лиц корейской национальности данный показатель колеблется от 23,5% в Кызылординской области и 25,8% в Южно-Казахстанской до 37,5% в г. Астане и 38,0% в Мангистауской области. Показатель занятости напрямую зависит от региона и места проживания, то есть в трудоизбыточных южных областях он ниже среднего, а на Севере, Западе, Востоке и центральной части страны, наоборот, – выше. Самый высокий показатель трудоустройства в новой столице – Астане, причем у всех этносов, ибо здесь появились вакансии во многих учреждениях и, соответственно, возможности для карьеры. В новую динамично развивающуюся столицу переехали из других регионов молодые, энергичные люди для занятия бизнесом, который представлялся более выгодным и перспективным. Относительно невысокий удельный вес занятых в г. Алматы объясняется более значительной долей людей старших возрастных групп, нежели чем в Астане.

В целом по республике 8,3% из числа всех занятых составили руководители. У лиц корейской национальности этот показатель составил 17,3%, казахов – 7,9%, русских – 9,3%, лидирующее положение занимают евреи – 27,5%. Сами по себе эти цифры мало что значат, так как важно о каких сферах идет речь. Однако, исходя из того, что корейцы не составляют и одного процента в общей численности населения, то можно заключить, что они достаточно широко представлены в государственных органах власти, стали заметными фигурами в политической жизни страны, из которых следует отметить следующие лица: Ким Юрий Алексеевич – Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан; Ни Владимир Васильевич – управляющий делами Президента Республики Казахстан, начальник Хозяйственного Управления Президента и Правительства; Ким Георгий Влади-

мирович – министр юстиции Республики Казахстан; Раиса Петровна Шер – депутат Мажилиса парламента Республики Казахстан и т.д. Корейцам стали присваиваться генеральские звания. Звание генерал-майора МВД получил Цхай Борис Алексеевич, звание генерал-майор юстиции, Государственного Советника Юстиции III класса присвоено Хегаю Алексею Юрьевичу.

Высока среди корейцев доля специалистов высшего уровня квалификации, составившая 18,4%, в то время как в целом по Казахстану – 12,9%, среди казахов – 14,5%, русских – 12,1% и у евреев – 33,8%. По этому показателю корейцы уступают лишь евреям. Удельный вес неквалифицированных рабочих среди корейцев, как и следовало, ожидать оказался одним из самых низких по стране – 6,5%, что на 2% выше, чем у евреев. В целом по стране этот показатель равен 9,8%, среди казахов – 9,4 и русских – 10,2%.

Переход от социалистической экономики к рыночной, приватизация государственного сектора, реформирование общественно-политического устройства в Казахстане создали новые возможности для частного предпринимательства в постсоветский период. За годы независимости в Казахстане стал складываться социальный слой бизнесменов, который приобрел за короткий срок опыт ведения своего дела от так называемых коммерческих киосков и мелкой розничной торговли до крупных компаний и корпораций.

За прошедшее годы корейцы достигли в Казахстане значительных успехов в бизнесе, что было обусловлено не только правовыми, социально-экономическими предпосылками, общими для всего населения страны, но и другими причинами. Во-первых, уровень образования, профессиональный опыт и организаторские способности позволили занять определенные ниши в частном секторе экономики. Корейцев отличало также трудолюбие, упорство и коммуникабельность, умение ладить с людьми, что было необходимо в новых деловых взаимоотношениях. Во-вторых, корейцы на начальном этапе имели некоторое преимущество, так как у них имелся определенный стартовый капитал, заработанный в советские времена сезонной аграрной деятельностью. В-третьих, часть корейцев, сумевшая удержаться на руководящих должностях в предприятиях и государственных

учреждениях, получила возможность участия в их приватизации. В-четвертых, установление дипломатических отношений между Казахстаном и Южной Кореей, динамичное развитие экономических связей создали благоприятные предпосылки для создания совместных компаний и партнерских связей между соотечественниками. В-пятых, корейцы, проживающие в Казахстане преимущественно в крупных городах, заняты урбанизированными видами предпринимательской деятельности. Лишь немногие корейцы занялись фермерским хозяйством. В-шестых, ряд корейцев смогли создать и возглавить крупные компании, с многонациональным коллективом работников, число которых достигало нескольких тысяч человек. Примером тому мощнейшая в начале 1990-х годов полугосударственная корпорация «КРАМДС», которой руководил Виктор Тё; Компания «Казахмыс» – Владимир Ким, крупная группа компаний, контролируемая Юрием Цхаем, строительная корпорация «Куат» – Олег Нам и т.д. В-седьмых, предприниматели-корейцы занимают довольно сильные позиции на казахстанском рынке в следующих отраслях: финансы и банковское дело; строительство; мелкооптовая и розничная продажа; производство и продажа бытовой техники и электроники, оказание медицинских, юридических, консалтинговых услуг; сервисное обслуживание и досуг.

Изменения в социальной структуре, профессиональном составе и, в конечном счете, в финансово-имущественном положении корейцев, происшедшие за годы независимого государства, отражают общую тенденцию, характерную для всего населения Казахстана. Среди корейцев, как и во всем обществе, условно выделяются три ассиметричных по численности социальных слоя: высоко-, средне- и малообеспеченных людей. В силу понятных причин основная масса предпринимателей освоила свой бизнес в Алматы и затем в новой столице – Астане.

Число компаний, основанных в прежней столице в начале 1990-х годов представителями корейской диаспоры, составляло около свыше одной тысячи, за прошедшие годы многие из них либо прекратили свое существование, либо изменили названия, что затрудняет анализ их деятельности. В свою очередь появились новые фирмы, и поэтому в начале 2000-х годов их общее число осталось примерно на прежнем уровне.

Из 1,178 предприятий, учреждений государственного сектора и частного предпринимательства корейцы были в преобладающей массе владельцами частных компаний – 940 человек, или 78,8 процента всех руководящих должностей. Женщины-корейки довольно широко представлены в качестве главных лиц – 272 человека, что составляет 23% от общей численности руководителей. В целом по Казахстану, все трудоспособное население в возрасте от 16 до 60 лет составляет около 60 тыс. человек, или около 60% от общей численности населения. В г. Алматы, где высок удельный вес учащихся школ, студентов университетов и людей пенсионного возраста, доля реально трудозанятых ниже среднего показателя по стране. Из 30-тысячного корейского населения крупнейшего города Казахстана предположительно менее половины занята трудом. Таким образом, из общего числа трудозанятых корейцев в г. Алматы около 12-15% занимают руководящие должности, в то время как по Казахстану в целом эта цифра несколько выше – 17,3%.

Имеющиеся данные из Департамента статистики г. Алматы позволяют рассмотреть распределение корейцев-руководителей по виду производственной деятельности. Для примера взят Бостандыкский район, в котором 246 корейцев возглавляли государственные предприятия и частные фирмы, в таких отраслях как: торговля – 79; производство товаров – 16; строительство и архитектура – 26; сфера просвещения и образования – 9; общественное питание – 5; издательское и рекламное дело – 7; компьютеры, ремонт, программное обеспечение – 11; здравоохранение – 5; общественные организации и фонды – 5; услуги – 23; отдых и развлечение – 8; управление недвижимостью – 10; научно-исследовательская деятельность – 11; юридические услуги и служба безопасности – 8; туризм, транспорт, монтаж оборудования и др. – 23.

Данные по району подтверждают предположения, что корейцы заметны в сфере торговли, строительства, оказания различных услуг, науки и образования. Не исключено, что по другим районам г. Алматы могут получиться несколько иные показатели, однако общая картина предпринимательской деятельности корейцев видна налицо.

Специфика формирования элиты. В Казахской ССР и в начальный период суверенной Республики Казахстан корейцы

были достойно представлены в государственных органах власти. В советский период корейцы проходили через общую систему отбора кадров, продвижения по карьерной лестнице, однако действовали также определенные разрядки, учитывавшие национальную принадлежность.

С обретением независимости в Казахстане появились заметные фигуры в общественно-политической жизни страны, из которых можно отметить: Ким Юрия Алексеевича – Председателя Центризбиркома, Председателя Конституционного Совета Республики Казахстан; Ни Владимира Васильевича – управляющего делами Президента Республики Казахстан, начальника Хозяйственного Управления Президента и Правительства; Ким Георгия Владимировича – министра юстиции Республики Казахстан; Раису Петровну Шер – депутата Мажилиса парламента Республики Казахстан и т.д. Появились среди корейцев с генеральскими званиями, например, генерал-майором МВД стал Цхай Борис Алексеевич, генерал-майора юстиции присвоили Государственному Советнику Юстиции III класса Хегаю Алексею Юрьевичу.

Формирование новой элиты среди корейцев Казахстана происходит по двум параллельным вертикалям. Первая вертикаль – внутридиаспорная возникла в рамках так называемого «корейского движения». Практика показала, что эффективное руководство этнокультурными объединениями, активное продвижение политики Президента страны, действенный вклад в общее дело укрепления толерантности, дружбы и осознания принадлежности к единому народу Казахстана открывает путь продвижения вверх в общественно-политической иерархии¹. То есть лидерство в диаспоре может стать одним из каналов инкорпорации в национальную элиту.

Лидерство в республиканском этнокультурном объединении – Ассоциации корейцев Казахстана и активное продвижение государственной политики позволили использовать «социальный лифт» Ассамблеи Народа Казахстана для получения мандата депутатов районных, городских и областных маслихатов, а так-

---

¹ См.: Наронская А.Г. Методологические аспекты изучения феномена элиты. Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. Философия и политология. № 3(69), 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0069\(04_03-2009\)](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0069(04_03-2009)). Дата. 20.03.2010

же высшего законодательного органа власти страны – Сената и Мажилиса парламента. Такая возможность была предоставлена Юрию Андреевичу Цхаю – в высшую палату, а Ким Роману Ухеновичу – в нижнюю.

Другим каналом продвижения в представительные органы власти стал успешный бизнес, например, в маслихат города Алматы прошли двое корейцев – руководители крупных частных строительных компаний Бронислав Шин («Алматыинжстрой»), Олег Нам («КУАТ»), Ли Владислав (Центркредит банк).

К моменту обретения Казахстаном суверенитета корейская диаспора имела значительный научный потенциал, который по праву входил в научную элиту республики². Анализ персоналий книги «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре» показал, что корейцы оказались особенно активными в естественных науках, и общее число кандидатов и докторов наук составило около 400 человек. Ученых-гуманитариев оказалось 125 человек, то есть более чем в три раза меньше чем естественников³.

Согласно данным на 2002 г., исследователей в области математики, механики, информатики и физики было 65 человек; ученых химиков и металлургов – 50; в геологии и горном деле 43 корейца имели ученые степени кандидатов и докторов наук. Весьма крупной по численности была группа ученых-корейцев в биологической и сельскохозяйственной науках – 64 человека, а еще больше оказалось ученых-медиков – 94 человека, в том числе 10 докторов медицинских наук и свыше 80 – кандидатов наук. В одну группу свели архитекторов, строителей, энергетиков и транспортников, однако число ученых составило в итоге 69 человек.

За 80 лет проживания в Казахстане сформировалась корейская интеллигенция в общественных науках: истории, философии, юриспруденции, филологии, экономике. Меньшее число ученых-гуманитариев и обществоведов объясняется несколькими причинами. Во-первых, замечено, что корейские учащиеся в школах легче усваивали такие предметы как математика, физика

---

² См.: Советские корейцы Казахстана (энциклопедический словарь). – Алма-Ата, 1992. – С. 101-126; Корейцы в науке Казахстана. – Алматы, 1997.

³ Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре / Под ред. И.Т. Пак. – Алматы: НТО «Кахак», 2002. – С. 20-24.

и химия, нежели историю, русский язык и литературу. Соответственно большая часть выпускников средних школ поступала в технические институты. Во-вторых, в естественных науках ученую степень получали гораздо раньше, чем в общественных науках. И, наконец, некоторые ученые-гуманитарии отправились для научной карьеры в Москву, к таковым относятся: академик АН СССР, историк Максим Павлович Ким; член-корреспондент АН СССР, историк Георгий Федорович Ким; доктор философских наук, профессор Герасим Андреевич Югай и др.

Доля женщин-ученых колеблется в зависимости от отрасли науки: наиболее высокой она оказалась в области медицинской и педагогической науки, и низкой среди горняков и металлургов. Среди 81 корейца доктора наук женщинами являлись 11 человек. Нет ни одной женщины среди академиков и членов-корреспондентов АН СССР, АН Казахской ССР и НАН Республики Казахстан. Нет ни одной женщины-корейки также среди 7 заслуженных деятелей науки и техники, ни среди 11 лауреатов Государственной премии СССР и Каз.ССР. Первой корейкой лауреатом Государственной премии Республики Казахстан стала доктор химических наук Ю Валентина Константиновна.

Таким образом, за последние десятилетия наметились изменения в социальной структуре и профессиональной занятости среди корейской диаспоры Казахстана. Эти изменения происходили в контексте реформирования казахстанского общества, проводимой внутренней политики, сложившегося социально-экономического состояния страны и тенденций дальнейшего развития суверенного государства.

Переход от социалистической экономики к свободным рыночным отношениям и резкое ухудшение условий жизни вынудили многих людей оставить прежнюю работу и заняться другими видами деятельности. В итоге произошло вымывание слоя научной, творческой интеллигенции, а также сокращение доли корейцев в государственных учреждениях, с одной стороны, и увеличение численности людей, занятых своим бизнесом – с другой⁴.

Уровень образования. Для будущего поколения в Казахстане обязательное владение казахским языком стала аксиомой, вот почему корейской диаспорой в лице АКК принята к реализации

---

⁴ Ким. Г.Н. Корейцы суверенного Казахстана. Рукопись монографии. 2010, Л. 19

программа *«Интеграция молодого поколения корейцев в общественно-политическую и социально-культурную жизнь Казахстана»* посредством усвоения государственного языка. Старшее поколение корейской диаспоры достигло успехов в советский период благодаря высокому уровню образования и хорошему владению русским языком. Теперь престижность образования в Казахстане включает фактор владения государственным языком, что позволит двигаться вверх по ступеням социальной пирамиды.

Корейцы не проходят отдельной строкой по текущей статистической отчетности, поэтому нет возможности проследить динамику численности студентов, выбора типа учебного заведения, факультета, специальности, формы обучения и т.д. Имеющиеся данные свидетельствуют, что начало 1998/99 учебного года общая численность студентов-корейцев составила 4767 человек, из них очников – 3320, вечерников – 108 и заочников – 1357⁵.

Априорно можно сделать вывод, что численность студентов корейской национальности за последние десятилетия оставалась без больших изменений. Корейцы, занимая по своей численности в структуре населения Казахстана 9-ую строчку, в национальном составе студентов высших учебных заведений поднялись в абсолютных показателях до 4-го места, опередив, таким образом, немцев, татар, узбеков, белоруссов и уйгуров.

Анализ косвенных данных и сведений, а также общие тенденции позволяют сделать следующие выводы относительно выбора корейцами вузов. Во-первых, доля студентов гуманитарных факультетов и специальностей заметно увеличилась, а технических, аграрных вузов и естественнонаучных факультетов соответственно снизилась. Во-вторых, снизилась численность корейцев из Казахстана, обучающихся в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска и других российских центров. Как и прежде совсем немногие корейские юноши желают получить образование в военных вузах и учебных заведениях, что объясняется в большей степени традицией советского периода. К сожалению, нет также сведений, касающихся соотношения численности студентов-корейцев, получающих образование на бюджетной основе и на договорных, платных условиях. Предположительно, что число последних либо равно, либо превышает число тех, кто получает бесплатное вузовское образование.

---

⁵ В скобках дан средний показатель по всему населению КазССР.

Ермекбаев Ж. А.
Доктор исторических наук,
профессор,
Исакиева З.С.

ЭТНОГРАФИЯ ЖИЗНИ ЧЕЧЕНЦЕВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

23 февраля 1944 г. стал роковым днем в жизни чеченского и ингушского народов. Почти полмиллиона жителей городов и аулов, мужчин, женщин, стариков и детей были насильно загнаны в вагоны и вывезены далеко от родных мест. В Казахстане проживают живые очевидцы из числа чеченцев, которым довелось испытать горькую судьбу спецпереселенцев. Им сейчас больше семидесяти лет, но они хорошо помнят минувшие времена. Следует отметить, что многие сообщения информаторов совпадают с историческими фактами и событиями прошлого, что подтверждается официальными документами. История изгнания, первые тяжелые годы адаптации спецпереселенцев, регистрация в спецкомендатурах, трудовая и общественная деятельность – все это бережно хранится в их памяти и передается из поколения в поколение.

Трудно подсчитать людские, материальные, культурные и нравственно-моральные потери чеченцев во время депортации. Население Чечни потеряло многое и безвозвратно, в том числе своих лучших людей. Потеряны были экономические, материальные, историко-культурные, социальные и художественные ценности, исторические и семейные архивы, формировавшиеся чеченцами на своей исторической земле. Депортация чеченцев нанесла значительный урон растущему индустриальному развитию республики, а также сельскому хозяйству, особенно животноводству. Были утеряны навыки традиционного ведения отгонного животноводства, обработки высокогорных земельных участков, пришло в упадок террасное земледелие. Безвозвратно разрушены и уничтожены многие исторические памятники материальной и духовной культуры чеченцев, утеряны навыки декоративно-прикладного народного искусства, формировавшиеся не одним поколением.

Первое поколение чеченцев сумело выжить в нелегких для них новых условиях, пройти сложный путь бытовой адаптации, овладеть русским языком, достаточным для общения на производстве и в быту.

География расселения чеченцев охватила пятнадцать областей Казахстана. Значительная часть вайнахского населения была расселена по территории Карагандинской области [1].

В начале 1944 г. на территорию Карагандинской области были депортированы чеченцы и ингуши, по архивным данным 36 702 человека (9 036 семей). Чеченцы в составе спецконтингента трудились на шахтах Караганды, рудниках Джезказгана, Балхаша и других городов. В 1946 г. в угольной промышленности было распределено 1 216 семей (5 777 человек) [2], а в 1947 г. – 1 598 семей (7 508 человек) [3]. На территории Центрального Казахстана в 40-е гг. XX в. находился филиал ГУЛАГа – Карлаг. Одной из главных целей организации Карлага было создание крупной продовольственной базы для угольно-металлургической промышленности Центрального Казахстана: Карагандинского угольного бассейна, Джезказганского и Балхашского медеплавильных комбинатов. Труд заключенных Карлага широко использовался на шахтах бассейна. В их числе были и категории депортированных. На 1 июля 1946 г. на рудниках и шахтах Караганды и Джезказгана работали 17 468 человек, из них в Джезказгане – 10 417 человек, на шахтах Караганды и Сарани – 5 448 на предприятиях Темиртау – 1 468 [4].

Оказавшись в Казахстане, чеченцы не нарушали своего морального кодекса жизнеобеспечения и во взаимоотношениях с другими этносами придерживались своего этнонационального этикета, но на определенном расстоянии и при этом уважая принятые в обществе нормы поведенческой культуры. Жизнеобеспечение чеченцев выработало дух коллективизма и трудовой взаимопомощи. Освоение труднодоступных участков для выращивания зерновых культур, необходимость дачи отпора непрошеным гостям, горе, несчастья, потери кормильцев в семье всегда сближали людей. Это особенно ярко проявилось в годы депортации.

В мировой практике обычно происходит так: если человек, долго находящийся вне исторической родины, смог выжить в новой среде, то у него слабеет намерение вернуться. Однако у

чеченцев такого не происходило в силу определенных обстоятельств, вызванных принудительным выселением из родных очагов обитания. Вне исторической родины человеку сложно сохранять в полной мере национальные традиции и обычаи, а также совершать религиозные предписания. Но к чеченцам Казахстана это отнести нельзя, так как они в основной массе придерживались своих национальных традиций и обычаев, исповедуя каноны ислама.

Черепанова Любовь Ивановна 1925 г. р., заслуженный шахтер КазССР, вспоминает: «В 1944 г., когда чеченцев выселили в Караганду, мне было 19 лет. Поселок наш состоял в основном из чеченцев и дальше стал называться “чеченским”. Трудолюбивые чеченцы построили себе саманные домишки и начали трудиться на шахтах и стройках Караганды. Большинство из них трудились на шахте № 42/43. Шахту знали, как “чеченскую”. Я – одна русская работала среди чеченок в бригаде у Дударова Анаса. Все чеченцы относились ко мне как к сестре. Надо было видеть, какие прекрасные отношения были между этими людьми. Это были не просто соседи – это была одна общая семья. Вместе ходили на работу. Рабочее время будней было у каждого свое, но после работы, выполнив свои обязанности по хозяйству, они собирались вечером и вспоминали Родину, не было конца беседам. Говорить же о выходных вообще не приходилось. Завелся такой порядок – каждый по очереди принимал у себя дома всех. Когда уезжали чеченцы на Кавказ, мы провожали их со слезами. Они были лишены возможности читать и писать на родном языке, более того, не могли найти ни одного слова о своем прошлом, об истории своего народа и на русском. Но в чеченских семьях широко распространялась устная народная поэзия, песни религиозного содержания, песни на любовные и патриотические темы. Я сама пела их вместе с подружками: Манащ, Кокой, Асмой. Живя в Казахстане, они оставались чеченцами и берегли память о своей прекрасной Родине, сохраняли национальную нравственность» [5].

Даже в этом рукотворном, земном аду наполовину уничтоженному народу удалось не только выжить, но и сохранить свои честь и достоинство, собственное имя и самобытность. И в этом заслуга в первую очередь чеченских женщин-матерей, которые, сами умирая от голода и холода и непосильной работы на шахтах

и рудниках Казахстана, вскармливали и сберегали своих детей. В силу своей высокой нравственности они годами ждали с фронта своих мужей, не смешиваясь с другими этносами, чем спасли полуистребленный народ от ассимиляции [6]. В Казахстане чеченцы в большинстве своем соблюдают нравственный этикет поведения, который не дал им аккультурироваться и тем более ассимилироваться в другой иноэтнической среде. В жизнедеятельности чеченцев большую роль играет соблюдение внутреннего спокойствия. Под ним они понимают сохранение ясности ума и правил поведения. Чеченцы в целом сдержанны и скромны как в быту, так и на работе. Депортированные чеченцы своим самоотверженным трудом доказывали бесосновательность предъявленных им обвинений. Их самоотверженный труд продиктован двумя полярными посылами. Одна часть продолжала проявлять свою преданность Советскому государству, считая акт депортации частной несправедливостью, другая трудилась самоотверженно из-за естественного инстинкта самосохранения, понимая, что это единственный способ доказать свою лояльность властям [7].

Чеченцев всегда отличало групповое самосознание, отличающее от других этносов, а также значительное чувство солидарности и симпатии к своим соплеменникам и ощущение связи с его историческими судьбами. Этим они выделялись среди народа Казахстана. На производстве чеченцы работали с людьми разных национальностей. Это производственная сторона жизнедеятельности чеченцев, но они практически не интегрировались с остальным населением Казахстана, хотя факты смешанных браков были.

Со временем они стали самодостаточной в демографическом отношении диаспорой в Казахстане со своими национальными обычаями и традициями. Отсюда и росло некоторое чувство «превосходства» и проявлялось обостренное национальное самосознание.

Трудные первые годы жизни в условиях спецпоселения внесли изменения в свадебную обрядность. Еще в пути следования отцы девушек, чтобы сохранить непорочность и честь молодых, договаривались с отцами парней на предмет сочетания браком. Таким образом, с благословения родителей в эшелонах были заключены вынужденные бракосочетания в силу экстремального положения чеченцев. Вот таким мудрым решением родителей

скрепили свои сердца на всю жизнь многие молодые девушки и парни брачного возраста.

Казахстане, где жили чеченцы, обязательным стал обычай поминания умерших «сагІа даккхар», окреп статус семьи и роль мужчин и женщин, стало меньше разводов. Непререкаемым стал обычай уважения и почитания старших, среди молодежи воспитывалась память об историческом прошлом народа, все чеченцы знали генеалогию своего тейпа, и, конечно, обязательным было соблюдение норм Корана, поэтому в среде чеченцев трудно было найти атеистов. Это было исключением.

Этнография жизни чеченцев в Казахстане показывает, что они старательно соблюдали свойственные им национальные обычаи и традиции, несмотря на то, что находились в мульти-культурной среде. Если внимательно приглядеться к чеченцам, то можно заметить у них особенности в поведенческой культуре, отличающие их от других этносов. Например, женщина в повседневной жизни всегда должна быть с левой стороны от мужчины, так как правая сторона более активная, и мужчина в случае непредвиденных обстоятельств мог бы защитить ее. Девушка при встрече отвечает на приветствия, только если это не близкий родственник. Если девушка приветствует первой, то это свидетельствует о ее симпатии к молодому человеку.

При встрече людей разных возрастов обязательно первым здоровается младший по возрасту, и если разница в возрасте большая, то не за руку. Чеченцы, родившиеся в Казахстане или прибывшие сюда с детьми и получившие здесь образование, уже обречены совмещать этноидентичность, связывающую их с родительской этнокультурной традицией, с гражданской принадлежностью к казахскому обществу и его культурной среде. Память о родине живет не только у родителей, но и у детей. Эта память укреплена постоянной связью с исторической родиной предков. В Казахстане у чеченцев этническая культура всегда присутствует в семейной жизни в виде обычаев и традиций, сказок, преданий, танцев, песен, колыбельной. Она подпитывается национальными мифами об этнической исключительности народа. Воспитанный в этнической семье, среди своих соплеменников, общаясь при этом с людьми различной национальной принадлежности, чеченец осознает свою специфику и свое отличие от других.

В марте 1995 г. Министерством юстиции Республики Казахстан зарегистрирована Ассоциация «Вайнах», в ее состав входят национально-культурные объединения чеченцев и ингушей всех областных центров Казахстана. Первыми руководителями или сопредседателями центра «Вайнах» в Алматы были избраны доктор философских наук, профессор А.Д. Яндаров и доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик НАН РК С.М. Оздоев. Чтобы возродить традиции и обычаи, язык, во всех областях образованы чеченские диаспоры. Во многих городах организованы воскресные школы, НКЦ «Вайнах» ежегодно участвует в выставках национальной кухни, во многих областях действует общественное объединение «Народное согласие». В целом чеченцы интегрировались в социально-культурное пространство Казахстана как этнокультурный народ со своеобразной субкультурой.

Подводя итог, отметим, чеченская диаспора Казахстана старается сохранить национальную общинную сплоченность и укрепить национальное самосознание. В настоящее время чеченцы выделяются среди других диаспор устойчивым национально-групповым самосознанием в силу максимальной степени адаптивности в Казахстане, что явилось следствием приспособления еще в суровых условиях депортации к жизни среди местного населения. Другим подспорьем служит религия – ислам, которая в жизни чеченцев помогает спланиваться в диаспоре, а также сохранить и укрепить этнокультурное своеобразие. Можно утверждать, что чеченцы являются устойчивыми этноконфессиональными группами в полиэтническом обществе Казахстана. В целом они интегрировались в социально-культурное пространство Казахстана как этнокультурный народ со своей своеобразной субкультурой.

Литература

1. Ермакбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. – Алматы, 2009. – С. 98.
2. Калыбекова М.Ч. Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937–1956 гг. Исторический аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2005. – С. 19.
3. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 843. Л. 149.

4. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. – Караганда, 1997. – С. 110.
5. Информант Черепанова Любовь Ивановна, 1925 г. р. г. Караганда РК. Материалы полевых дневников З.С. Исакиевой.
6. Исакиева З.С. Трудовой вклад чеченских женщин в добывающую промышленность Центрального Казахстана в 40–50 гг. XX в. // Нана. – Грозный, 2010. – № 7–8.
7. Исакиева З.С. Чеченцы в составе спецконтингента на строительстве и угледобыче Карагандинского угольного бассейна в 40-е гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2010. – № 4.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ИНДИКАТОР ЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (на примере татар Казахстана)

Основополагающим конструктом межэтнических отношений является оппозиция «мы – они», которая формируется в виде определенных устойчивых образов. Составляющей частью образа является стереотип. Под стереотипом понимаются упрощенные, схематизированные образы социальных объектов, характеризующиеся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений [1]. Этноинтегрирующую совокупность атрибутивных признаков о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы принято называть «автостереотипом», а совокупность атрибутивных признаков о других этнических группах – «гетеростереотипом» [2].

По мнению Г. У. Солдатовой, этнические образы формируются на основе трех взаимосвязанных процессов: отождествление личности с этнической группой и ее самоопределение через этническую группу (самоидентификация), дифференциация собственной и других этнических групп и осознание межэтнических различий (этническая идентификация и межэтническая дифференциация), осознание отношения к собственной и другим этническим группам [2]. Однако, как справедливо замечает Т.Г. Стефаненко, стереотипы могут «усваиваться и в раннем детстве – обычно из вторичных источников, а не из непосредственного опыта – и используются детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они принадлежат» [1].

Среди наиболее существенных свойств этнических стереотипов выделяют их эмоционально-оценочный характер (например, могут быть стереотипы восхищения, презрения, зависти и патернализма [3], устойчивости, согласованности [4], неточности [5]).

Если раньше основная функция стереотипов рассматривалась как «упрощение и систематизация обильной и сложной информации» [1], то в настоящее время стереотипизация изучается как объяснение, оправдание и сохранение существующих отношений между группами, а также защитный механизм позитивной

этнической идентичности [4]. В современном научном дискурсе не важно, насколько истинными являются стереотипы: они могут отражать те или иные реальности, а могут быть вымышленными [6], важным представляется изучение их с точки зрения регуляторов межэтнического взаимодействия исследуемой этнической группы.

С целью анализа стереотипов татарского населения Казахстана в период с 2008 по 2013 год было опрошено 920 татар в разных регионах Казахстана и проведено 98 глубинных интервью с активными членами этнической общины.

Из семи положительных атрибуций татары считают себя в наибольшей степени чистоплотными, гостеприимными и деловитыми, русских – чистоплотными, деловитыми и добрыми, казахов – гостеприимными, сплоченными и патриотичными.

Из интервью:

«В мире, наверное, нет народа гостеприимнее казахов. Когда я приехал в Тобольск к родственникам, мне сказали, не удивляйся, если тебе чай не подадут и за стол не позовут. Среди казахов невозможно такое представить. Это будет ЧП, если такое произойдет» (жен. 1967 г. р., г. Алматы).

«Я работаю в строительной фирме, начальник у нас казах. Все рабочие у нас из его родного аула. Всем своим родственникам он дал возможность заработать себе на хлеб. У русских же такого нет. И мы, татары, свою сплоченность, к сожалению, постепенно начинаем утрачивать. В наше сложное время очень важно друг друга поддерживать и помогать друг другу.» (жен. 1947 г. р., г. Петропавловск).

Мы можем наблюдать, что автостереотип татар Казахстана в наибольшей степени схож с гетеростереотипом русского населения: русские также, по мнению татар, как и они, отличаются чистоплотностью и деловитостью, в то же время психологическим мостиком с казахским населением является гостеприимство. Различия между автостереотипом и гетеростереотипом отражают уровень взаимопонимания между народами и степень их психологической тождественности. Таким образом, схожесть доминирующих стереотипов как с русскими, так и с казахами свидетельствует о низкой возможности роста этнической нетерпимости и психологической близости с группами этнического большинства. Обращает на себя внимание и полюсное восприятие каза-

хов и русских татарским населением Казахстана. Так, например, русские в глазах татар в наименьшей степени выглядят гостеприимными и сплоченными, в то время как казахи в противопоставление русским – чистоплотными. На наш взгляд это свидетельствует о высокой культурной и социальной дистанции, а также о четких этнических границах, которые существуют между двумя группами этнического большинства, с точки зрения татарского населения.

В континууме «этническое большинство – этническое большинство» татары продолжают отводить себе историческую сложившуюся роль своеобразных посредников, которые сближают две этнические группы. Отметим, что эта роль имеет глубокие исторические корни, связанные с присоединением казахской степи к Российской империи, тогда татары выступали важнейшими агентами внутренней колонизации.

Своеобразной линией разграничения гетеростереотипа русских от гетеростереотипов казахов и автостереотипа татар является такая атрибуция, как доброта. По мнению С.В. Рыжовой, использование нравственных категорий в стереотипе может свидетельствовать о некоторой ущемленности этнической группы в стремлении соответствовать модернизирующимся общественным условиям.

Рассмотрим бытование стереотипов в разных возрастных категориях татарского населения (табл.).

Таблица 1

Нравственная категория	Татары		
	старше 60 лет	от 30 до 60 лет	от 18 до 30 лет
Доброта	4	4	6
Гостеприимство	2	2	2
Чистоплотность	1	1	1
Деловитость	3	3	3
Одаренность	5	5	4
Сплоченность	6	6	5
Патриотизм	7	7	7

Место отдельных атрибуций в матрице автостереотипов среди разных возрастных групп татар Казахстана.

Как видим в представленной выше таблице, автостереотип татар разных возрастных категорий достаточно устойчив. Татары, несмотря на разный возраст, воспринимают себя в первую очередь, чистоплотными, гостеприимными и деловитыми. Молодые татары в меньшей степени, чем представители старшего поколения, считают доброту своей отличительной чертой.

Гетеростереотип татар оказался менее устойчивой структурой, чем автостереотип. Если пожилые татары воспринимают русских главным образом как деловитых, чистоплотных и патриотичных, а казахов как гостеприимных, сплоченных и добрых, то молодежь начинает видеть русское население в большей степени добрыми, чем патриотичными, а титульное население – наоборот. Наблюдается и определенная динамика атрибуции деловитость в разных возрастных группах татар. Деловитость усиливает свои позиции в иерархии гетеростереотипа казахов у татарской молодежи, в то же время в гетеростереотипе русских это качество незначительно теряет свою значимость. Данные явления, на наш взгляд, обусловлены тем, что стереотипы старшего поколения, очевидно, сложились еще в советскую эпоху и относительно устойчивы. На стереотипах младшего поколения в большей степени отразились социально-экономические и политические трансформации. В новых условиях татарская молодежь наделяет казахов значительно большим социальным статусом, чем старшее поколение, воспринимая казахское население как «титульное». Русские незначительно теряют в глазах молодежи статусность. Однако, несмотря на актуализацию атрибуции «доброта», «деловитость» продолжает играть важнейшую роль в иерархии гетеростереотипов русских.

Известно, что автостереотипы, как правило, более позитивны, чем гетеростереотипы [6], поскольку выполняют функцию защиты позитивной идентичности. Как показало наше исследование, татары Казахстана считают себя, в сравнении с группами этнического большинства, самыми добрыми, чистоплотными, гостеприимными, одаренными, деловитыми, и только в таких атрибуциях, как сплоченность и патриотизм, было признано превосходство казахского населения. Из общего количества упоминаний позитивных качеств татары в 50% случаях указы-

вали на себя. Данный показатель аналогичен в разных возрастных группах.

Итак, схожесть автостереотипа и гетеростереотипов татарского населения отражает, с одной стороны, психологическую близость этнической группы с группами этнического большинства, с другой – полярное восприятие русских и казахов. В возрастной трансформации гетеростереотипов татар прослеживается влияние политического и социально-экономического факторов. Устойчивость автостереотипа свидетельствует о позитивном образе «мы» татарского населения, успешно продолжающем передаваться из поколения в поколение.

Литература

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
3. Fiske S. T. Stereotyping, prejudice and discrimination at the seam between the centuries: evolution, culture, mind and brain / S.T. Fiske// *European Journal of Social Psychology*. –2000. –Vol. 30. – P. 299-322.
4. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // *Intergroup behavior*. – Oxford, 1981. – P. 144-167.
5. Fishman J. A. An examination of the process and function of social stereotyping // *Journal of Social Psychology*. – 1956. № 43. – P. 27–64
6. Арутюнян Ю. В.; Дробижевой Л. М.; Сусоколова А. А. Этносоциология. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с
7. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. – М.: Альфа, 2011. – 280 с.

Маджун (Мусарова) Д. С.
*Кандидат исторических наук,
Национальная академия наук
Республики Кыргызстан*

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У ДУНГАН КИРГИЗСТАНА И КАЗАХСТАНА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Дунгане (хуэй) сформировались в народность на территории Китая из местных и пришлых неханьских этносов и этнических групп. Процесс формирования хуэйской народности связан с проникновением в Китай мусульманской религии, которое шло двумя путями: по морю (VII–XII вв.) и по суше, через Туркестан (с XIII в.). Ислам консолидировал народы различного происхождения, прибывшие в Китай из разных стран мира, но исповедующие одну религию. Он стал основой развития национального самосознания и моральных ценностей дунганского народа. Под его воздействием формировались культурные традиции, идеология, нормы быта и морали, стереотипы поведения и мышления, а также материальная и духовная культура дунган. Ф. В. Поярков, говоря о роли ислама в жизни дунган, отмечал, что «выделением и обособлением своим дунгане в таком виде, в каком они в настоящее время представляются нам, исключительно обязаны мусульманству, без него невозможно не только их существование, но без него немислимо было бы и самое появление их на свет божий, одним словом, магометанство родило дунган».¹

Мусульмане-переселенцы принесли в Китай богатую арабскую культуру и высокие достижения в области науки, получили признание арабская астрономия, летосчисление, медицина, техника изготовления пушек, архитектура, искусство и др. Прибывшие мусульманские купцы и миссионеры были не только обеспеченными, но и грамотными. Для успешного ведения своих торговых дел им необходимо было знать и письмо, и арифметику, и астрономию, и прочие науки. Поэтому уже в период

---

¹ Поярков Ф. В. Материалы по истории, антропологии и этнографии каракунзских дунган и антропологии уйгуров // Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (ФРРК НБ РК). Инв. 336. Л. 31.

правления династии Южной Сун (1127–1279 гг.) в городах Гуанчжоу и Цюаньчжоу были открыты две школы для прибывших мусульман².

Самой просвещенной и влиятельной частью дунганского общества всегда были деятели религиозного культа, наиболее образованные из которых помимо религиозных знаний обладали еще и научно-философскими. Согласно канонам ислама религиозное образование детей должно начинаться с 5-6-летнего возраста, а для чтения Корана необходимо изучать арабское письмо. В одном из документов, датированных 1782 г., отмечается, что хуэйхуэй читают свои книги (имеется в виду Коран и другая мусульманская литература) со времени правления династий Тан и Сун³.

В середине XVII в. появляются первые рукописные и печатные сочинения мусульманских богословов на китайском языке, в которых излагалось догматическое и обрядовое вероучение ислама. Как отмечал Архимандрит Палладий, эти работы содержали интересную информацию об авторах и издателях книг, а также сведения по истории мусульманства в Китае, о мировоззрении и бытовой жизни хуэй. Основной целью религиозных трактатов являлось нравственное и моральное совершенствование носителей мусульманской веры и ограждение своей религии от нападок и насмешек китайцев. Помимо религиозной литературы, у хуэй существовали работы в области астрологии, медицины, поэзии, литературы, географии, математики.

Мечеть, являясь основой жизнедеятельности дунганской религиозной общины, помимо функций сохранения и распространения идеологии ислама, его норм быта и морали, выполняла также функции третейского суда, собирала население для решения текущих дел, обеспечивала его участие в различных религиозно-общественных мероприятиях.

Мечеть не только использовалась для богослужений, проповедей и молитв, но и была местом собраний правоверных, в не-

---

² Ма Чичен. Краткое описание о распространении исламской религии в раннем периоде (пер. с кит. В. Корякина) // Рукописный фонд Центра дунгановедения и Китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики (РФ ЦДК НАН КР). Инв. 047. Л. 10.

³ Палладий, архимандрит. Китайская литература магометан. – СПб., 1887. – С. 44.

обходимых случаях становясь, по сути, своеобразным культурным центром дунганской общины⁴. Соединение религиозной и социальной деятельности было особенностью мечети в Китае, что отличало ее от мечети западных исламских стран. Поэтому китайские мусульмане чаще называют мечеть «джама-ат» (место собрания), в других же странах она называется «масджид» (место молитвы).

В каждом мусульманском квартале функционировала одна или несколько мечетей, которые строились на средства мусульманского населения или на пожертвования богатых мусульман. Мечеть объединяла вокруг себя мусульманскую общину, насчитывавшую до нескольких десятков дворов.

Согласно исследованиям ряда китайских ученых, в 762 г. по высочайшему повелению танского императора была построена цинчжэнсы (мечеть), которая стала, очевидно, одной из первых мусульманских мечетей в Китае. На протяжении последующих столетий строительство мечетей приобрело массовый характер, в Китае было воздвигнуто огромное число дунганских мечетей. Так, только в одном округе Хэчжоу провинции Ганьсу в XIX в. существовало более 1300 мечетей⁵.

Одна из важных функций мечети – организация обучения и воспитания подрастающего поколения. Главной обязанностью мусульман является изучение Корана и религиозного учения ислама. Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Лучшими из вас являются те, кто изучает Коран и учит ему (других)»⁶. Поэтому развитие просвещения у дунган всегда было связано с исламом.

Открытие в Китае первой мусульманской школы при мечети китайские исследователи относят к середине правления династии Мин (XVI в.), с этого же времени начинается работа по переводу канонических книг ислама с арабского и персидского языков на китайский. Предпосылки, подготовившие эти исторические события, были следующие.

---

⁴ Кафаров П. И. О магометанах в Китае // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – Т. 4. – СПб., 1866. – С. 440–441.

⁵ Васильев В.П. Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. – СПб., 1900. – С. 11.

⁶ Сады праведных: Из слов господина посланников / Сост.: Имам Мухйи-дин Абу Закарийя бин Шариф ан-Навави. – М., 2001. – С. 456.

Напомним, что в период правления Юаньской династии (XIII – XIV вв.) мусульмане (хуэйхуэй) играли важную роль в экономической, политической и культурной жизни Китая, а их религия – ислам – находилась под защитой государства: для них открывались государственные религиозные училища, строились мечети. В этот период морем и по Шелковому пути прибывало огромное множество мусульман, в том числе ученые и миссионеры.

Позже, в период правления Минской и Цинской династий (1368– 1911 гг.), дунгане утратили свое влияние и бывшие привилегии, социальное положение их ухудшилось. С установлением запрета на морскую торговлю резко сократилось число образованных религиозных деятелей ислама, ощущался дефицит священных книг и религиозной литературы. Содержание религиозных трактатов и Корана стало непонятным и недоступным для дунган, освоивших китайский язык и утративших к этому времени знания арабского и персидского языков. Один из известных мусульманских деятелей Китая того времени писал по этому поводу: «Наша религия давняя, но ее приверженцы знают только, что они принадлежат к мусульманской вере, но не понимают ее сути, хотя наизусть знают трактаты Корана. Некоторые все же могут немного растолковать, порой выступают (перед аудиторией), но зачастую занимаются кривотолками, что крайне пугает людей»⁷.

Политика самоизоляции Китая еще более способствовала усилению обособления и самостоятельного развития ислама в этой стране, где мусульманская религия приобрела ряд китаизированных черт.

В сложившихся условиях приобрел остроту вопрос о сохранении самостоятельного существования ислама в Китае. Для этого необходимо было, во-первых, подготовить образованных людей, знающих Коран и способных донести населению его смысл на китайском языке, и, во-вторых, начать работу по переводу и толкованию канонов ислама и мусульманской литературы на китайский язык.

Крупные исламские центры в провинциях Шэньси, Юньнань и г. Нанкине стали местом сосредоточения больших мечетей и

---

⁷ Фэн Цзэнле. Лю Чжи и его книга «Тяньфаньданли» // В сб.: Ислам в Китае / пер. с кит. В. Корякина // РФ ЦДК НАН КР. Инв. 051. Л. 12.

высокообразованных ученых – исламоведов, деятелей религиозного культа. Начавшееся здесь внедрение религиозного обучения при мечетях получило широкое распространение. Учителем школы при мечети назначался ахун, который содержался жителями данного квартала.

В XVI в. в провинции Шэньси – известном центре ислама – ученый и педагог Ху Дэнчжоу ахун впервые разработал и внедрил систему религиозного обучения при мечети. Система имела три ступени: 1) высшая – предназначалась для воспитания духовных деятелей (ахун); 2) заочная – для обучения взрослых мусульман; 3) начальная – для обучения детей. Основными предметами изучения были 13–14 канонических книг, включая Коран, святой наказ и его толкование, познание Аллаха и учения ислама, грамматика арабского языка, философия религии, этика, литература и др.⁸

Так, в 1883 г. в Каракунузе жили 674 семьи дунган. В 1885 г., после расселения и обустройства, дунгане с. Каракунуз на собственные средства построили и оборудовали русско-туземную школу. 22 августа 1894 г. начала работать школа в с. Мариинском (Ырдык, Киргизстан), содержавшаяся дунганской общиной, в 1911 г. здесь же была построена школа на 3 тыс. рублей⁹. Подобные русско-дунганские школы функционировали во всех районах компактного проживания дунган, в том числе в с. Александровском Пишпекского уезда.

Открытие русско-дунганских школ было сопряжено с большими трудностями материального характера. Так, в начале XX столетия в Семиреченской области существовало 13 русско-туземных школ, 8 из которых были открыты для уйгуров и дунган. В среднем на содержание одной школы казной выделялось от 300 до 400 руб. в год. Недостаток средств стал причиной отсутствия необходимых условий для занятий и острой нехватки учителей. Плата учителю и средства на содержание школы взимались со всего трудоспособного населения дунганской общины в возрасте от 18 до 55 лет, независимо от наличия детей¹⁰.

---

⁸ Цзинь Ицзю. Общее описание ислама. Изд-во Цинхайчубаньшэ / пер. с кит. В. Коряки-на // РФ ЦДК НАН КР. Инв. 021. Л. 7.

⁹ ЦГА Республики Узбекистан. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1347. Л. 8.

¹⁰ Обзор Семиреченской области за 1903 г.: Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Верный, 1904. – С. 51.

Трудности материального характера усугублялись откровенным нежеланием дунган учить детей в новых школах. В первое время обучение велось только русскими учителями по программе и учебникам, разработанным для русских училищ, – книгам для чтения С. М. Граменицкого и Д. И. Тихомирова, задачникам С. М. Граменицкого и А. И. Гольденберга.

Потому даже под сильным нажимом местных властей в эти школы удавалось привлечь только небольшую часть дунганских детей. Так как у детей не было возможности общаться с русскими, а в школах отсутствовала программа, рассчитанная на местное население, полный курс обучения проходили лишь немногие дети, но полученные ими знания, не находя применения в жизни, быстро забывались. Даже по окончании школы дети, если и могли читать по-русски, не понимали смысла прочитанного, т. е. практически не овладевали русским языком.

В сложившихся условиях стало очевидным, что без реорганизации системы обучения местных народов программа русского правительства по культурному преобразованию края может быть блокирована. Жизнь настоятельно требовала бережного отношения к национальным и религиозным чувствам среднеазиатских народов, учета уровня их экономического и культурного развития.

Вместе с тем проникновение в край более передовых, капиталистических отношений, необходимость его экономического и культурного освоения вынуждала к созданию определенной прослойки из представителей местного населения, владеющей русской грамотой и языком. Она должна была стать связующим звеном между русской администрацией и населением Туркестана, чтобы способствовать распространению влияния русских властей в крае. Поэтому российское правительство начинает более активные действия по расширению и укреплению сети начальных русско-туземных школ и предпринимает ряд мер по повышению доверия местных народов к ним.

Преобразования в процессе просвещения народов Туркестана начались с подписания Высочайшего указа от 20 июня 1886 г., которым разрешалось открывать в крае русско-туземные школы и определять в них учителей из местного населения. В школах вводились, помимо русского языка и арифметики, уроки религиозного воззрения и родной грамоты, которые должен был

проводить местный мулла. В 1887 г. вышла инструкция для заведующих русско-туземными училищами Туркестанского края, в которой рекомендовалось «самое гуманное обращение с учащимися и совершенное устранение каких-либо наказаний их, а иметь с тем мягкость в сношениях с туземцами, уважение к их религии и обычаям»¹¹. Русским учителям рекомендовалось изучать местные языки и обычаи, обеспечивать свободный допуск в училище посетителей местного населения. На уроках рисования предлагалось избегать изображения одушевленных предметов, так как это не одобрялось мусульманской религией.

Учеников в русско-туземной школе обучали два учителя – русский и местный мулла – по два часа в каждом классе. В отличие от старометодных и новометодных мектебов, все школы работали по единой программе, разработанной в 1887 г. и усовершенствованной в 1910 г.

Обстановка «туземного» класса, как и содержание обучения, ничем не отличалась от мектеба. В «русском» же классе дети сидели не на полу, а за партами, обучение здесь велось на русском языке. Низкое качество обучения, отсутствие условий для применения полученных знаний, трудности быта приводили к тому, что около половины учащихся русско-туземных школ бросали учебу, абсолютно забыв то немногое, что было ими получено. Но все же к началу XX столетия наблюдался определенный рост числа русско-туземных школ и учащихся в них, однако посещаемость оставляла желать лучшего. Так, в 1913 г. в с. Александровском числилось 276 дунганских детей школьного возраста, из них в школе учились только 19 мальчиков и 3 девочки (т. е. около 8,1%), в с. Каракуруз – 411 детей, из них учились 25 мальчиков (или 6,1%), в с. Мариинском (Ирдык) из 212 детей посещали школу только 19 (или 8,9%)¹².

Таким образом, в 1913 г. системой русско-туземных школ было охвачено в среднем 7,6% сельских дунганских детей. Причины столь низкой популярности этих школ – в крайне скудной материальной базе. Мизерность ассигнования на образование со

---

¹¹ Граменицкий С. Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. – Ташкент, 1916. – С. 14.

¹² Недзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области (По свед. на 1 янв. 1913 г.). – Верный, 1913. – С. 122, 130, 142.

стороны государства (расход государственного казначейства на просвещение в Туркестане составлял 8,7 коп. на душу населения, в то время как общий расход по Российской империи равнялся 20,1 коп. на душу вызывала дополнительные расходы на эти цели из земских, городских, общественных средств, что означало введение дополнительных сборов и налогов с населения.

Сама система обучения не была достаточно продуманной, не было создано условий для применения полученных в школе знаний. Выпускники школ не пользовались какими-либо привилегиями при поступлении на должности и не находили возможности употребления полученных знаний в жизни.

Отсутствие необходимых для туземных классов учебников и пособий на родном и русском языках, школьного оборудования, четкой программы обучения, рассчитанной на мусульманских детей, слабая подготовленность педагогического персонала, из которого многие не имели даже среднего образования, незнание ими местного языка – все это препятствовало усвоению русского языка и общеобразовательных предметов.

Свободное отправление богослужений, проповедей и молитв, а также религиозное обучение молодого поколения у дунган происходило вплоть до 20-х гг. XX в. С утверждением в среднеазиатских республиках советской власти начинают активно проводиться мероприятия по отделению школы от религии и ограничению влияния духовенства на все стороны жизни. Наибольшего накала государственное воздействие против представителей национальной интеллигенции, зажиточных слоев населения и представителей православного и мусульманского духовенства достигло в конце 20-х–30-х гг. Все мечети, молитвенные дома, мектебы и медресе были закрыты, а религиозные служители подверглись репрессиям.

В начале 40-х гг. старики нескольких дунганских селений обращались в Москву, в союзные и местные органы власти с просьбой разрешить верующим открыть мечети или молитвенные дома. В 1943 году, по воспоминаниям старожилов, людям преклонного возраста было разрешено совершать богослужение. В том же году в ряде дунганских сел (Милянфан, Александровка и др.) открылись мечети и началось относительное возрождение мусульманской общины: под контролем и с дозволения государственных органов в селах разрешалось открывать мечети для

людей пожилого возраста, но участие молодежи в деятельности религиозной общины строго запрещалось. В открывавшихся в селах центральных мечетях проводилась обязательная для всех мусульман пятничная молитва с участием всех верующих села, а для проведения ежедневных пятикратных молитв использовались комнаты в домах сельчан или строились молитвенные дома, которые находились на полуполюгальном положении.

В следующие десятилетия изучение богословия и исламских канонов, а также отправление богослужений были поставлены под строжайший контроль государства, в каждом районе при райисполкоме существовал отдел, контролирующий работу религиозных организаций. Нередки были случаи, когда очередная приезжавшая комиссия без объяснения причин закрывала действующую мечеть или молитвенный дом. Неудивительно, что в дунганских селениях на протяжении нескольких десятилетий преобладающее число ахунов были малограмотными самоучками, а, начиная с 60-х гг. немногие грамотные деятели мусульманского культа в основном приезжали из Китая. Поэтому в 60–70-е гг. почти все имамы дунганских мечетей в Киргизии и Казахстане являлись выходцами из Китая. Исключение составлял, пожалуй, единственный дипломированный имам мечети в Джамбуле Месирахун, коренной житель Казахстана. Он закончил медресе в г. Бухаре в 60-х гг., а в 70-х гг. – духовный институт в г. Ташкенте при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, и в самые трудные годы тоталитарного режима, и позже, вплоть до середины 1980-х гг., представители дунганского духовенства продолжали отстаивать чистоту ислама, призывая людей к добру и удерживая от зла.

Качественно новый этап в развитии ислама, связанный с его возрождением, наступил на постсоветском пространстве с началом перестройки, когда верующие получили возможность свободного исполнения богослужений, более глубокого изучения сути мусульманской религии и осмысленного ее понимания. В начале 90-х гг. ежегодно в села Киргизии и Казахстана, в том числе и в дунганские села, приезжали на дават мусульманские проповедники из Саудовской Аравии и Пакистана. Они призывали людей встать на путь ислама и обратиться к Аллаху, приглашали к себе на родину всех желающих изучать Коран в медресе. К 2010

г. более 250 юношей из Киргизии и Казахстана обучались в Пакистане, из них около 150 человек – дунгане, не сколько дунган обучались в исламских институтах в Египте, Сирии и Саудовской Аравии. Ежегодно многие киргизы, казахи и дунгане с семьями ездили в Пакистан и Индию на дават, чтобы глубже постичь истину исламской веры и законы Всевышнего Аллаха.

Возвращаясь на родину из арабских стран, выпускники исламских институтов поддерживают тесный контакт между собой, организуют даваты по селам Киргизии и Казахстана, в общем призыве к Всевышнему Аллаху, сближая мусульманские народы Центральной Азии – киргизов, казахов, узбеков, дунган, даргинцев, аварцев и др.

С конца 80-х гг. и по настоящее время во всех дунганских селениях иместах компактного проживания верующие строят десятки мечетей имолитвенных домов. Почти при всех мечетях открываются медресе для мальчиков, летние лагеря и женские группы для изучения основ ислама. Так, если в с. Сартобе (Шортюбе, Казахстан) в 60-х гг. прошлого века не было ни одной мечети, а пятничный намаз совершали у кого-нибудь дома или в поле, то сегодня в селе функционирует 18 мечетей. Почти при каждой есть медресе или женские и мужские группы по изучению ислама. Все больше молодых людей заканчивают высшие духовные образовательные учреждения в Киргизстане, Казахстане и за рубежом (Пакистане, Ливане, Малайзии, Турции, ОАЭ и др.). После окончания медресе и исламских институтов многие из выпускников работают в медресе или создают группы при мечетях, где передают свои знания односельчанам. Традиционно сильные позиции ислама в местах компактного проживания дунган служат надежным иммунитетом против различных нововведений в исламе, единичные проявления которых, если и имеют место, медленно встречают яростное сопротивление всей общины.

Таким образом, вся многовековая история дунганского народа со времени его формирования как народности до наших дней неразрывно связана с исламом. Именно мусульманская религия не позволила дунганам ассимилироваться в людском океане Поднебесной империи. Вместе с киргизами, казахами, узбеками, русскими и другими среднеазиатскими народами дунгане пережили трагические и славные страницы истории, сохранив свой язык, культуру и религию.

Благодаря нынешней политике независимых государств Казахстана и Киргизстана, верующие дунгане имеют возможность более глубокого познания религии Истины, призывающей людей к благочестию, разумной праведности поведения, смирению и терпимости, способствуя установлению доброжелательных и добрососедских отношений между народами Центральной Азии.

ГЛОССАРИЙ

Автохтонный (аборигенный) – местный, коренной, принадлежащий по происхождению данной территории.

Автономия национально-культурная – теория и практика решения национального вопроса в полиэтнических странах, основанные на предоставлении этническим группам права образования своих общин, этнокультурных объединений, организации школ с преподаванием на родном языке и учетом этнических традиций и т.п.

Адаптация (от лат. adaptare – приспособлять) – процесс приспособления иммигрантов к новым условиям в иной стране.

Аккультурация – процесс взаимопроникновения и взаимовлияния культур, когда в ходе прямого контакта усваиваются образцы поведения, ценности чужой культуры, которые, в свою очередь, изменяются и приспосабливаются к новым требованиям.

Алия (ивр. подъём), «восхождение») – репатриация евреев в Израиль, а до основания государства Израиль – в Эрец-Исраэль.

Антисемитизм (юдофобия) – одна из форм национализма и расизма, выражающаяся во вражде к евреям как особой этнорелигиозной общности, иногда выделяемой и на основании расовых признаков; так как к «сеμίтам» относятся и арабы, то более точным является термин «юдофобия».

Ассимиляция – вид объединительных этнических процессов, в которых этносы или их отколовшиеся части, вступив в тесные и длительные контакты с преобладающим по численности и социально-экономическому положению народом, воспринимают его язык и культуру и постепенно сливаются с ним, утрачивают прежнее самосознание и причисляют себя к этим народам.

Билингвизм (двуязычие) – знание и владение двумя языками, одним из которых обычно бывает родной язык, усвоенный в раннем детстве, другим – язык межэтнического общения с иноэтническими группами.

Верификация – подтверждение истинности или ложности какого-либо высказывания с помощью логического доказательства или опытным путем.

Галут – массовое изгнание евреев из Иудеи в Вавилон, положившее начало образованию еврейской диаспоры (эды).

Геноцид – действия, совершаемые с намерением уничтожить какую-либо национальную, этническую или религиозную группу как таковую. Сюда относится не только прямое уничтожение, но и создание условий, ведущих к вымиранию, физическому или умственному вырождению тех или иных групп.

Гетерогенность – характеристика чего-либо, состоящего из неоднородных элементов, в отличие от гомогенности, предполагающей однородность процесса или явления.

Гиор – обряд перехода в иудаизм

Гражданство – принадлежность человека к определенному государству, в силу которого на него распространяются законы, гражданские права и обязанности этого государства. Иммигранты получают гражданство по установленным правилам и условиям, в число которых входит определенное время проживания в государстве, знание официального языка, Конституции.

Диаспора – а) в узком смысле – совокупность мест поселения евреев после разгрома Вавилоном Израильского царства (6 в. до н.э.) и увода живших там евреев в плен, позже – совокупность всех мест расселения евреев по странам мира вне Палестины; б) в широком смысле – пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения как следствие насильственного выселения, угрозы геноцида (истребления), социально-исторических, экологических и прочих катаклизмов.

Дискриминация расовая, этническая – юридически оформленное или фактическое ограничение (лишение) тех или иных прав и возможностей, преследование каких-либо лиц или групп людей по мотивам их расовой, этнической принадлежности, не совпадающей с господствующей.

Дескриптивность – изображение с помощью языка содержания переживания, соответственно – дескриптивный (описательный) метод в науке.

Детерминация – причинная обусловленность явлений действительности, наличие закономерности в явлениях природы и общества.

Дискурс – знания, полученные на основе предшествующих суждений, зафиксированные в письмах или устной речи.

Иммиграция – вселение, въезд в какую-либо страну, связанный со стремлением поселиться в ней (иногда на определенное время).

«Имперская» нация – нация, воссоздававшая островки метрополии в местах компактного проживания своих представителей, приспособившаяся страны и народы проживания к своим нравам, привычкам, обычаям.

Интеграция межэтническая – вид объединительных этнических процессов, заключающийся во взаимодействии этносов, что ведет к постепенному их сближению с выработкой общих элементов культуры, менталитета, правил поведения и т.п.

Ирредента – отколовшиеся от материнского ядра части этноса, компактно расселенные в государствах, граничащих с их исторической Родиной, особенно высока их концентрация в приграничных, сопредельных территориях.

Ирредентизм – термин, который используется для обозначения политики по объединению этноса в рамках единого государства. При этом поднимается вопрос о воссоединении территории, на которой проживает ирредента, с титульным государством, где их этнос составляет большинство.

Консолидация этническая – вид объединительных этнических процессов, при которых происходит слияние нескольких родственных по происхождению, близких по языку и культуре этносов (или – частей этносов) в более крупные этнические общности.

Космополитизм – мировоззрение, основанное на идее единства всего человечества, на первостепенной важности глобальных проблем по сравнению с государственными, этническими, национальными, религиозными и другими, делящими человечество на отдельные общности.

Ко-этники – представители одной этнической общности.

Ксенофобия – чувство страха или вражды ко всему незнакомому, к чуждым этническим или расовым группам

Маргинальность этнокультурная – состояние людей, оказавшихся на грани двух этнических культур и участвующих во взаимодействии этих культур: наиболее свойственна начальным стадиям аккультурации и ассимиляции.

Мейнстрим (англ. mainstream – основное течение) – преобладающее направление в какой-либо области (научной, культурной, др.) для определённого отрезка времени.

Меньшинство этническое – группа людей той или иной этнической принадлежности, уступающая по численности окружающему ее иноэтническому населению в ареале ее расселения.

Ментальность – образ мышления, общая духовная настроенность этноса, социальной группы, индивида. Ментальность обусловлена национальными и социокультурными особенностями, в которых живут народы.

Миграции (населения) – перемещения людей, связанные с постоянной временной переменной места их жительства.

Метаэтническая общность – встречающееся в российской этнологии обозначение народов, близких в языковом, культурном и политическом отношении.

Метисация – физическое смешение представителей разных рас и этносов между собой.

Народность – термин, широко употреблявшийся в советской науке и общественной практике в отношении этнических групп, не имевших своей государственности, в т.ч. в форме союзных и автономных республик в составе СССР.

Натурализация – прием в гражданство иностранца, длительно проживающего на территории данного государства, отвечающего действующим требованиям для натурализации.

Национальная политика – совокупность законодательных, идеологических, организационных мер государства, направленных на то или иное решение национального вопроса.

Национальное меньшинство, или этническое меньшинство – численно незначительная этническая группа, проживающая на территории ка-

кого-нибудь государства, члены которой являются его гражданами, но не принадлежат к коренной национальности и осознают себя национальной общиной.

Национальное движение – массовое движение в среде этнической группы для достижения ею своих интересов: экономических, политических или языково-культурных.

Национальность – термин, употребляющийся в русском языке в двух значениях: 1) для обозначения в документах этнической принадлежности и 2) как синоним понятий народ и этническая группа.

Национальный вопрос – вопрос об общих и частных способах гармонизации отношений между национальностями или этническими группами, взаимодействующими главным образом в границах многонациональных государств.

Нация – совокупность граждан одного государства. Отсюда понятия: «национальная» экономика, законодательство, армия, интерес, символика и пр.

Община этническая – совокупность представителей определенной национальности, проживающая в стране, городе и т. п.

Парадигма (от греч. *παράδειγμα*, «пример, модель, образец») – совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом.

Предпринимательство этническое – способ адаптации мигрантов, который выражается в особой предрасположенности некоторых этнических групп к занятию определенным видом деятельности, к выбору и занятию ниши в торговле, услугах или производстве, основанных на использовании внутриэтнической (диаспорной) сети.

Расселение этническое – особенности территориального размещения этносов. Различают два основных вида этнического расселения по отношению с другими этносами: компактное и смешанное.

Резидент – юридическое или физическое лицо, постоянно зарегистрированное или постоянно проживающее в данной стране. Резиденты обязаны в своих экономических действиях придерживаться законов данной страны, платить налоги в соответствии с законами и нормами этой страны.

Самоопределение этническое – этническая идентификация, определение индивидом своей этнической принадлежности, причисление себя к той или иной этнической группе, общности.

Самосознание этническое – чувство принадлежности к определенному этносу, важный признак этноса, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и внешне проявляющийся в форме самоназвания.

Сепаратизм – политика и практика отделения части территории государства с целью создания нового самостоятельного государства или перехода в состав иного государства или получения статуса очень широкой

автономии. Сепаратизм принято подразделять на два вида: этнический и религиозный, то есть в первом случае – движение этнического меньшинства за отделение, в другом – религиозного.

Синдром «навязанной этничности» – синдром, проявляющийся в гипертрофированном чувстве принадлежности к определенной этнической группе.

Сионизм – националистическое движение евреев различных стран мира за возвращение на свою древнюю родину – Палестину и возрождения там национально-религиозной государственности.

Социальная ассимиляция – результат постепенного усвоения представителями той или иной социальной группы социально-культурных черт другой группы. Наиболее интенсивно социальная ассимиляция происходит в среде социальных, этнических, конфессиональных и иных меньшинств в условиях доминирования культуры большинства.

Спюрк – армянская диаспора, формирование которой продолжалось на протяжении многих веков и приток в диаспору не прекращается по сей день с обретением Арменией независимости в 1991 г.

Страна-донор – 1) страна, предоставляющая помощь (прежде всего, экономическую) другим государствам; 2) государство, из которого исходят массы эмигрантов в другие страны.

Страна-реципиент – 1) государство, принимающее экономическую, финансовую и иную помощь извне; 2) страна, позволяющая въезжать и проживать в своих пределах массам иммигрантов, беженцев и другим категориям иностранных граждан.

Субэтнос (субэтническая группа) – употребляемое в русскоязычной науке обозначение культурно своеобразных групп в рамках одной этнической группы.

Территория этническая – пространство, в пределах которого живут группы людей, принадлежащие к тому или иному этносу и воспроизводящие в ее пределах свою языково-культурную и другую специфику.

Титульный этнос, титульная нация: в международном праве – народ, в честь которого названо населенное им государство. Например, в Казахстане титульной нацией считаются казахи, в России – русские. В западной историография слово «титульный» как термин используется в основном, когда речь идет о государствах, возникших на руинах Советского Союза.

Толерантность – терпимость к разного рода взглядам, нормам поведения, привычкам, отличным от тех, которые разделяет субъект. Открытость для любых идейных течений, отсутствие страха перед конкуренцией идей.

Транснационализм – процесс, с помощью которого иммигранты создают и поддерживают многослойные социальные связи, объединяющие страны происхождения и поселения.

Филогенез – общая эволюция различных родов и видов организмов. Филогенез необходимо рассматривать в единстве с онтогенезом – особенностями индивидуального развития живого организма.

Холокост – массовое преследование и истребление немецкими нацистами и коллаборационистами из других стран еврейского народа и представителей других меньшинств.

Хуацяо – выходцы из Китая, проживающие в других странах. К ним относятся как граждане КНР, временно проживающие за границей, так и потомки китайских эмигрантов более ранних волн, являющиеся гражданами стран, в которых они проживают.

Шоа («катастрофа») – термин, употребляемый евреями вместо термина «холокост», означающий гибель 6 млн. евреев.

Эда (мн. ч. – эдот) – этнически однородная еврейская община, проживающая за пределами Израиля. Сегодня крупнейшими эдот являются ашкеназы и сефарды.

Экзогамия – запрет сексуальных и брачных отношений между членами одной этнической общности.

Экономическая ниша – не занятый или недостаточно освоенный, свободный участок рынка товаров и услуг, производство и продажа которых обещает предпринимательский успех.

Элита диаспорная – обозначение лидеров в этнической среде, пробившихся в высшие слои общества страны проживания. В современном мире различают элиту политическую, экономическую, административную, военную, интеллектуальную.

Эндогамия – правило заключения браков внутри той или иной этнической общности

Эмиграция – выезд из какой-либо страны в другую (иногда на время – «временная» или – «сезонная» эмиграция).

Этнодисперсный – «рассеяная» в массе основного населения этническая или религиозная группа, которая не образует районов, где они составляют численное большинство.

Этноним – этническое самоназвание, собственное имя народа, этноса.

Этническая группа – наиболее распространённое в науке обозначение этнической общности (народа, этноса), под которой понимается группа людей, обладающая общим этническим самосознанием, разделяющая общее название и элементы культуры и находящаяся в фундаментальных связях с другими общностями.

Этнический анклав – место компактного проживания одного народа, полностью окружённое территорией проживания другого народа, которое зачастую является источником международной напряжённости.

Этническое предпринимательство – рыночные отношения, опирающиеся на земляческие связи и этническую групповую (клановую) солидарность иммигрантских или диаспорных меньшинств.

Этнографическая группа – одно из обозначений локальных, культурно отличающихся групп в рамках одной этнической группы.

Этноконфессиональная общность – общность, возникающая при тесном сопряжении этнических и религиозных признаков.

Этноцид – процесс внешней аккультурации; вытеснение и отрицание всей «низшей» культуры традиционных обществ под видом расширения цивилизации и технологии.

ИНДЕКС ДИАСПОРЫ

1. диаспора (ы)
2. диаспора еврейская – эда – ед.ч., эдут – мн. ч. (на иврите)
3. диаспора армянская – спюрк (на армянском)
4. диаспора диаспоры (Р. Брубейкер)
5. диаспора казахская, немецкая, монгольская и т.д. (по этническому принципу)
6. диаспора исламская, христианская (по конфессиональному принципу)
7. диаспора кавказская, карибская (по региональному принципу)
8. диаспора азиатская, африканская (по расовому признаку)
9. диаспора научно-технологическая (О. Рубан)
10. диаспора политическая (Ё. Шейн)
11. диаспора «свежая» (В. Тишков)
12. диаспора ситуационная
13. диаспора этническая
14. диаспора этнонациональная (Г. Шеффер, И.В. Залитайло)
15. диаспоризация (Н.В. Калинина, А.В. Рязанов, Т.С. Кондратьева и др.)
16. диаспорализация (В.И. Дятлов, С.Б. Кожирова и др.)
17. диаспоростроительство (В. Попков, С. Румянцев)
18. диаспоры Дом – Музей еврейской диаспоры (Наум Гольдман, Натан Щаранский)
19. диаспоры внутренние (Ж. Тощенко, Т. Чаптыкова)
20. диаспоры «виртуальные», «цифровые» (С.В. Бондаренко)
21. диаспоры внешние (Ж. Тощенко, Т. Чаптыкова)
22. диаспоры «бездомные» (Г. Шеффер: курды, палестинцы, цыгане, не имеющие своего государства)
23. диаспоры глобальные (Коэн Р., Барн Р.)
24. диаспоры «дремлющие» (Г. Шеффер: американцы в Европе, скандинавы в США)
25. диаспоры «зарождающиеся» (Г. Шеффер: корейцы, филиппинцы, турки, русские в бывших советских республиках и т.д., появившиеся в последние десятилетия)
26. диаспоры зарубежные
27. диаспоры имперские
28. диаспоры «катаклизма» (Р. Брубейкер)
29. диаспоры классические (еврейская, армянская)
30. диаспоры-колонисты (А. Кеппелер)
31. диаспоры «компактные» (М.Н. Согомонян и др.)
32. диаспоры Министерство (Израиль, Армения, Азербайджан, Грузия, Сербия и т.д.)

33. диаспоры «мобилизованные» – обладающие высоким политическим, экономическим и организационным потенциалом (Дж. Амстронг)
34. диаспоры «молодые» (Г. Шеффер: греки, поляки, турки)
35. диаспоры национальные
36. диаспоры новые
37. диаспоры постсоветского пространства
38. диаспоры потенциальные и состоявшиеся (В. Тишков)
39. диаспоры «пролетарские» (Дж. Амстронг: новые диаспоры)
40. диаспоры «рассеянные»
41. диаспоры современные
42. диаспоры старые
43. диаспоры транснациональные
44. диаспоры эмигрантские
45. диаспоры «центрированные» (В.Тишков: с одним обязательным местом исхода и обязательной связи с ним через метафору возвращения)
46. генезис диаспоры (С. Стрельченко)
47. динамика диаспоры
48. дискурс диаспоры
49. жизнедеятельность диаспоры
50. жизнеобеспечение диаспоры
51. жизненность диаспоры
52. имидж диаспоры
53. менталитет диаспоры (З. Левин)
54. мифы диаспоры
55. образование диаспоры
56. потенциал (экономический) диаспоры
57. представители диаспоры
58. статус диаспоры
59. стратегии диаспор
60. структура (демографическая) диаспоры
61. структура (социальная) диаспоры
62. характеристика диаспоры
63. феномен диаспоры (В. Попков)
64. формирование диаспоры
65. функции диаспоры
66. функционирование диаспоры
67. члены диаспоры
68. типология диаспор (Дж. Амстронг, В. Попков)
69. эволюция диаспоры
70. диаспоризм
71. диаспорант (член этнической диаспоры – Ж.С. Калустьянц)
72. диаспоролог

73. диаспорология
74. диаспоростроительство (С. Ю. Румянцев)
75. диаспорность
76. диаспоролизация (В.И. Дятлов)
77. диаспоризация (С.Я. Козлов, С.А. Арутюнов)
78. «диаспоризация» успеха (ложно выдаваемый за успех)
79. диаспоризм (Дж. Клиффорд)
80. диаспоральные образования (И.В. Залитайло)
81. этнодиаспоральная общность
82. этнодиаспоральная группа (М.А. Мыльников)
83. диаспорный
84. диаспорная группа
85. диаспорная идентичность
86. диаспорная элита (Ё. Шейн)
87. диаспорная община
88. диаспорный дискурс
89. диаспорные народы (В. Тишков)
90. диаспорные проекты (В. Тишков)
91. диаспорное образование
92. диаспорное сообщество
93. диаспорное сознание (А. Милитарев)
94. диаспорные стратегии
95. диаспорное поведение
96. диаспорные народы
97. диаспорный менталитет (З. Левин)
98. диаспорный человеческий материал (В. Тишков)
99. диаспорный язык (Джозеф Фолей)
100. диаспоральная
101. диаспоральная жизнь
102. диаспоральный капитал (Е. Яценко)
103. диаспоральная идентичность
104. диаспоральная общность
105. диаспоральная политика
106. диаспоральная среда (Н.В. Калинина)
107. диаспоральная философия (Э. Григорьян)
108. диаспоральный ресурс (М. Агаджян)
109. диаспорный
110. диаспоральное бытие
111. диаспоральная активность (Н.В. Калинина)
112. диаспоральная политика (Н.В. Калинина)
113. диаспоральное сознание
114. диаспоральный дискурс

115. диаспоральные институты (Н.В. Калинина)
116. диаспоральные стратегии
117. диаспорические исследований (журнал «Диаспора»)
118. диаспорический или диаспорный (А. Милитарев)
119. диаспорический синдром (В. Шнирельман)
120. диаспорическое сознание (А.Милитарев)
121. диаспоризоваться – 1) увеличиваться в количестве диаспор, 2) превращаться в диаспору
122. квазидиаспора, квази-диаспора (Дж. Клиффорд. А.Г. Ларин и др.)
123. недииаспора (С.А. Арутюнов)
124. протодиаспора (С. Градировский)
125. Люська-диаспора (А. Милитарев: о неряшливом обращении с термином «диаспора»)
126. недииаспорные меньшинства (А.Милитарев)
127. недииаспорные этносы (С.А. Арутюнов, С.В. Стрельченко)
128. новодииаспорные образования
129. «этнодиаспоральная группа» (М.А. Мыльников)
130. этнодиаспорный

Индекс составлен Г.Н. Ким

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Монографии и книги

1. Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. – Томск: Томский государственный университет, 2012. – 248 с.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. – М.: Наука, 1984.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983.
4. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987.
5. Гаджиев К.С., Соловьев Э.Г. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. РАН (ИМЭМО). – М., 2006. – 141 с.
6. Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции: (1986–1995). – М.: ИВ РАН, 2001. – 240 с.
7. Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991.
8. Голдстейн, Мартин и Инге Ф. Голдстейн. Как мы познаем. Исследование процесса научного познания / Сокр. пер. с англ. А. Е. Петрова. – М.: Знание, 1984. – 256 с.
9. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т.2: Социальная структура и стратификация. – М., 2000. – 536 с.
10. Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М.: Наталис, 2000.
11. Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). – М., 1994.
12. Ким Г.Н. Республика Корея. Страны Мира. – Алматы: Дайк-пресс, 2010. – 584 с.
13. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945. – Алматы: Дайк-пресс, 1999. – 424 с.
14. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. 1945-2000. Книга вторая. Часть 1. – Алматы. Дайк-пресс. Казахстанские востоковедные исследования. 2006. – 428 с.
15. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. 1945-2000. Книга вторая. Часть 2. – Алматы. Дайк-пресс. Казахстанские востоковедные исследования. 2006. – 394 с.
16. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. – М.: АСТ-Пресс, 1999.
17. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М., 1999.

18. Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские Киргизии, 1992-2002). – М., 2006.
19. Крылова Н.Л. Прожогина С.В. «Смешанные браки». Опыт межкультурного общения. – М.: Институт Африки РАН. Институт востоковедения РАН, 2002.
20. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. – М.: Российская академия наук, 1997.
21. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. – 324 С.
22. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М.: Институт востоковедения РАН; Издательство «Крафт+», 2001. – 121 с.
23. Легойда В.Р. Современная русскоязычная диаспора в государствах Центральной Азии и Закавказья: современная ситуация и перспективы// Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: возможности и вызовы для России. – М.: Логос, 2003
24. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы, 2006
25. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. – М., 1996.
26. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сборник статей / Под ред. академика РАН Ю.А. Полякова и доктора исторических наук Г.Я. Тарле. Составитель Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 329 с.
27. Носенко Е.Э. Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. – М.: ИВ РАН КРАФТ, 2004. – 392 с.
28. Платонов Ю.П. Народы мира в зеркале геополитики : (структура, динамика, поведение): учеб. пособие / Ю.П. Платонов. – СПб., 2000. – 430 с.
29. Полескова Т. Диаспоры в системе международных связей /Т. Полескова. – М., 199. – 199 с.
30. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы /Э.А. Поздняков. – М., 1994. – 123 с.
31. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. – М.: Научная книга, 1998.
32. Полоскова Т. Современные диаспоры: (Внутриполитические и международные аспекты). – М.: Научная книга, 2002. – 252 с.
33. Полоскова Т.В., Скринник В. Русский мир: мифы и реалии. – М., 2003.
34. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. – М.: ИС РАН, 2003. – 340 с.

35. Прожогина С.В. Восток на Западе: вместе и врозь. Иммигрантские истории. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001.
36. Рывкина Р. Евреи в постсоветской России – кто они? – М., 1996
37. Садохин А.П. Этнология : учебник / А.П. Садохин. – М., 2006.
38. Сухарев В.А. Мы говорим на разных языках / В.А. Сухарев. – М., 1998. – 416 с.
39. Тишков В. А. (ред.) Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. – М., 1996.
40. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М., 2001. – С. 9; Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – 544 с.
41. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1789 г. / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998. – 305 с.
42. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии / Я.В. Чеснов. – М., 1998. – 397 с.
43. Этнические меньшинства в зарубежной Европе. – М., 1997. – 328 с.
44. Эфендиев Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик: «Эль – Фа», 1999. – 304 с.

Статьи и авторефераты диссертаций

45. Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: Расхождение и встреча // «21-й ВЕК». – № 2. – 2005. – С. 137-155
46. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 74-78
47. Арутюнов С.А.: «В мире все больше людей, живущих на два дома и две страны» // <http://noev-kovcheg.1gb.ru/article.asp?n=96&a=38>
48. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независ. газ. – М., 2005. – 23 нояб.
49. Аствацатурова М. Северокавказские этнические сообщества Ставрополя: движение к диаспоре // Диаспора. – 2001. – №1.
50. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. – 2003. – № 3. – С. 6-32.
51. Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки современности. 2000. – №3. – С. 115-130.
52. Гаджимурадова Н. М. Особенности формирования и развития диаспор на постсоветском пространстве: на примере России и Закавказья. Автореферат диссертации на ..., кандидата политических наук. – М., 2002.

53. Григорьян Э. Контуры новой диаспоральной философии // http://www.perspectivy.info/oikumena/vector/kontury_novoiy_diasporalnoiy_filosofii_2009-3-9-29-18.htm
54. Диаспора // Исторический словарь // http://mirslovarei.com/content_his/DIASPORA-1402.html
55. Докучаева А. Проблемы диаспоры // <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/046/13.shtml>
56. Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>
57. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. – 1999. № 1. С. 8-23
58. Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. – № 3. – С. 126-138
59. Зимовец С.Н. Диаспоры как передний край гуманитарных проблем современности // Внешнеэкономические связи. – 2006. – Т. 21. – № 1. – С. 64-65.
60. Калмыков П.Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2013.
61. Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): Автореф. дис. на соискание ученой степени д.полит.н. – СПб., 2009
62. Ким Г. Н. Корейская диаспора в стратегическом партнерстве Казахстана и Южной Кореи // Известия корееведения в Центральной Азии. – Алматы, 2010, No. 9 (17). – С. 30-42.
63. Ким Г. Н. Диаспорология России и Казахстана в контексте мирового развития научной отрасли // Acta Rossiana: Institute of Russian and CIS Studies, University of Koryo. 2010, №2, с. 156-178
64. Колосов В. А. Галкина Т.В., Куйбышев М.В. География диаспор на территории бывшего СССР // Общественные науки и современность. – 1996. – №5. – С. 34-46.
65. Колсто П. Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // Диаспоры. – 2001. – № 1. – С. 6-38.
66. Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 4. – С. 39-55.
67. Коростелёв А.Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность. Сб. статей / Под ред. Лебедевой Н.М. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 86-110.
68. Космарская Н.П. «Русские диаспоры» политические мифологии и реалии массового сознания // Диаспоры. – М., 2002. – № 2. – С. 110-156.

69. Котин И.Ю. Процессы формирования южноазиатской диаспоры (XIX-XXI вв.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – СПб., 2007.
70. Коткин Д. Диаспора: главное действующее лицо на мировой экономической сцене // Новое время. – 1993. – № 5. – С. 26–28.
71. Кохейн Р.О., Най Дж.С. Транснациональные отношения и мировая политика // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 5. – С. 228-247;
72. Лаллукка, С. Диаспора. Теоретический и прикладной аспекты // Социологические исследования. – 2000. – №7. – С.91 – 97.
73. Лобанов М.А. Российская диаспора в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических. – М., 2008.
74. Лысенко Ю. Этнические мосты. Диаспоры как фактор международных отношений // Ex libris НГ (Прилож. к «Независимой газете»). – М., 1998. – 15 окт.
75. Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспора. – 2000. – № 1-2. – С. 6-28;
76. Мальцев В.А. Парадокс Усама бен Ладена (О роли национальных диаспор в глобальном мире) // Внешнеэкономические связи. 2006. – Т. 21. № 1. – С. 22-25.
77. Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. – М., 1999. – № 1. – С. 24–33.
78. Муратов А.С. Узбекская диаспора в Казахстане: особенности политического, социально-демографического и культурного развития (конец XIX – начало XXI века): Автореферат дисс. ...канд. ист.наук. – Алматы, 2007.
79. Мыльников М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций. АКД. – Астрахань, 2009.
80. Попков В. «Классические диаспоры» к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. – М., 2002. № 1. –С. 6-22.
81. Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор // <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0kongress>
82. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. – 2000. – № 5. – С. 73-86.
83. Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик (Вторая половина XIX-XX вв.): Автореферат дисс. ...канд. ист.наук. – Владивосток, 2004.
84. Сафран У. Сравнительный анализ диаспор (размышление о книге Роберта Коэна «Мировые диаспоры») // Диаспоры. – М., 2004. – № 4. – С. 138-162.
85. Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 64–73.

86. Сеппо Лаллукка. Теоретический и прикладной аспекты // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 91-98.
87. Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2010. – Том 27. – Выпуск № 1. – С. 86-72.
88. Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. – М., 2003. – № 2. – С. 160-183.
89. Тощенко Ж. Т. Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. – 1996. – № 12. – С. 33-42
90. Фаттахова Е.Н. Корейские диаспоры в России и США: история, адаптация и интеграция (конец XX – XXI в.): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2004.
91. Халмухамедов А.М. Армянская диаспора как социокультурный и политический феномен. – Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С. 54-59.
92. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33-48.
93. Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и материнского этноса. <http://svlourie.narod.ru/armenian-myth/diaspora.htm>
94. Чаптыкова Т.И. Национальная диаспора как объект этносоциологического исследования: Автореферат диссертации ... кандидата социологических наук. – М., 1997.
95. Черногорцева С. В. Влияние этнополитического лоббизма на внешнюю политику США: Автореферат диссер. ... кандидата политических наук. – М., 2007.

Books and Monographs

96. Aitchison, Cara, Peter Hopkins, and Mei-po Kwan, eds. Geographies of Muslim Identities: Diaspora, Gender and Belonging. Burlington: Ashgate, 2007.
97. Akpinar, Aylin. Male's Honour and Female's Shame: Gender and Ethnic Identity Constructions among Turkish Di-vorcées in the Migration Context. Uppsala: A. Akpinar, 1998.
98. Alba R. D. Ethnic Identity: The Transformation of White America. Yale University Press: New Haven, CT & London, UK: 1990.
99. Anderson, Bridget L. Migration, Accommodation and Language Change: Language at the Intersection of Regional and Ethnic Identity. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
100. Anderson, Wannu W., and Robert G. Lee, eds. Displacements and Diasporas: Asians in the Americas. New Brunswick: Rutgers UP, 2005.

101. Everett , Anna. *Digital Diaspora: A Race for Cyberspace*, New York: State University of New York Press. 2009.
102. Bates, Crispin, ed. *Community, Empire, and Migration: South Asians in Diaspora*. New York: Palgrave, 2001.
103. Bauböck, Rainer and Thomas Faist (eds). *Diaspora and transnationalism. Concepts, theories and methods*; Amsterdam University Press. 2010.
104. Benmayor, Rina, and Andor Skotnes, eds. *Migration and Identity*. New Brunswick: Transaction, 2005.
105. Bhikhu Parekh and et. Al. (eds.) *Culture and Economy in the Indian Diaspora*, London: Routledge. 2003.
106. Brah A. *Cartographies of Diaspora: Contesting identities*. London and New York, 1996.
107. Cohen,R .2010. *Global Diasporas, an Introduction*. London and New York, 1997.
108. Bravo-Moreno, Ana. *Migration, Gender and National Identity: Spanish Migrant Women in London*. Bern: Peter Lang, 2006.
109. Brettell, Caroline. *Anthropology and Migration: Essays on Transnationalism, Ethnicity, and Identity*. Walnut Creek: Altamira, 2003.
110. Buckley, Cynthia J., Blair A. Ruble, and Erin Trough Hofmann, eds. *Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia*. Baltimore: Johns Hopkins UP, 2008.
111. Conner W. *The Impact of Homelands upon Diasporas*. In: G.Sheffer (ed.), *Modern Diasporas in International Politics*, pp. 16-45, New York, St.Martin's Press, 1986.
112. *Global Indian diaspora : history, culture and Identity / edited by Ajaya Kumar Sahoo and Laxmi Narayan Kadekar . Jaipur Rawat Publication 2012*
113. Chee-Beng, Tan, Colin Storey and Julia Zimmerman. *Chinese Overseas: Migration, Research and Documentation*, Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong. 2007.
114. *Diasporas and Ethnic Migrants. Germany, Israel and Post-Soviet Successor States in comparative Perspective*. Editors: Rainer Münz and Rainer Ohliger. Frank Cass. London-Portland,Or. 2003.
115. *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / R. Baubock, T. Faist (Eds.)*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.
116. Diener, Alexander C. *One Homeland or Two? Territorialization of Identity and the Migration Decision of the Mongo-lian-Kazakh Diaspora*. PhD Diss. Madison: U of Wisconsin, 2003.
117. Faist Th. *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. – Oxford: Clarendon Press, 2000.
118. *The Indian Diaspora: Historical and Contemporary Context*. Ed. by Sahoo Ajaya Kumar, Bhattacharya Gauri. Rawat Publications, 2009, 275 p.
119. Hazel Smith and Paul Stares (eds) *Diasporas in conflict: peace-makers and peace-wreckers*, Tokyo: United Nations University Press, 2007,
120. Kim G. *Ethnic Entrepreneurship of Koreans in the USSR and post*

Soviet Central Asia. IDE VRS Monograph Series, No.446, Institute of Developing Economies, 2008.

121. Korean Diaspora: Central Asia, Northeast Asia and North America. Ed. Hesung Chun Koh. East Rock Institute. New Haven, Connecticut, 2008.

122. Kuznetsov, Yevgeny (ed.) (2006) Diaspora Networks and the International Migration of Skills: How Countries Can Draw on Their Talent Abroad, Washington DC, World Bank Institute (WBI) Development Studies.

123. Levy, André and Alex Weingrod (eds) (2004) Homelands and diasporas: holy lands and other spaces, Stanford: Stanford University Press

124. Lynn Pan, The encyclopedia of the Chinese overseas. Chinese Heritage Center. Singapore. 1999.

125. Ma, Laurence J.C., and Carolyn Cartier, eds. The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity. Lanham: Rowman and Littlefield, 2003.

126. Mansouri F., Percival-Wood S. Identity, Youth and Belonging: Arab and Muslim Youth in Contemporary Australia Academic Monographs, 2008.

127. Milton E.J. Diasporas and international relations. // Modern Diasporas International Politics.- London: Groom Helm, 1986.

128. Mortland, Carol A., ed. Diasporic Identity. Arlington: American Anthropological Association, 1998.

129. Oishi, N. Women in motion: globalization, state policies, and labor migration in Asia. Stanford, California: Stanford University Press. 2005.

130. Parker D., Miri Song, Rethinking Mixed Race. Pluto Press: Chicago, 2001.

131. Romano R. Race Mixing. Harvard University Press: Harvard, 2003.

132. Safran, W., Sahoo, A.K., and Lal B. V. (eds). 2009. Transnational Migrations: The Indian Diaspora. London, UK and New Delhi, India: Routledge. 2003

133. Sheffer, G. Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge: Cambridge University Press.

134. Sinn E. The Last Half Century of Chinese Overseas. Hong Kong University Press, 1998.

135. Thapan, Meenakshi. Transnational Migration and the Politics of Identity. New Delhi: Sage, 2005.

136. Tsuda, Takeyuki. Strangers in the Ethnic Homeland: The Migration, Ethnic Identity, and Psychosocial Adaptation of Japan's New Immigrant Minority. PhD Diss. Berkeley: U of California P, 1996.

137. Vertovec, Steven and Robin Cohen. Migration, diasporas and transnationalism, Cheltenham: Edward Elgar. 1999

138. Van Hear N. New Diasporas. The Mass Exodus, Dispersal and Regrouping of Migrant Communities. L., 1998.

139. Walker C. The impact of homelands upon Diasporas in International Politics, – London: Groom Helm, 1986.

140. World Diasporas Encyclopedia. Immigrant and Refugee Cultures Around the World. Vol. 1 and 2. Communities (Edited by Melvin Ember, Carol

R. Ember and Ian Skoggard) Kluwer Academic/Plenum Publishers. New York-Boston-Dordrecht-London-Moscow, 2004.

Articles and Papers

141. Ambrosio, Thomas, Irredentism: ethnic conflict and international politics. Chapters 1-2, Praeger Publishers, 2001, pp. 1-30.

142. Armstrong John A. Mobilized and Proletarian Diasporas// The American Political Science Review, Vol. 70, No. 2. (June, 1976), pp. 393-408.

143. Bakewell, O. 'In search of the diasporas within Africa', African Diaspora. 2008, 1(1-2): 5-27.

144. Berry, J.W. Ethnic identity in plural societies. In M. Bernal & G. Knight (Eds). Formation and Transmission of Ethnic Identity, Albany: State University of New York Press. 993, pp. 271-296

145. Bonacich, E/ 'The costs of immigrant entrepreneurship' in Ivan Light and Edna Bonacich, Immigrant entrepreneurs, Berkeley: University of California Press, 1988.- 425-36

146. Bonacich E. Modell J. The Economic Basis of Ethnic Solidarity. Small Business in the Japanese American Community. Berkeley, 1980. P. 1-34.

147. Bonacich, E. 'A theory of middlemen minorities', American Sociological Review, 1973/- 38, 583-94

148. Brubaker, Roger. 2009. Accidental Diasporas and External "Homeland" in Central and Eastern Europe: Past and Present, in Eliezer Ben-Rafael et.al (eds.) Transnationalism: Diasporas and the advent of a new (dis)order (Series editor-Mehdi P Aminesh), Netherlands: Brill

149. Brubaker R. The "diaspora" diaspora //Ethnic and racial studies.- N.Y., 2005.- Vol. 28, №1.- P.1-19.

150. Brubaker W. "Citizenship and Naturalization: Policies and Politics". In: W.Brubaker (ed.) Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and North America, pp. 99-128. Lanham, Maryland: University Press of America, 1989.

151. Cheung Gordon C. K. Chinese Diaspora as a Virtual Nation: Interactive Roles between Economic and Social Capital// Political Studies: 2004, Vol. 52, pp. 664-684

152. Clifford J. Diasporas. Cultural Anthropology. 1994, No. 3. – P. 302-338

153. Cohen E. Components and Symbols of Ethnic Identity: A Case Study in Informal Education and Identity Formation in Diaspora// Applied Psychology: An International Review, 2004, 53 (1), 87-112.

154. Cohen R. Diasporas and the nation-state: from victims to challengers. In: International Affairs 72(3), 1996, pp. 507-520,

155. Cohen R. Rethinking "Babylon": Iconoclastic Conceptions of the Diasporic Experience // New Community. – Abingdon. – 1995. – Vol. 21. – №1. – P. 45-51;

156. Connor W. The impact of homeland upon diasporas //Modern diasporas in intern. politics. / Ed. by Sheffer G. – L., 1986. – P.16 -38.
157. Dabag M., Platt K. Diasporas und kollektive Gedachtnis. Zur Konstituierung kollektiver Identitäten in der Diaspora // Identität in der Fremde / M.Dabag, K.Platt. – Bochum., 1993.
158. Endelman, M. ‘The legitimization of the diaspora experience in recent Jewish historiography’, *Modern Judaism*, 1991. – 11 (2), 195–209
159. Gilroy, Paul. “It Ain’t Where You’re From, It’s Where You’re At: The Dialectics of Diasporic Identification.” *Third Text* 13 (1990-91): 3-16.
160. Gilroy, Paul. “Diasporas and the Detours of Identity.” *Identity and Difference*. Ed. Kathryn Woodward. Thousand Oaks: Sage, 1997. 301-43.
161. Gordon, Edmund T., and Mark Anderson. “The African Diaspora: Toward an Ethnography of Diasporic Identifica-tion.” *The Journal of American Folklore* 112.445 (1999): 282-96.
162. Gracia, Jorge J.E., Lynette M.F. Bosch, and Isabel Alvarez Borland, eds. *Identity, Memory, and Diaspora: Voices of Cuban-American Artists, Writers, and Philosophers*. Albany: State U of New York P, 2008.
163. Esman J. M. *Diasporas and International Relations // Modern Diasporas in International Politics*. – N.Y., 1986. – P. 333-349.
164. Esman M. J. *Ethnic pluralism a. international relations //Canadian rev. of studies in nationalism*. – Toronto. – 1990.-Vol. XVII, № 1-2.- P. 83-93.
165. Hannerz U. *Transnational Connections: Culture, People, Places*. – New York: Routledge, 1996. – P. 216;
166. Hettlage R. *Diaspora: Umriss zu einer soziologischen Theorie // Identität in der Fremde / M.Dabag und K.Platt (Hg.)*, 1993. – S. 75-105.
167. Kolstø, P. ‘The new Russian diaspora: minority protection in the Soviet successor states’, *Journal of Peace Research*, 1993. 30 (2), 197–217
168. Lie John. *From International Migration to Transnational Diaspora // Contemporary Sociology*, Vol. 24, No. 4 (Jul., 1995), pp. 303-306
169. Lukose, R. *Reflections from the field: The difference diaspora makes: Thinking through the Anthropology of immigrant education in the United States. Anthropology & Education Quarterly*, 2007, 38:4, 405-418.
170. Marienstras R. *On the Notion of Diaspora // Minority Peoples in the Age of Nation-States. / Ed. by G. Chaliand. – L., Pluto Press, 1989. – P. 245-270*
171. Meyer, Jean-Baptiste (2011) “A sociology of diaspora knowledge networks”; in: Faist, Thomas, Margrit Fauser and Peter Kivisto (eds.) *The migration-development nexus. A transnational perspective*; Series migration, diasporas and citizenship; Palgrave McMillian; Basingstoke.
172. Naujoks, Daniel. 2010. *Diasporic Identities – Reflections on Transnational Belonging in Diaspora Studies*, Vol. 3. No. 1. Jan-June 2010. New Delhi.
173. Rebhun, Uzi. 2009. *The Israeli Jewish Diaspora in the United States: Socio-Cultural Mobility and Attachment to Homeland*, in Eliezer Ben-Rafael

et.al (eds.) *Transnationalism: Diasporas and the advent of a new (dis)order* (Series editor-Mehdi P Aminesh), Netherlands: Brill

174. Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*. *Diaspora* V.1, №1, p. 83-99, 1991.

175. Saideman S., Ayres R. *Determining the Causes of Irredentism: Logit Analyses of Minorities of Risk Data from the 1980s and 1990s* // *The Journal of Politics*. 2000. Vol. 62.№ 4. P. 1126-1144.

176. Safran, William. 2009. *The Diaspora and the Homelands, Reciprocities, Transformations and Role Reversals*, in Eliezer Ben-Rafael et.al (eds.) *Transnationalism: Diasporas and the advent of a new (dis)order* (Series editor-Mehdi P Aminesh), Netherlands: Brill

177. Sahoo, Ajaya. 2009. *Issues of Identity in the Indian Diaspora: A Transnational Perspective*, in Eliezer Ben-Rafael et.al (eds.) *Transnationalism: Diasporas and the advent of a new (dis)order* (Series editor-Mehdi P Aminesh), Netherlands: Brill

178. Safran W. 'Diasporas in modern societies: myths of homeland and return', *Diaspora*, 1991. – 1 (1) pp. 83–99

179. Shain Y. *Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy*//*Political Science Quarterly*, Vol. 109, No. 5, (Winter, 1994-1995), pp. 811-841.

180. Sheffer G. *Loyalty and Criticism in the Relations between World Jewry and Israel*// *Israel Studies*, Vol. 17, No. 2 (Summer 2012), pp. 77-85

181. Sheffer, Gabriel. 2009. *A Reexamination of the Main Theoretical Approaches to the Study of Diasporas and their Applicability to the Jewish Diaspora*, in Eliezer Ben-Rafael et.al (eds.) *Transnationalism: Diasporas and the advent of a new (dis)order* (Series editor-Mehdi P Aminesh), Netherlands: Brill

182. Sheffer G. *Ethno-National Diasporas and Security.- Survival*. L., 1994. Vol. 36.№ 1. P.60-79

183. Sheffer G. *A new Field of Study: Modern Diasporas in international politics*. In: *Modern Diasporas in international politics*. (ed.) by Gabriel Sheffer. P. 1-15. New York, 1986

184. Skinner E. *The Dialectic Between Diasporas and Homelands* // *Global Dimensions of the African Diaspora* / Ed. by J. Harris. – Washington: Howard University Press, 1982. – P. 103-110

185. Tambiah, S. J. 2000. 'Transnational Movements, Diaspora and Multiple Modernities'. *Daedalus*, Vol. 129. No.1: pp. 163-94.

186. Thelen, Tobie. 2009. *Across Time and Space: Identity and Transnational Diasporas*, in Eliezer Ben-Rafael et.al (eds.) *Transnationalism: Diasporas and the advent of a new (dis)order* (Series editor-Mehdi P Aminesh), Netherlands: Brill

187. Tiesler, Ninaclara. 2009. *Muslim Transnationalism and Diaspora in Europe: Migrant Experience and Theoretical Reflection*, in Eliezer Ben-Rafael et.al (eds.) *Transnationalism: Diasporas and the advent of a new (dis)order* (Series editor-Mehdi P Aminesh), Netherlands: Brill

188. Tölölyan, K. 'Elites and institutions in the Armenian diaspora's history', *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2000.- 9 (1), 107–36.

189. Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // *Diaspora*. – 1996. – № 1. – P. 13-27.

190. Wahlbeck Oesten. The concept of Diaspora as an analytical tool in the Study of Refugee communities// *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28, No. 2: 221- 238.

191. Werbner, P. 'The place which is diaspora: citizenship, religion and gender in the making of chaordic transnationalism', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2002, 28(1): 119-133.

Научное издание

**ДИАСПОРЫ КАЗАХСТАНА:
ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ**
Сборник статей

*Под редакцией д.и.н., профессора
Кима Германа Николаевича*

Выпускающий редактор *Г.С. Бекбердиева*
Компьютерная верстка *А. Алдашевой*
Дизайн обложки *А. Калиевой*

ИБ №

Подписано в печать 20.03.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 15,5 п.л. Тираж 00 экз. Заказ № .
Издательский дом «Қазақ университеті»
Казахского национального университета им. аль-Фараби.
050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71.
Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».